

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Н. Ангерман, д-р наук, проф. (Гамбургский университет, Германия)

Й. Бэжман, д-р наук (Хельсинкский университет, Финляндия)

С. Г. Веригин, д-р ист. наук, профессор (директор Петрозаводского Института истории, политических и социальных наук)

Р. Жерелик, д-р ист. наук, проф. (директор Института истории г. Вроцлава, Польша)

Н. Кент, д-р наук, проф. (Кембриджский университет, Великобритания)

М. Клементи, д-р наук (исследователь Восточной Европы департамента социальных и политических наук университета Калабрии, Италия)

А. В. Лихоманов, канд. ист. наук, доцент (зав. отделом РНБ)

Д. Ливен, д-р наук, проф. (Кембриджский университет, Великобритания)

Д. Мэтлок, д-р наук, проф. (Принстонский и Колумбийский университеты, США).

М. Ниендорф, д-р наук, проф. (Университет Грайфсвальда, Германия)

Г. Оселиус, д-р наук (Шведский национальный военный колледж)

М. Пауэлл, д-р наук, проф. (Фредерик Коммьюнити Колледж, США)

М. Рио-Сарсе, д-р наук, проф. (Университет Париж VIII, Франция)

В. В. Рогинский, д-р ист. наук (Институт всеобщей истории РАН)

В. В. Сергеев, д-р ист. наук, проф. (Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта)

Э. Чапевский, д-р ист. наук, проф. (Институт по вопросам безопасности и международных прав, Университет Нижней Силезии во Вроцлаве, Польша)

А. Г. Шкваров, канд. ист. наук (Хельсинкский университет, Финляндия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

В. Н. Барышников (председ.), д-р ист. наук, проф.

О. Ю. Пленков, д-р ист. наук, проф.

А. А. Петрова, канд. ист. наук, доцент

В. Н. Борисенко, канд. ист. наук, доцент

Т. Н. Гончарова (отв. ред.), канд. ист. наук, доцент

Л. В. Сидоренко (дизайн), канд. ист. наук, ст. преп.

Санкт-Петербургский государственный университет
Институт истории
Кафедра истории Нового и новейшего времени

**ТРУДЫ КАФЕДРЫ
ИСТОРИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО
ВРЕМЕНИ**

St-Petersburg State University
Institute of History
Department of Modern and Contemporary History

**PROCEEDINGS OF THE DEPARTMENT
OF MODERN AND CONTEMPORARY
HISTORY**

22 (1)

2022

ББК 63.3(0)

Т78

Редколлегия выпуска: д-р ист. наук, проф. *В. Н. Барышников* (председ.); канд. ист. наук, доцент *Т. Н. Гончарова* (отв. ред.); канд. ист. наук, доцент *Л. В. Сидоренко*.

Т 78 Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 22 (1) /
Сост. Т. Н. Гончарова. – Санкт-Петербург, 2022 – 142 с.

ISSN 2227-3824

В Трудах представлены материалы научных исследований, подготовленные на кафедре истории Нового и новейшего времени Института истории СПбГУ. Среди них научные статьи, доклады, историографические обзоры, публикации источников, рецензии, хроника и т.д. Труды адресованы специалистам и всем, кто интересуется западноевропейской и американской историей.

The collection contains research materials prepared by the Chair of Modern and Contemporary History of the Institute of History of St. Petersburg State University. It includes scientific articles, reports, historiography, source publications, reviews of books, chronicles etc. The collection is addressed both to experts and anyone interested in the West-European and American history.

ББК 63.3(0)

ISSN 2227-3824

© Авторы статей, 2022

© Институт истории СПбГУ, 2022

**ЮБИЛЕЮ
АРИАДНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ ПЕТРОВОЙ
ПОСВЯЩАЕТСЯ**

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Барышников В. Н., Гончарова Т. Н.</i> История Испании и Испанской Америки на кафедре истории Нового и новейшего времени. К юбилею А. А. Петровой	10
Библиография научных трудов доцента А. А. Петровой / составитель Т. Н. Гончарова	20

ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ СТРАН ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ

<i>Гончарова Т. Н.</i> Аболиционистская мысль во Франции первой половины XIX века	24
---	----

ИСТОРИЯ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ СТРАН ЗАПАДА

<i>Барышников В. Н.</i> От Тегерана к Ялте: Проблема политического выбора Финляндии в конце Второй мировой войны	49
<i>Брюханова Е. И.</i> Дипломат С. С. Александровский и советско-финляндские отношения в конце 1920-х гг.	63
<i>Балащенко Ю. Д.</i> Творческая элита Финляндии в изображении И. Е. Репина	77

**ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ,
МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Васильева А. Ю. Изучение истории туризма Викторианского периода в британской и отечественной историографии90

Мартин М. А., Борисенко В. Н. Современная российская историография образования Австралийского союза 104

Черниговский М. М. Л. М. Старикова и ее вклад в изучение истории русско-европейских отношений в 30-е годы XVIII века120

РЕЦЕНЗИИ

Смолин А. В. От противостояния к миру 128

Требования к подаче материалов в журнал.138

CONTENTS

Baryshnikov V. N., Goncharova T. N. History of Spain and Spanish America at the Department of Modern and Contemporary history. To the Anniversary of A. A. Petrova 10

Bibliography of the Scientific Works of Docent A. A. Petrova / compiler T. N. Goncharova 20

MODERN HISTORY OF WESTERN EUROPE AND AMERICA

Goncharova T. N. Abolitionist thought in France in the first half of the 19th century 24

CONTEMPORARY HISTORY OF WESTERN COUNTRIES

Baryshnikov V. N. From Tehran to Yalta: The problem of Finland's political choice at the final of World War II 49

Bryukhanova E. I. Diplomat S. S. Alexandrovsky and Soviet-Finnish relations in the late 1920s 63

Balatsenko Yu. D. The cultural elite of Finland depicted by I. E. Repin. 77

**HISTORIOGRAPHY, CRITICAL STUDY OF SOURCES,
METHODS OF HISTORICAL RESEARCH**

Vasileva A. Yu. Studying the history of Victorian tourism in British and Russian historiography90

Martin M. A., Borisenko V. N. The contemporary Russian historiography of the Federation of Australia 104

Chernigovskiy M. M. L. M. Starikova and her contribution to the study of the history of Russian-European relations in the 30s of the 18th century120

REVIEWS

Smolin A. V. From Confrontation to Peace128

Requirements for submitting materials to the journal138

В. Н. Барышников, Т. Н. Гончарова

Барышников Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Нового и новейшего времени, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: v.baryshnikov@spbu.ru

Гончарова Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Нового и новейшего времени, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: t.goncharova@spbu.ru, markicha@yandex.ru

**ИСТОРИЯ ИСПАНИИ И ИСПАНСКОЙ АМЕРИКИ
НА КАФЕДРЕ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ.
(К ЮБИЛЕЮ А. А. ПЕТРОВОЙ)**

Ариадна Александровна Петрова преподает и ведет научную деятельность на кафедре истории Нового и новейшего времени ЛГУ/СПбГУ с декабря 1971 г. Путевкой в научную жизнь для А. А. Петровой стала кандидатская диссертация «Кубинская революционная партия и ее роль в развитии национально-освободительного движения на Кубе», которая получила высокую оценку советской и кубинской печати. Последующая деятельность А. А. Петровой на кафедре тесно связана с историей Испании и Латинской Америки, которую она преподавала студентам. Ее перу принадлежит ряд научных исследований по русско-испанским отношениям, проблемам колониальной Америки, истории военных кампаний 1810–1826 гг. и т.д. Юбилей А. А. Петровой в 2022 г. это повод для того, чтобы вспомнить богатую историю преподавания и изучения испанских и латиноамериканских сюжетов на кафедре истории Нового и новейшего времени.

Ключевые слова: А. А. Петрова, история Испании, история Латинской Америки, кафедра истории Нового и новейшего времени, Санкт-Петербургский государственный университет.

V. Baryshnikov, T. Goncharova

Baryshnikov Vladimir Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Modern and Contemporary History, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg. Russian Federation.

E-mail: v.baryshnikov@spbu.ru

Goncharova Tatiana Nikolaevna, PhD in History, Docent of the Department of Modern and Contemporary History, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation.

E-mail: t.goncharova@spbu.ru, markicha@yandex.ru

**HISTORY OF SPAIN AND SPANISH AMERICA
AT THE DEPARTMENT OF MODERN AND CONTEMPORARY
HISTORY. (TO THE ANNIVERSARY OF A. A. PETROVA)**

Ariadna Alexandrovna Petrova has been teaching and conducting scientific activities at the Department of Modern and Contemporary History since December 1971. A ticket to scientific life for A. A. Petrova was a candidate dissertation «Cuban Revolutionary Party and its role in the development of the national liberation movement in Cuba», which was highly appreciated by the Soviet and Cuban press. A. A. Petrova's subsequent activity at the Department is closely related to the history of Spain and Latin America, which she taught to students. She is the author of a number of scientific studies on Russian-Spanish relations, the problems of colonial America, the history of military campaigns of 1810–1826 etc. The anniversary of A. A. Petrova in 2022 is an occasion to recall the rich history of teaching and studying Spanish and Latin American subjects at the Department of Modern and Contemporary History.

Keywords: A. A. Petrova, History of Spain, History of Latin America, Department of Modern and Contemporary History, Saint-Petersburg State University.

18 июля 2022 г. отмечался юбилей доцента кафедры Истории Нового и новейшего времени, опытнейшего преподавателя Института истории, крупнейшего специалиста в области истории Испании и истории Испанской Америки А. А. Петровой.

Свой научный интерес к Латинской Америке и к Испании Ариадна Александровна фактически пронесла через всю свою творческую и преподавательскую деятельность. Более того она реально стояла у истоков активного изучения истории Южноамериканского региона в нашей стране, закрепив это направление в учебных и научных планах кафедры Истории Нового и новейшего времени на многие годы.

Все, конечно, начиналось со «студенческой скамьи». Учеба на историческом факультете Ленинградского государственного университета в 1960-е гг. стали для Ариадны Александровны «самыми, — как сама она вспоминала, — счастливыми в жизни»¹. Именно в это время она действительно серьезно смогла познакомиться с историей стран Латинской Америки, поскольку именно в это время данный лекционный курс стал уже читаться на кафедре. И Ариадна Александровна, выбрав нашу кафедру, вместе с другими студентами того времени, слушала его одной из первых на историческом факультете ЛГУ². К тому же, тогда, «в 60-е годы Латинская Америка, и в частности Куба, была у всех на устах»³.

Несомненно, важным событием в определении научной судьбы Ариадны Александровны стало еще и то, что она в период учебы в 1969–1970 гг. была направлена на Кубу в Гаванский университет. Там она смогла, наряду с практическим изучением испанского языка, собрать в Национальной библиотеке Кубы и в Национальном архиве материалы для своей будущей крупной научной работы⁴. Действительно, уже в 1971 г. она успешно защитила кандидатскую диссертацию «Кубинская революционная партия и ее роль в развитии национально-освободитель-

¹Петрова А. А. Университет стал моей жизнью и судьбой // Наш дом на Менделеевской, 5. Воспоминания выпускников-историков. СПб.: Издательство «Скифия-принт», 2015. С. 127.

²Там же. С. 128.

³Там же.

⁴Там же. С. 130.

ного движения на Кубе»⁵. Эта высококвалифицированная научно-исследовательская работа получила весьма высокую оценку как советской, так и кубинской печати.

В своей диссертации Ариадна Александровна смогла глубоко исследовать историю Кубинской революционной партии в период с 1892 по 1898 гг. Особо здесь был проанализирован вклад этой партии в развитие кубинского национально-освободительного движения. Весьма показательно, как это и было отмечено в момент защиты диссертации ее оппонентами, исследование было осуществлено на основе обширного комплекса работ кубинских, советских и других авторов. Также Ариадна Александровна смогла привлечь целый пласт неопубликованных ранее материалов хранившихся в национальном архиве Кубы.

Столь важный и быстрый старт научной деятельности позволил Ариадне Александровне уже в 1973 г. вернуться на кафедру сначала в качестве старшего лаборанта, а затем с 1977 г. она была уже принята в штат преподавателей⁶.

К этому времени на кафедре уже долгие годы существовал хорошо известный в научном мире коллектив крупнейших историков, исследователей стран Запада эпохи Нового и новейшего времени. Тогда помимо преподавателей, работавших на кафедре еще в предвоенные годы, таких как профессора В. Г. Ревуненков, С. А. Могилевский, доцент Р. С. Мнухина, в состав кафедры влились и стали профессорами К. Б. Виноградов, В. К. Фураев, С. М. Стецкевич, С. И. Ворошилов, доцент М. Н. Кузьмин. В целом в это время уже сложился крепкий педагогический коллектив, который на протяжении 1950-х –1970-х гг. оставался практически неизменным. Эти крупные ученые и педагоги стали учителями многих из тех, кто сейчас работает на кафедре, продолжая и развивая лучшие традиции кафедры. В этом отношении А. А. Петровой повезло. Ее научным руководителем стал В. Г. Ревуненков.

Профессор В. Г. Ревуненков более 30 лет, начиная с 1957 г., являлся заведующим кафедрой. Этот великий ученый, обладавший широчайши-

⁵*Петрова А. А.* Кубинская революционная партия и ее роль в развитии национально-освободительного движения на Кубе // Автореферат на соискание ученой степени кан. ист. наук / Санкт-Петербургский государственный университет. Ленинград, 1976. 18 с.

⁶См.: *Петрова А. А.* Университет стал моей жизнью и судьбой // Наш дом на Менделеевской, 5. Воспоминания выпускников-историков. СПб.: Издательство «Скифия-принт», 2015. стр. 127-130.

ми познаниями в различных областях истории, способный высказать новое суждение по таким проблемам, где, казалось, все уже сказано и выверено, способствовал тому, что кафедра в этот период превратилась в один из ведущих учебных и научных центров факультета⁷. В данном отношении показательно, что тогда профессор В. Г. Ревуненков стал редактором и автором многих глав учебников и учебных пособий по Новой и новейшей истории разного уровня – для средней школы, учителей и студентов высших учебных заведений. Многие из этих учебников и учебных пособий издавались на всех языках народов СССР, стран Восточной Европы и Китая⁸.

Увеличение часов, отведенных на специализацию, позволило хронологически расширить курс лекций, касающихся истории международных отношений: раньше этот курс охватывал последнюю треть XIX–XX вв., теперь же он начинается с начала Нового времени. Эту первую часть истории международных отношений от середины XVII в. до 1860-х гг. читал профессор В. Г. Ревуненков, после него именно Ариадна Александровна.

Кроме того, курс лекций по истории стран Латинской Америки, который в течение многих лет тоже читал В. Г. Ревуненков, позволил ему подготовить по данному предмету первое в нашей стране учебное пособие – «История стран Латинской Америки в новейшее время», вышедшее в 1963 г.⁹. В этой работе Владимир Георгиевич постарался раскрыть новейшую историю как наиболее крупных и наиболее развитых стран Латинской Америки, так и некоторых её малых стран, которые стали ареной важных исторических событий. Конкретно в учебном пособии была рассмотрена история Аргентины, Боливии, Бразилии, Венесуэлы, Гватемалы, Колумбии, Кубы, Мексики, Перу, Чили. Причем, что характерно, Владимир Георгиевич стремился рассматривать прежде всего социально-экономическое развитие каждой из этих десяти стран в новейшее время, внутривластную борьбу в латиноамериканских государствах, а также развитие коммунистического и рабочего движения.

⁷См.: *Евдокимова Н. П., Петрова А. А.* В. Г. Ревуненков – ученый, оставивший след в науке // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2005. № 2. С. 120-126.

⁸Там же; *Евдокимова Н. П., Петрова А. А.* Владимир Георгиевич Ревуненков // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2010. № 5. С. 217-235.

⁹*Ревуненков В. Г.* История стран Латинской Америки в новейшее время. М.: Высшая школа, 1963. 459 с.

Далее этот лекционный курс стал читать пришедший в университет в качестве ассистента Б. Н. Комиссаров, позже ставший специалистом по истории Бразилии, доктором исторических наук, профессором. Но с середины 1970-х гг. историю стран Латинской Америки стала преподавать уже Ариадна Александровна, которая этот курс в начале 1980-х годов даже читала преподавателям историко-философского факультета Оръенте в Сантьяго-де-Куба. Лекционный курс «История стран Латинской Америки в новейшее время» стал с этого времени одним из важнейших компонентов учебного плана специализации по кафедре истории Нового и новейшего времени.

Кроме того, особой популярностью среди студентов пользовались лекции Ариадны Александровны по этнической истории Америки, а также по истории Иберийского мира. Далее она еще подготовила для студентов кафедры спецкурсы: «Кубинское освободительное движение второй половины XIX в.», «Колониальная политика Испании в Латинской Америке», «Куба: три революции (сравнительный анализ)», «История колониализма в Новое время».

При этом, отдав дань увлечению революционным прошлым кубинского народа и Кубинской революционной партии, а также ее лидеру Хосе Марти, А. А. Петрова столь же увлеченно далее занялась исследованием истории уже колониальной политики Испании в XVI–XVIII вв. в Латинской Америке: складывания колоний Испании в Западном полушарии, управления этими колониями, их экономическим и политическим развитием. В результате ей удалось разработать, а далее опубликовать в соавторстве учебное пособие «Проблемы истории колониальной Америки» (1991)¹⁰. В работе было прежде всего обращено внимание на социально-экономическую ситуацию на Американском континенте в колониальный период, при этом выделялось общее и особенное в развитии колониального общества. Также были еще проанализированы и другие дискуссионные проблемы, которые до этого практически не затрагивались в прежних учебных пособиях, касающихся данной темы.

Более того эта работа создала затем условия для того, чтобы А. А. Петрова смогла стать одним из авторов интереснейшей коллективной

¹⁰Комиссаров Б. Н., Петрова А. А. Проблемы истории колониальной Америки. Курс лекций. Л.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета им. А. С. Пушкина, 1991. 96 с.

монографии «Три века колониальной Америки» (СПб., 1992)¹¹, В монографии, выход которой был приурочен к 500-летию открытия Америки, впервые в отечественной и зарубежной литературе был проанализирован весь комплекс социально-экономических процессов, протекавших на Американском континенте в XVI – XIX веках. В данном случае курс лекций Ариадны Александровны «Военные кампании 1810–1826 гг. в Испанской Америке. Симон Боливар и Хосе де Сан-Мартин как военачальники»¹², который был издан в 2014 г., в какой-то степени тоже явился развитием данного исследовательского направления.

В последующие годы А. А. Петрова также активно приступила к изучению особенностей собственно внешней политики Испании в XVII–XIX вв., а также отношениям Испании и России. Эта работа практически была реализована в весьма положительно встреченной научной общественностью книге «Проблемы новой истории Испании» (1997, в соавторстве)¹³. Книга тоже была выполнена как курс лекций, но объем привлеченной для ее написания литературы, а также ссылки исследователей истории Испании на эту книгу, свидетельствуют о том, что это была весьма серьезная, взвешенная, профессионально сделанная работа. Развитием этой темы также можно считать изданное в 2017 г. учебное пособие «История стран Юго-Западной Европы»¹⁴.

В 2021 г. А. А. Петрова подготовила и издала еще одну свою монографию – «Испания и Россия во второй половине XIX в.: “новое открытие” испанцами и россиянами друг друга»¹⁵. Эта работа была глубоко продуманной, поскольку уже многие годы ее автор читала соответствующие

¹¹Комиссаров Б. Н., Петрова А. А. Саламатова О.В., Ярыгин А.А. Три века колониальной Америки. О типологии феодализма в Западном полушарии. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1992. 248 с.

¹²Петрова А. А. Военные кампании 1810–1826 гг. в Испанской Америке. Симон Боливар и Хосе де Сан-Мартин как военачальники. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2014. 240 с.; См. также: Петрова А. А. Военные кампании 1810–1826 гг. в Испанской Америке: Перуанский поход Хосе Де Сан-Мартина // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 11. С. 85-105.

¹³Евдокимова Н. П., Петрова А. А. Проблемы новой истории Испании Курс лекций. СПб.: Институт истории, 1997. 152 с.

¹⁴Петрова А. А. История стран Юго-Западной Европы. Учебно-методическое пособие. СПб.: Институт истории. 2017. 55 с.

¹⁵Петрова А. А. Испания и Россия во второй половине XIX в.: «новое открытие» испанцами и россиянами друг друга. СПб.: Радуга, 2021. С. 200.

курсы лекций и даже ранее ею был подготовлен и опубликован специальный курс лекций: «Испанцы в России: эпоха Александра II» (СПб., 2012)¹⁶. Что же касается самой монографии, то в этой работе особо рассматривался взгляд испанцев на Россию эпохи Александра II и Александра III и россиян на Испанию 1856 – 1898 гг. При этом, что очень важно, автор постаралась новое свое произведение построить на возможном анализе как личных впечатлений от посещения России или Испании во второй половине XIX в., так и на материалах, публиковавшихся влиятельными российскими и испанскими газетами. В результате одними из основных источников для подготовки монографии стала литература о путешествиях, а также испанская и российская пресса и публицистика. Важным исследовательским источником для подготовки монографии стали еще и донесения дипломатов. Все это в комплексе ранее исследователями использовалось лишь эпизодически, что сделало монографию уникальным по своей сути произведением.

Тем не менее, важным также еще явилось то, что в монографии отдельно рассматривается конкретный вклад дипломатов, путешественников, журналистов обеих стран для формирования нового представления о России в общественном мнении Испании и об Испании в общественном мнении России. Таким образом, подобный подход к изложению материала позволил раскрыть отношения между двумя странами в развитии. В итоге явной исследовательской удачей автора стало то, что в работе удалось уделить особое внимание обобщенному анализу тех изменений, которые произошли в восприятии испанцами и россиянами друг друга в указанный период, а также отдельно исследовать факторы, которые на это повлияли.

В целом, можно сказать, что Петрова Ариадна Александровна продолжила и продолжает славные традиции кафедры истории Нового и новейшего времени, а университет для Ариадны Александровны, действительно, «стал жизнью и судьбой»¹⁷.

¹⁶*Петрова А. А.* Испанцы в России: эпоха Александра II. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион». 2012. 135 с.

¹⁷*Петрова А. А.* Университет стал моей жизнью и судьбой. С. 127.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Evdokimova N. P., Petrova A. A. Problemy novej istorii Ispanii. Kurs lekcij [Problems of the Modern history of Spain. Lecture course]. Saint-Petersburg: Institut istorii, 1997. 152 p.

Евдокимова Н. П., Петрова А. А. Проблемы новой истории Испании Курс лекций. СПб.: Институт истории, 1997. 152 с.

Evdokimova N. P., Petrova A. A. V. G. Revunenkov – uchenyj, ostavivshij sled v nauke [V. G. Revunenkov — a scientist who left a mark on science], in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija [Bulletin of St. Petersburg University]*. 2005. № 2. P. 120-126.

Евдокимова Н. П., Петрова А. А. В. Г. Ревуненков – ученый, оставивший след в науке // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2005. № 2. С. 120-126.

Evdokimova N. P., Petrova A. A. Vladimir Georgievich Revunenkov, in *Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni [Proceedings of the Department of Modern and Contemporary History]*. 2010. № 5. P. 217-235.

Евдокимова Н. П., Петрова А. А. Владимир Георгиевич Ревуненков // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2010. № 5. С. 217-235.

Komissarov B. N., Petrova A. A. *Problemy istorii kolonial'noj Ameriki. Kurs lekcij [Problems of the history of colonial America]*. Leningrad: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina, 1991. 96 p.

Комиссаров Б. Н., Петрова А. А. Проблемы истории колониальной Америки. Курс лекций. Л.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета им. А. С. Пушкина, 1991. 96 с.

Komissarov B. N., Petrova A. A. Salamatova O.V., Jarygin A.A. *Tri veka kolonial'noj Ameriki. O tipologii feodalizma v Zapadnom polusharii [Three centuries of colonial America. On the typology of feudalism in the Western Hemisphere]*. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 1992. 248 s.

Комиссаров Б. Н., Петрова А. А. Саламатова О.В., Ярыгин А.А. Три века колониальной Америки. О типологии феодализма в Западном полушарии. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1992. 248 с.

Petrova A. A. *Kubinskaja revoljucionnaja partija i ee rol' v razvittii nacional'no-osvoboditel'nogo dvizhenija na Kube [Cuban Revolutionary Party and its role in the development of the national liberation movement in Cuba]. Avtoreferat na soiskanie uchenoj stepeni kan. ist. nauk / Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet. Leningrad, 1976. 18 s.*

Петрова А. А. Кубинская революционная партия и ее роль в развитии национально-освободительного движения на Кубе. Автореферат на соискание ученой степени кан. ист. наук / Санкт-Петербургский государственный университет. Ленинград, 1976. 18 с.

Petrova A. A. *Ispancy v Rossii: jepoha Aleksandra II [Spaniards in Russia: the era of Alexander II]*. Saint-Petersburg: Centr nauchno-informacionnyh tehnologij «Asterion». 2012. 135 p.

Петрова А. А. Испанцы в России: эпоха Александра II. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион». 2012. 135 с.

Petrova A. A. *Voennye kampanii 1810–1826 gg. v Ispanskoj Amerike: Peruanskij pohod Jose De San-Martina [Military campaigns of 1810–1826 in Spanish America: Peruvian campaign of José de Saint-Martin]*, in *Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni [Proceedings of the Department of Modern and Contemporary History]*. 2013. № 11. P. 85–105.

Петрова А. А. Военные кампании 1810–1826 гг. в Испанской Америке: Перуанский поход Хосе Де Сан-Мартина // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 11. С. 85–105.

Petrova A. A. *Voennye kampanii 1810–1826 gg. v Ispanskoj Amerike. Simon Bolivar i Jose de San-Martin kak voenachal'niki [Military campaigns of 1810–1826 in Spanish America. Simon Bolivar and José de Saint-Martin as military leaders]*. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014. 240 p.

Петрова А. А. Военные кампании 1810–1826 гг. в Испанской Америке. Симон Боливар и Хосе де Сан-Мартин как военачальники. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2014. 240 с.

Petrova A. A. *Universitet stal moej zhizn'ju i sud'boj [The University became my life and destiny]*, in *Nash dom na Mendeleevskoj, 5. Vospominanija vypusnikov-istorikov [Our house on Mendeleevskaya, 5. Memoirs of graduate historians]*. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Skifija-print», 2015.

Петрова А. А. Университет стал моей жизнью и судьбой // Наш дом на Менделеевской, 5. Воспоминания выпускников-историков. СПб.: Издательство «Скифия-принт», 2015.

Petrova A. A. *Istorija stran Jugo-Zapadnoj Evropy. Uchebno-metodicheskoe posobie [History of the countries of South-Western Europe. Tutorial]*. Saint-Petersburg: Institut istorii. 2017. 55 p.

Петрова А. А. История стран Юго-Западной Европы. Учебно-методическое пособие. СПб.: Институт истории. 2017. 55 с.

Petrova A. A. *Ispanija i Rossija vo vtoroj polovine XIX v.: «novoje otkrytie» ispancami i rossijanami drug druga [Spain and Russia in the second half of the 19th century: a «new discovery» by Spaniards and Russians of each other]*. Saint-Petersburg: Raduga, 2021. 198 p.

Петрова А. А. Испания и Россия во второй половине XIX в.: «новое открытие» испанцами и россиянами друг друга. СПб.: Радуга, 2021. 198 с.

Revunenkov V. G. *Istorija stran Latinskoj Ameriki v novejshee vremja*. Moscow: Vysshaja shkola, 1963. 459 p.

Ревуненков В. Г. История стран Латинской Америки в новейшее время. М.: Высшая школа, 1963. 459 с.

БИБЛИОГРАФИЯ НАУЧНЫХ ТРУДОВ ДОЦЕНТА А. А. ПЕТРОВОЙ

Петрова А. А. в соавторстве с Ткачева М. С. Крымская война во внешней политике Испании // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2012. № 9. С. 60–79.

Петрова А. А. Россия периода «великих реформ» Александра II в восприятии испанского путешественника // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 4 (25). С. 89–93.

Петрова А. А. Испанцы в России: эпоха Александра II. Санкт-Петербург, 2012.

Петрова А. А. Военные кампании 1810–1826 гг. в Испанской Америке: Перуанский поход Хосе де Сан-Мартина // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 11. С. 85–105.

Петрова А. А. Крестьянская реформа 1861 г. в России в восприятии испанцев // Общество. Среда. Развитие. 2013. № 3 (28). С. 60–64.

Петрова А. А. в соавторстве с Анисимов О. В. Нина Петровна Евдокимова – хранительница традиций петербургской школы исследователей истории нового и новейшего времени // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2013. № 4. С. 8–13.

Петрова А. А. Чрезвычайное посольство герцога де Осуны в Россию: взгляд современников и историков // В книге: Испанские темы и формы: искусство, культура и общество / Temas y formas hispanicas: arte, cultura y sociedad. Сборник тезисов докладов Международной научной конференции. Санкт-Петербургский государственный университет; Университет Наварры. ГРИСО, 2013. С. 75–77.

Петрова А. А. Политическая система Испании эпохи Реставрации (правление Альфонса XIII): взгляд русских путешественников // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2014. № 12. С. 196–208.

Петрова А. А. Испанская тема («испанские дела») на страницах газеты «Санкт-Петербургские ведомости» в 1856–1857 гг. // Общество. Среда. Развитие. 2014. № 4 (33). С. 41–44.

Петрова А. А. в соавторстве с Морозова А. В., Янченко Д. Г. Международная научная конференция «Испанские темы и формы: искусство, культура и общество» 26–28 ноября 2013 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2014. № 3. С. 239–241.

Петрова А. А. в соавторстве с Волосюк О. В., Морозова А. В. Две международных научные встречи испанистов 2013 года // Новая и новейшая история. 2014. № 3. С. 243–245.

Петрова А. А. Военные кампании 1810–1826 годов в Испанской Америке. Симон Боливар и Хосе де Сан-Мартин как военачальники. Санкт-Петербург, 2014.

Петрова А. А. Посредническая и гуманитарная деятельность Испании в годы Первой мировой войны в восприятии российской общественности (по материалам газеты «Новое время» за 1914–1917 гг.) // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 3 (36). С. 68–73.

Petrova A. A. The Duke of Osuna's extraordinary embassy to Russia: the view of contemporaries and historians // В сборнике: Temas y formas hispánicas: arte, cultura y sociedad. “Biblioteca Aurea Digital, BIADIG, 28”. Pamplona, 2015. P. 209–230.

Петрова А. А. Университет стал моей жизнью и судьбой // В сборнике: Наш дом на Менделеевской, 5. Воспоминания выпускников-историков. Санкт-Петербург, 2015. С. 127–130.

Петрова А. А. Иберийский мир и Россия в XVI–XXI вв. // История отношений. Санкт-Петербург, 2015.

Петрова А. А. Крымская война и ее уроки в испанской публицистике // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. 2016. № 16 (2). С. 44–57.

Петрова А. А. Китай на рубеже XIX – XX веков глазами испанского дипломата // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2016. № 16. С. 97–100.

Петрова А. А. в соавторстве с Евдокимова Н. П. предисловие к изданию статьи: Ревуненков В. Г. Ошибки Сталина в оценке статьи Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2016. № 16. С. 266–287.

Петрова А. А. в соавторстве с Ушаков В. А., Евсевьев М. Ю., Вахромеева О. Б., Сохор Т. Е. Европейские и азиатские страны глазами иностранцев

(XIX – начало XX в.) // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 41 (3). С. 642–649.

Petrova A. A. в соавторстве с Smolin A. V., Yanchenko D. G., Petrov A. V., Pardon I. The Spanish King Alfonso XIII on pages of Russian press in 1902–1907 // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 40 (2). С. 489–499.

Петрова А. А. в соавторстве с Ушаков В. А. Восстание ихэтуаней в Китае в отображении иностранных наблюдателей // Общество. Среда. Развитие. 2016. № 4 (41). С. 19–23.

Petrova A. A. в соавторстве с Ushakov V. A., Sokhor T. E., Il'in E. V., Goncharova T. N. Russians in captivity: the art of surviving and winning // Былые годы. Российский исторический журнал. 2017. № 45 (3). С. 861–870.

Петрова А. А. История стран Юго-Западной Европы. Учебно-методическое пособие / Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2017.

Петрова А. А. Российские впечатления Аугустина Паскуаля // Przejście=Dруг. Polska, Rosja i Europa Zachodnia-zagadnienia polityczne w XVIII–XX wieku. Tom ku pamięci wielkiego przyjaciela Polski Borysa Pawłowica Zaostrowcewa / pod redakcją Władimira Barysznikowa, Aleksandra Srebrakowskiego, Gregorza Straucholda, Rokisława Zerełika. Instytut Historyczny Uniwersytet Wrocławski, Wrocław, 2018. С. 110–122.

Петрова А. А., Ушаков В. А. Испанский гранд в восприятии современников в России и Испании // Сб. статей. Историко-психологические аспекты взаимовосприятия России и Запада. Материалы XLIV Международной научной конференции. Под ред. С. Н. Полторака. 2018. С. 135–139.

Петрова А. А. Не строй из себя осану! // Испания и Россия: дипломатия и диалог двух культур. Три столетия отношений. М.: Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2018. С. 188–189.

Vozgrin V. E., Petrova A. A., Ushakov V. A. Dreams about the Black Sea // Vestnik of Saint-Petersburg University. History. 2018. Т. 63. № 4. С. 1317–1328.

Петрова А. А. Великое княжество Финляндское в составе Российской империи в восприятии испанских дипломатов второй половины XIX в. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2018. № 19(1). С. 245–256.

Petrova A. A., Ushakov V. A. De Bail en Bail, de diversion en diversion, de baquete en banquet // Анекдот и другие жанры фольклора как историко-психологического источника. Материалы XLV Международной научной конференции. Под ред. С. Н. Полторака. 2019. С. 99–107.

Артеменкова К. П., Петрова А. А., Плешков В. Н., Поздеева М. А., Ушаков В. Н. Периодическая печать в России как источник по ранней истории Америки: опыт и перспектива использования в работах отечественных исследователей (Северная, Центральная, Южная Америка и Вест-Индия) // Клио. 2019. № 8(152). С. 47–57.

Петрова А. А. Российско-испанские отношения от Крымской войны до окончания Первой мировой войны (по материалам Российского государственного исторического архива) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2019. № 19-2. С. 65–86.

Baynova M., Palekhova P., Petrov A., Petrova A. Cultural globalisation, consumer society and fashion industry in Russia: new socio-historical trends // Wisdom. 2019. Т. 13. № 2. С. 146–154.

Петрова А. А., Григорьев И. В. «Испанская болезнь» на страницах официальной советской прессы в 1918–1920 гг. // Историко-психологический и социальный аспекты влияния эпидемий на человека и общество. Материалы XLVIII Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2020. С. 140–146.

Петрова А. А. Сентябрьская революция 1868 г. в Испании на страницах газеты «Санкт-Петербургские ведомости» // Общество. Среда. Развитие. 2020. № 3(56). С. 3–7.

Петрова А. А. Испания и Россия во второй половине XIX в.: «новое открытие» испанцами и россиянами друг друга. Санкт-Петербург, 2021.

Петрова А. А., Григорьев И. Г. Испания в статьях Н. Тасина в газете «Воля России» (1920–1921 гг.) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2021. № 21-2. С. 142–158.

Петрова А. А., Григорьев И. В. Пандемия 1918–1920 гг. («испанка») на страницах испанской прессы // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2020. № 20-2. С. 100–110.

Петрова А. А. Русская тема на страницах испанской либеральной прессы в конце 1860–1890-е гг. // Историческая социология и современное социальное развитие в России и Китае. Сб. статей XVIII российско-китайской социологической конференции. Санкт-Петербург, 2022. С. 505–512.

ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ СТРАН ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ

Т. Н. Гончарова

Гончарова Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Нового и новейшего времени, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: t.goncharova@spbu.ru, markicha@yandex.ru

АБОЛИЦИОНИСТСКАЯ МЫСЛЬ ВО ФРАНЦИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Восстановив рабство в колониях, режим Консулата положил конец аболиционистской интерлюдии во Франции. При Наполеоновской империи, когда получили развитие расовые теории, аболиционисты вынуждены были затаиться или отправиться в эмиграцию. Не имея ни народной поддержки, ни источников финансирования, либералы, тем не менее, продолжали борьбу, которая вписывалась в просветительскую традицию. Одной из самых ярких фигур французского аболиционизма являлся аббат Грегуар, автор памфлетов, стигматизировавших рабство как преступление. Крах Первой империи дал новый импульс аболиционистскому движению во Франции в то время, когда борьба за права человека вышла на международный уровень. Идея постепенной отмены рабства находила все больше сторонников. Первым этапом на этом пути признавалась необходимость положить конец неготорговле. Следуя за примером Англии и США, Франция присоединилась к движению за запрет ввоза негров-рабов на территорию ее колоний. В статье рассматриваются правительственные меры, принятые для реализации столь благого намерения в эпоху Реставрации и Июльской монархии, а также проводится анализ сочинений таких видных аболиционистов, как аббат Грегуар и Виктор Шельшер.

Ключевые слова: французский аболиционизм, аббат Грегуар, запрет неготорговли, В. Шельшер, Реставрация, Июльская монархия.

T. Goncharova

Goncharova Tatiana Nikolaevna, PhD in History, Docent of the Department of Modern and Contemporary history, Institute of History, St-Petersburg State University, St-Petersburg, Russian Federation.

E-mail: t.goncharova@spbu.ru, markicha@yandex.ru

ABOLITIONIST THOUGHT IN FRANCE IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

By re-establishing slavery in the colonies, the Consulate regime put an end to the abolitionist interlude in France. Under the Napoleonic Empire, when racial theories were developed, abolitionists were forced to lie low or go into exile. Having neither popular support nor sources of funding, the liberals, nevertheless, continued the struggle, which fit into the tradition of the Enlightenment. One of the most prominent figures of French abolitionism was the abbé Grégoire, the author of pamphlets that stigmatized slavery as a crime. The collapse of the First Empire gave a new impetus to the abolitionist movement in France just at the time when the struggle for human rights was reaching the international level. The idea of the gradual abolition of slavery found more and more supporters. The first step along this path was recognized as the need to put an end to the negro trade. Following the example of England and the United States, France joined the movement to ban the importation of Negro slaves into the territory of its colonies. The article examines the government measures taken to implement such a good intention in the era of the Restoration and the July Monarchy, as well as the works of such prominent abolitionists as Abbé Grégoire and Victor Schoelcher.

Keywords: French abolitionism, abbé Grégoire, negro trade ban, V. Schoelcher, Restoration, July Monarchy.

Первые расовые теории появились в начале XIX столетия, когда негативные стереотипы в отношении «негров» и «дикарей» Америки стали облекать в мнимо научные формы. Расовые теории, использовавшиеся для легитимации колониализма, как и колониальный гнет *stricto sensu*, вызывали враждебную реакцию со стороны республиканцев и либералов, которые не перевелись при Консульстве и Первой империи, хотя и не позволяли себе громких высказываний. Ряд печатных органов, как «Annales de la religion», «La décade philosophique, littéraire et politique» вели борьбу против утверждений о превосходстве белых над черными. Однако политическая цензура закрыла эти журналы один за другим в 1803 и 1807 гг.

Ж.-Ф. Доксион-Лависс, автор «Путешествия на острова Тринидад, Тобаго, Маргарита и в разные части Венесуэлы, в Южной Америке» (1813), кроме осуждения самого принципа колонизации, ополчился в ней на предрассудки по поводу так называемой неполноценности черных. Таковые предрассудки, по его мнению, служили оправданием для оставления черных в состоянии рабства и подпитывались учеными публикациями, содержащими «много ложного и абсурдного»¹. Приписываемую неграм склонность к порокам, распутству, коварству, воровству, лени, Доксион-Лависс считал неизбежным следствием их рабского состояния².

Анри Грегуар, бывший депутат Национального Конвента, при Консульстве и Первой империи оставался на виду, заседая в Сенате, где заслужил себе репутацию независимого ума. Как священник, верный религиозным догмам, он свято верил в единство человеческого рода, ведь в Библии Адам и Ева представлены как прародители всего человечества. В «О литературе негров или исследования об их интеллектуальных способностях» (1808 г.) Грегуар отстаивал равенство чернокожих и полукровок с белыми и отрицал полигенизм.

¹*Dauxion-Lavaysse J.-F. Voyages en îles de la Trinidad, de Tobago, de la Marguerite et dans diverses parties de Vénézuëla, dans l'Amérique méridionale. En 2 t. Paris, 1813. T. I. P. 234.*

²*Ibid. T. I. P. 254.*

В первой главе Грегуар присоединяется к тезису ученого-ориенталиста К. Ф. Вольнея, сформулированному в его «Путешествии в Сирию и Египет в 1783, 1784 и 1785 годах» (1787), в соответствии с которым египтяне эпохи фараонов имели черный цвет кожи. А отсюда вывод, что раз греки, по рассказам Геродота и Платона, многое позаимствовали у древних египтян, то получается, что европейская культура и цивилизация ведут свое происхождение от чернокожих. Грегуар внес свою лепту в реабилитацию обладателей черного цвета кожи, «вернув» им интеллект, в котором им отказывали колонисты и работорговцы. Для образованного читателя, выпестованного на классической греко-римской культуре, подобные аргументы казались как нельзя более красноречивыми.

Во второй главе Грегуар противоречит распространенному в его эпоху мнению о моральной неполноценности негров. «Так называемое превосходство белых, — пишет он, — не имеет других защитников, кроме самих белых судей и заинтересованных сторон, компетенцию которых можно оспорить прежде, чем атаковать их решение. Это подходящий случай для того, чтобы напомнить апологию льва, который при виде картины, изображавшей животное его вида, сраженное человеком, удовольствовался замечанием, что среди львов нет художников»³. Грегуар осуждает торговцев «живым товаром», которые способствовали распространению европейских пороков и поддержанию дикости в тех краях Африки, в которых осуществляли свой постыдный трафик, наводняя их спиртным и поддерживая в них состояние войны между племенами.

Рабство удушает в зародыше добродетель и разум. «Какие чувства достоинства, самоуважения могут иметь существа, которых держат за скот и на которых их хозяева ставят в карты или в бильярд за несколько рисовых бочек или другие товары? Кем могут быть индивидуумы, которых третируют хуже скотов, обессиленные работой, облаченные в лохмотья, оголодавшие и за малейшую ошибку растерзываемые в клочья кровавым кнутом надсмотрщика?»⁴ Вместо евангельского слова, которое является наиболее верным средством распространения цивилизации, белые несут черным раздор, физические и нравственные муки.

Непосильная работа и жестокие наказания — вот удел чернокожих рабов. Аргументам негроторговцев, утверждавшим, что перевозимые в Америку негры являлись у себя на родине пленниками или преступниками,

³*Grégoire H. De la littérature des Nègres ou Recherches sur leurs facultés intellectuelles. Paris, 1808. P. 35.*

⁴*Ibid. P. 44.*

которым была уготована незавидная участь, так что они благодарить за спасение их жизней, Грегуар противопоставляет высокую смертность рабов на плантациях. Ежегодно новые партии черных в количестве 80 000 прибывают из Африки для замены тех, кто погиб от чрезмерной усталости, нищеты или отчаяния.

На аргументы тех плантаторов, кто ссылаясь на зверские расправы, совершенные неграми на Сен-Доминго в революционную эпоху, Грегуар отвечает примерами злодеяний, совершенных белыми колонистами и войсками, среди которых натравливание голодных собак, привезенных с Кубы, на восставших, предназначавшихся им в пищу. Тем самым, аббат отметал заявления негрофобов, этих «белых тигров с человеческим лицом», о врожденной жестокости и бесчеловечности чернокожих⁵.

Третья глава посвящена разбору моральных качеств негров, среди которых трудолюбие, храбрость, удаль, родительская и сыновья нежность, щедрость и т.п. Книга Грегуара «О литературе негров» встретила негативную реакцию со стороны сторонников колониализма, которые увидели в ней манифест негрофилизма. Неологизм «негрофилизм» был тогда понимаем как чрезвычайно уничижительный и порочащий честь белого человека. Сторонники естественных прав, напротив, получили значимое произведение в поддержку своих тезисов. В книге Грегуара содержалось упоминание о Сьерра-Леоне, территории свободы, созданной в Западной Африке в 1787 г. усилиями британских филантропов, Г. Шарпа и Дж. Кларксона. На приобретенном у местного вождя участке земли они стали селить бывших рабов, получивших свободу за поддержку англичан в Войне за независимость североамериканских колоний, и основали в 1792 г. Фритаун. Их усилия, а также активная деятельность У. Уилберфорса в британском парламенте, увенчались успехом 25 марта 1807 г. принятием билля о запрете работорговли в британских колониях.

Начиная с того момента, как был принят закон о запрете треугольной торговли, английское правительство принялось оказывать давление на кабинеты других стран с тем, чтобы они последовали его примеру. В обоснование этого давления приводились аргументы морального характера, за которыми стояли экономические соображения. Запретив трафик негров-рабов на территории своей империи, Великобритания оказалась в невыгодном положении, опасаясь, что по окончании наполеоновских войн другие державы продолжат извлекать для себя

⁵Ibid. P. 56.

прибыли из этого занятия. Первая из пяти дополнительных статей договора с Великобританией касалась обязательства, взятого на себя Людовиком XVIII, который обещал поддержать английского принца-регента в его стараниях убедить все христианские державы высказаться на Венском конгрессе в пользу отмены торговли неграми и прекратить работорговлю во французских колониях в пятилетний срок.

В этой связи отметим, что в период существования Первой империи завоз новых партий рабов из Африки во французские колонии фактически прекратился, что объясняется довольно просто. Наиболее значимые в колониальном плане острова оказались утрачены, вследствие оккупации Англией или провозглашения независимости в случае Сен-Доминго. Кроме того, Франция не располагала достаточным количеством кораблей, лишившись большей части своего флота в Трафальгарской битве 1805 г. Венский конгресс 1814–1815 гг. среди прочих важных вопросов, касавшихся изменений на карте Европы, посвятил время вопросу работорговли, во исполнение упомянутой выше статьи Парижского договора. В декларации Венского конгресса от 8 февраля 1815 г. говорилось о готовности стран сделать все от них зависящее для скорейшей отмены неготорговли. Впрочем полномочные представители воздержались от обозначения конкретных сроков. Вошедшая в Финальный акт от 9 июня 1815 г., в качестве дополнения к основным статьям, декларация держав об обязательстве отменить неготорговлю могла быть претворена в жизнь не иначе как в случае транспонирования ее в национальное право.

Во время заседаний Венского конгресса вышла в свет анонимная брошюра «О торговле и рабстве черных» за подписью «друг людей всех цветов». Посредством этого текста аббат Грегуар, ее автор, обратился к представителям держав с призывом о немедленной отмене работорговли. Упомянутой выше декларацией, подписанной Ш. М. де Талейраном, Франция в числе других европейских стран взяла на себя обязательство ликвидировать неготорговлю.

После принятия Венской декларации прошел всего один месяц, когда Наполеон совершил свой «полет орла» с острова Эльба, места своей ссылки, до Парижа, куда вошел 20 марта 1815 г. Заботясь о привлечении к себе либеральных симпатий, он почти сразу после своего возвращения, 29 марта, издал декрет об отмене «торговли черными». Декретом Наполеона запрещалось привозить во французские колонии для последующей продажи «каких бы то ни было черных,

приобретенных посредством торговли французской либо иностранной»⁶. Всякое ослушание должно было караться конфискацией корабля и груза, в соответствии с судебным постановлением. Однако поражение наполеоновской армии в битве при Ватерлоо 18 июня повлекло за собой отречение Наполеона и вторичное восстановление Людовика XVIII на троне 8 июля 1815 г.

При Второй Реставрации все постановления «узурпатора» были признаны недействительными. Однако Людовик XVIII не мог в полной мере игнорировать декрет об отмене «торговли черными», который подтолкнул его к более быстрому транспонированию Венской декларации во французское национальное право. Запущенный в действие передаточный механизм было уже не остановить. Однако то, что Наполеон решил одним декретом, Людовик XVIII разделил на два документа. Королевский ордонанс от 8 января 1817 г. запретил ввоз черных рабов во французские колонии, а закон от 15 апреля 1818 г. отменил неготорговлю. Как и в наполеоновском декрете, за нарушение предписаний предусматривались наказания в виде конфискации судна и его груза, а также запрета капитану впредь выходить в море.

Тем не менее, постыдный трафик людей из Африки во французские колонии не только продолжался при Реставрации, но и достиг небывалых размеров. Количество кораблей, практикующих треугольную торговлю, достигло 700, причем большая часть из них ловко уклонялась от преследования, выкидывая пленников за борт в случае риска досмотра. При таком количестве кораблей и занятых на промысле людей, торговля неграми, хотя и объявленная нелегальной, организовывалась на глазах у всех в портах королевства. Нант вышел на первое место среди французских неготорговых портов: 48 кораблей нантских арматоров были задействованы в торговле живым товаром в 1825 г. — больше, чем в «лучшие» годы XVIII столетия. Трафик чернокожих представлял треть активности порта Нанта⁷.

Возмущенные таким положением дел, талантливые ораторы из рядов либеральной оппозиции в Палате депутатов, Ж.-А. Манюэль, Б. Констан, выступали с осуждением нарушений запрета на работорговлю.

⁶Décret impérial abolissant la traite des Noirs. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Décret_impérial_abolissant_la_traite_des_Noirs.

⁷Daget S. Répertoire des expéditions négrières françaises à la traite ill égale (1814–1850). Centre de recherche sur l'histoire du monde atlantique. Université de Nantes, 1988.

Бенжамен Констан произнес на заседании 27 июня 1821 г. речь, ставшую знаменитой: «Работоторговля осуществляется: она осуществляется незаконно. Известна дата отплытий, покупок, прибытий. Публикуются листовки с приглашением приобретать акции в негритоторговле, только покупка рабов маскируется под покупку мулов на побережье Африки, где никто никогда не покупал мулов. Работоторговля осуществляется в более жесткой форме, чем когда бы то ни было, потому что капитаны, торговцы черными невольниками, прибегают к отвратительным мерам дабы избавиться от пленников и уйти от преследования...»⁸. Взывая к гуманизму депутатов, Б. Констан требовал принятия эффективных мер для того, чтобы воспрепятствовать повторению разоблаченных им преступлений.

Аббат Грегуар также не мог молчать, следствием чего стало появление в 1822 г. очень вирулентного памфлета «О бесчестящих наказаниях, которым следует подвергать негритоторговцев». В нем ставится вопрос о реальных преследованиях и возможности применения смертной казни к нарушителям запрета на торговлю чернокожими. Памфлет начинается с определения всех ответственных за такое положение дел: «Я называю негритоторговцем не только капитана корабля, который крадет, покупает, приковывает цепями, набивает в трю битком как сельдей в бочки и продает черных или полукровок, который даже бросает их за борт, чтобы замести слелы преступления, но также всякого индивидуума, который посредством прямого или косвенного сотрудничества является соучастником этих преступлений. Таким образом, понятие негритоторговца включает в себя судовладельцев, фрахтовщиков, акционером, заказчиков, страховщиков, колонистов-плантаторов, управляющих, капитанов, боцманов и всех до последнего матроса, принимающих участие в этом постыдном трафике»⁹. Все эти «агенты преступления» должны находиться в ведении суда присяжных.

В следующем памфлете «О благородстве кожи или о предрассудке белых против цвета кожи африканцев и их потомков черных и полукровок» (1826) Грегуар выступил с обличением колониального господства европейцев, введших в обиход понятие благородства белой кожи для того, чтобы тем сильнее эксплуатировать африканцев ради барышей, выручаемых от продажи хлопка, сахара и т.п. Предрассудок,

⁸Mémoires des abolitions de l'esclavage. Pôle mémoriel national de l'Est de la France. URL: <https://www.abolitions.org>.

⁹Grégoire H. Des peines infamantes à infliger aux négriers. Paris, 1822. P. 1.

связанный с дифференциацией людей по свету их кожи более всего, пишет Грегуар, присущ негриторговцам, плантаторам, а также всем тем, кто так или иначе связан с прибылями, выручаемыми от продажи черного товара. При этом разум и христианская религия, призывающая возлюбить ближнего как самого себя, восстают против деления людей на категории в зависимости от цвета их кожи, могущества и богатства.

Грегуар взывал к инстинкту самосохранения колонистов, убеждая, что в их интересах развенчать предрассудок, связанный со цветом кожи, поскольку освобождение рабов грядет в ближайшем будущем. И тому есть осязаемые свидетельства, как республика Гаити, которая своим существованием реабилитировала черный цвет кожи, свидетельствуя одновременно против работорговли и рабства, как латиноамериканские государства, Колумбия, Мексика, Ла Плата и Гватемала, которые сразу после обретения независимости в тяжелой борьбе с испанским колонизатором, заявили о своей приверженности моральным ценностям.

Грегуар высказывает уверенность в том, что колониальные реалии, основанные на рабстве, в скором времени должны либо кардинально поменяться в сторону смягчения нравов, либо рухнуть, поскольку основаны на преступлении, которое повлечет за собой отмщение. «Плантаторы, испытывающие приступ ярости против тех, кто указывает вам на опасность, откройте наконец глаза: вы спите на вулкане; отвергая советы, вы его разожгли и находитесь рядом с кратером»¹⁰. Упорствование колонистов в презрительном отношении к чернокожим может отозваться им появлением харизматичной фигуры вождя притесняемых, вроде Спартака или Туссена-Лувертюра, под руководством которого негры-рабы силой сметут ненавистный им порядок.

Затронув тему нарушений запрета на работорговлю, Грегуар сокрушается по поводу французского флага, профанированного торговцами живым товаром, по вине которых страдает население Гвинейского берега. «Каннибалы европейского континента поставляют человеческое мясо другим каннибалам Мартиники и Гваделупы. Вполне вероятно, что у них есть сообщники в Марселе, Бордо, Сен-Мало, Гавре, Париже и других городах, но Нант — средоточие упомянутого разбоя. В Нанте проживают чудовища в человеческом обличье, чьи смертоносные глаза постоянно направлены на Африку и которые более страшны

¹⁰Grégoire H. De la noblesse de la peau, ou du préjugé des blancs contre la couleur des Africains et celle de leurs descendants noirs et sang-mêlés. Paris, 1826. P. 51.

для негров, чем пантеры и тигры»¹¹. Грегуар указывает на жандармов, комиссаров полиции как на сообщников вершашегося беспредела, которые закрывают на него глаза, в то время как все в кораблях, сняряжаемых в Нанте, от структуры до оснастки, указывает на их истинное предназначение¹².

Карл X вынужден был прислушаться к общественному мнению и к давлению Великобритании, чьи корабли, курсируя у берегов Африки, фиксировали нарушения запрета от 1818 г. Новый закон о запрете на работоторговлю во французских владениях, изданный 25 апреля 1827 г., рассматривал его нарушение отныне не как проступок, но как преступление, караемое штрафом равным стоимости корабля и груза, а также запретом капитану и офицерам экипажа впредь служить как на королевских, так и на коммерческих судах. Причем в законе было прописано, что наказанию подлежат не только негоцианты и судовладельцы, капитан и офицеры экипажа, но также страховщики, акционеры, поставщики, иначе говоря, все, кто так или иначе участвовал в постыдном трафике¹³. Примененное законодателем расширенное толкование понятия «негроторговец» шло в русле идей Грегуара.

Приходится констатировать, что несмотря на усилия либеральной оппозиции и наличие соответствующего законодательства, незаконный трафик продолжался при попустительстве французских колониальных властей и после 1827 г. Только в эпоху Июльской монархии была отмечена регрессия торговли живым товаром во французских колониях.

Июльская монархия, пришедшая на смену режиму Реставрации, была торжественно провозглашена 9 августа 1830 г. по итогам «Трех Славных» революционных дней 27, 28, 29 июля. Надежды, возлагавшиеся республиканцами на свержение монархии, оказались обмануты. К власти пришла младшая ветвь Бурбонов в лице Луи-Филиппа I, бывшего герцога Орлеанского. Новая Конституционная хартия, которой присягнул на верность Луи-Филипп, расширила избирательный корпус и ввела трехцветную кокарду. В позиции метрополии по отношению к колониям, однако, ничего не изменилось. В Конституционной хартии от 14 августа 1830 г. по-прежнему декларировалось, что «колонии управляются

¹¹Ibid. P. 57–58.

¹²Ibid. P. 75.

¹³Loi du 25 avril 1827. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Loi_du_25_avril_1827.

особенными законами» (ст. 64)¹⁴. Иначе говоря, гражданские права, соблюдаемые в метрополии, на колонии не распространялись.

Систематические и многочисленные нарушения запрета на негроторговлю повлекли за собой принятие закона от 4 марта 1831 г., который аннулировал предыдущий от 25 апреля 1827 г. Принятый убедительным большинством голосов обеими палатами парламента, этот новый закон существенно ужесточил наказания для судовладельцев, капитанов кораблей, судовых приказчиков, страовщиков и всех тех, кто попался на пособничестве нелегальной торговле живым товаром.

Для всякого, снаряжающего судно в целях негроторговли, предусматривалось наказание тюремным заключением продолжительностью от двух до пяти лет в случае ареста корабля в пункте отправления (ст. 1). В случае ареста корабля в открытом море, до совершения акта нелегальной торговли, судовладельцам грозило от десяти до двадцати лет каторжных работ, тогда как финансистам, вложившим деньги в предприятие, и страховщикам — лишение свободы, капитану и судовому приказчику — от пяти до десяти лет каторжных работ, членам экипажа — от года до пяти лет тюрьмы (ст. 2). В случае, если акт работорговли имел место, капитану и представителю интересов судовладельца на корабле грозило наказание от десяти до двадцати лет каторжных работ, а членам экипажа — лишение свободы (ст. 3). Во всех предусмотренных выше случаях сам корабль и его груз подвергались конфискации, которая могла сопровождаться выплатой штрафа (ст. 5). Наказание не применялось к членам экипажа, которые денонсировали нарушение запрета на работорговлю в одном из портов Франции или колоний (ст. 6). Специальное наказание предусматривалось для тех, кого уличили в продаже или покупке кандалов, применяемых при торговле неграми — тюремное заключение от одного года до двух лет (ст. 8).

Часть положений нового закона касалась чернокожих. Жестокое обращение с ними на борту невольничьего судна должно было караться наказанием, предусмотренным Уголовным кодексом (ст. 7). Нелегально ввезенным на территорию колоний неграм надлежало предоставить свободу постановлением суда (ст. 10), но они могли быть задействованы правительством на работах в общественных мастерских продолжительностью не более семи лет (ст. 11). В законе значилось также, что средства, собранные от продажи кораблей и их груза, а

¹⁴Charte constitutionnelle du 14 août 1830. URL: <https://www.conseilconstitutionnel.fr/les-constitutions-dans-l-histoire/chqrte-constitutionnelle-du-14-aout-1830>.

также от выплаты штрафов, должны направляться на улучшение участи освобожденных чернокожих (ст. 16).

Как ни странно, закон 1831 г., на который возлагалось столь много надежд, вызвал шквал критики со стороны аболиционистов. Виктор Шельшер (1804–1893), журналист, состоявший в оппозиции к правительству Июльской монархии, считал, что пытаться положить конец треугольной торговле специальными законами — безнадежное дело. «К чему изобретать наказания для негроторговцев? Разве непонятно, что в вопросе, в основании которого лежит самый гнусный интерес, надо атаковать этот самый интерес?»¹⁵

Шельшер определял закон от 4 апреля 1831 г. как иллюзорный, ни в коей мере не позволяющий достичь означенной цели. Объявление, что по истечении 60-ти лет «все рабы обретут юридическую и фактическую свободу»¹⁶ было бы, по его мнению, единственным средством покончить с негроторговлей. Ко времени освобождения взрослые рабы умрут своей естественной смертью, так что рабовладельцы не смогут предъявить государству претензии в том, что их обокрали. Что же до детей рабов, Шельшер полагал, что наилучшим решением для государства было бы выкупить их у плантаторов на деньги, вырученные от сбора штрафов за незаконную работорговлю. По мере приближения означенного срока упразднения рабства, «товар негроторговцев понизится само собой разумеется в цене, и, не извлекая более выгоды, они вскоре сами откажутся от этой торговли»¹⁷. Для чернокожих, ставших объектом нелегальной торговли, Шельшер предлагал создать на африканском побережье специальную колонию по примеру уже существующих Сьерра-Леоне и Либерии, где труд будет свободным.

После принятия закона 1831 г., Июльский режим приступил к организации наблюдения вблизи африканских берегов, куда отправлялись крейсировать французские патрульные корабли для обнаружения нелегального трафика. Британский флот, чьи суда с давних пор бороздили прибрежные воды Африки в поисках преступивших закон негроторговцев, выполнял в некотором роде функции «морской полиции», поэтому конвенция с Великобританией о праве взаимного

¹⁵Le Journal le Temps, 16 janvier 1831. См. также: *Schoelcher V. De l'esclavage des Noirs et de la législation coloniale*. Paris, 1831. P. 83.

¹⁶*Schoelcher V. De l'esclavage des Noirs et de la législation coloniale*. Paris, 1833. P. 84.

¹⁷*Ibid.* P. 85.

осмотра, заключенная в 1831 и 1833 гг., должна была способствовать большей эффективности французских патрулей. Вместе с Англией, Франция была единственным государством, чей флот участвовал в пресечении нелегальной торговли живым товаром. Такая согласованная деятельность двух стран по досмотру подозрительных кораблей имела следствием значительное снижение треугольной торговли в 1840-х гг.

Не обошлось при этом без критики. Активные поборники национального суверенитета считали унижительным досмотр англичанами французских судов. Англофобия была распространенным явлением во Франции после наполеоновских войн и краха Первой империи. Захват англичанами в 1839 г. французского судна «Сенегамби», которое транспортировало не пленников, а наемных работников в Кайенну, имел негативный резонанс. К этому времени основные потоки невольничьего трафика переместились под другие знамена. Новая конвенция с Англией, заключенная правительством Ф. Гизо 29 мая 1845 г., утверждала паритет французского и английского флотов для наблюдения за африканским побережьем. Присутствие в водах Атлантики 26-ти французских военных кораблей с 222 пушками на борту, в соответствии с упомянутой конвенцией, прекратилось лишь в 1848 г. с учреждением Второй республики.

Приложив много усилий для прекращения нелегального трафика черных невольников, Франция оставалась страной, которая так и не отменила рабство в своих колониях. Спасенные английскими и французскими патрулями с невольничьих кораблей, чернокожие пленники не возвращались в порт отправления, но отвозились в колонии, где они отработывали свое освобождение в течение многих лет и только после этого имели возможность обосноваться в Сьерра-Леоне.

Что же до положения свободных цветных в колониях — Июльская монархия упразднила сегрегационистские законы. Свободные цветные получили возможность пользования всей полнотой гражданских прав по ордонансу от 24 апреля 1833 г. Другое дело — их участие в голосовании ограничивалось имущественным цензом. Но в этом их положение несколько не разнилось от положения белых, среди которых избирательным правом пользовались лишь состоятельные слои буржуазии.

Как и при Реставрации, правительство Июльской монархии находилось под прессингом колониального лобби. Тем не менее, аболиционисты стали все громче заявлять о себе, выступая против деспотизма колонистов и требуя постепенного освобождения рабов путем их приобщения к оплачиваемому труду и религии.

После смерти аббата Грегуара (28 мая 1831 г.) Виктор Шельшер стал достойным продолжателем его борьбы против системы колониального рабовладения. Побывав на Кубе в 1829–1830 гг. по делам торгового предприятия его отца, Шельшер вынес из поездки тяжелые впечатления, после чего опубликовал целый ряд произведений, в которых обличал жестокость негроторговцев и плантаторов. Убежденный республиканец, близкий по своим взглядам к Луи Блану, Шельшер не сразу пришел к мнению о необходимости незамедлительной отмены рабства. Вначале он считал губительной всякую поспешность в этом деле.

Его статья «Черные» (1830) очень хорошо свидетельствует об этом. В ней автор живописал всю тяжесть положения рабов на плантациях, изнуряющую работу и грубое обращение, выхолащивающие из них человеческое достоинство. Ссылаясь на состояние полного невежества и всяческие пороки, порождаемые рабством, Шельшер делал вывод о социальной опасности немедленного освобождения невольников: «Абсолютно не вижу никакой необходимости заражать активное общество (и так уже достаточно негодное) многими миллионами скотов, украшенных званием граждан, которые в конечном счете сделаются обширным рассадником нищих и пролетариев»¹⁸. При этом автор мечтал о всемирном конгрессе и предсказывал, что до упразднения рабства ждать осталось 15 или 20 лет при условии повсеместного прекращения работорговли и эмансипации детей рабов.

В следующем публицистическом труде «О рабстве черных и колониальном законодательстве» (1833) Шельшер призывал к созданию законов, призванных смягчить участь рабов в ожидании отмены их невольничьего статуса. В начале книги автор размышлял о колониальных реалиях, утверждая, что в заморских владениях европеец быстро привыкает к постоянной несправедливости в отношении негров, которые безропотно терпят унижения и страдания. Изложение строится в виде дискуссии со сторонниками рабовладения, которых автор называет «антинегрофилами».

Констатируя высокую смертность рабов в колониях, вынуждающую к постоянному завозу туда новых партий невольников, Шельшер критикует алчность и жестокость плантаторов, которые, амортизируя за три года траты на приобретение рабочей силы, нещадно убивают рабов

¹⁸*Schoelcher V. Les Noirs // Revue de Paris. 1830. T. XX. P. 82.*

непосильным трудом или плетью. «Рабство — это смерть»¹⁹. При этом правосудие в колониях всегда на стороне плантатора, санкционируя тем самым его произвол. «Обвинитель, судья и палач» на своей плантации, рабовладелец мог ничего не опасаться отчасти и потому, что положения Черного кодекса, запрещавшие ему калечить, пытать и убивать своих невольников, не имели более силы.

Не будучи сторонником немедленного освобождения рабов, Шёльшер объясняет опасность такого шага. Доведенные рабством до состояния отупения, невольники не будут способны осознать права и обязанности, накладываемые на них их новым статусом, станут лениться и пренебрегать работой²⁰.

Развенчивая миф о том, что колониальные рабы более счастливы и беззаботны, чем французские крестьяне, Шёльшер утверждает, что невольники «понимают свободу»²¹, которая возвращает им человеческое лицо, в то время как рабство и унижения деморализуют их. Арифканцы не менее других народов способны вкусить плоды цивилизации, но европейцы в своих корыстных интересах поддерживают там варварство. «Черный человек не менее достоин свободы, чем белый»²². Так звучит одна из глав книги Шёльшера, вынесшего свои основные тезисы в оглавление: «Рабство негров являет собой несправедливость по отношению к человеческому достоинству, потому что чернокожий абсолютно равен по разуму белому человеку» — название следующей главы, в которой Шёльшер утверждает, что рабство — это преступление²³.

К этим аргументам принципиального характера, которые приводились и ранее такими защитниками черных, как Бриссо и Грегуар, Шёльшер добавляет аргументы экономического характера: «работа одного свободного человека, белого или черного, равнозначна работе пяти рабов»²⁴. Обрабатывая культуры свободными руками, колонии станут процветающими, так как плантаторам не придется более опасаться лености, бегства или внезапной смерти культиваторов. Обеспечивая себя сами, колонии перестанут быть тяжелым финансовым бременем для

¹⁹*Schoelcher V. De l'esclavage des Noirs et de la législation coloniale. Paris, 1833. P. 26.*

²⁰*Ibid. P. 41.*

²¹*Ibid. P. 42.*

²²*Ibid. P. 65.*

²³*Ibid. P. 72.*

²⁴*Ibid. P. 85.*

метрополии, что позволит их сохранить, несмотря на призывы отдельных экономистов отказаться от них²⁵.

Исходя из изложенных выше тезисов, Шёльшер разработал проект декларации прав колониального человека, которая должна была, в случае принятия ее парламентом, послужить основой для выработки колониального кодекса. Среди положений этого проекта декларации можно выделить следующие: рабы — это люди и обязанность их хозяев обращаться с ними так, как этого требует их человеческое достоинство; хозяин рабов не сможет более воспротивиться их брачному союзу; европейское духовенство будет отправлено в колонии с целью нравственного воспитания рабов; всякий собственник рабов, который причинил им моральный или физический ущерб, будет лишен права обладать невольниками; всякий белый, уличенный в преступлении по отношению к черному, будет лишен своих гражданских и политических прав; в пользу рабов должна быть учреждена касса взаимопомощи; хозяин раба обязуется предоставить ему свободу после того, как тот выплатит выкуп; достаточно простого желания хозяина для того, чтобы предоставить свободу своему рабу. Взяв пример с колониального законодательства Великобритании, Шёльшер ввел в свою декларацию понятие защитника чернокожих, выступающего независимым арбитром в их конфликтах с белыми хозяевами.

В целом, Шёльшер хотел донести своей декларацией, что раб не должен более ассоциироваться с домашним скотом, что свобода — принцип, а рабство — исключение. Речь шла о некоем промежуточном состоянии до освобождения рабов, каковое планировалось по истечении 60-ти лет с момента провозглашения вышеизложенных положений. Осуждая наказание плетью, Шёльшер считал необходимым терпеть его еще некоторое время, пока не будет положен конец рабству²⁶. В наказание плетью (не более 29 ударов) предлагалось внести ограничения с оглядкой на те, каковые были введены в английских колониях, а именно 24 часа между преступлением и наказанием, телесные наказания только в общественных местах специально приставленным для этой цели служащим. Все вышеизложенные правила должны были внести определенные коррективы в произвол рабовладельцев в колониях.

²⁵Ibid. P. 96.

²⁶*Schoelcher V. De l'esclavage des Noirs et de la législation coloniale. Paris, 1833. P. 123.*

В 1830-е гг. сторонники постепенной отмены рабства преобладали над теми, кто требовал немедленного его упразднения. Бытовало мнение, что незамедлительная отмена рабского состояния вызовет очень резкий экономический шок в плантационных колониях, где рабы представляли больше половины населения. Принималась во внимание и трудность перестройки на новый лад социальных отношений, участниками которых будут не хозяин и раб, а арендатор и вольнонаемный работник. Плантаторам требовалось время для того, чтобы морально и организационно подготовиться оплачивать труд наемных рабочих, а рабам — для того, чтобы проникнуться принципами христианской жизни и научиться не брезговать работой, как свидетельствует приведенный выше текст Шёльшера.

Английский закон об отмене рабства в колониях (Abolition bill), принятый в парламенте 8 августа 1833 г., служил примером для подражания. Он предусматривал поэтапное продвижение к означенной цели. Закон должен был вступить в действие с 1 августа 1834 г., а дата окончательного упразднения рабства определялась 1 августа 1840 г., при этом предусматривалось денежное возмещение бывшим собственникам рабов в сумме 20 млн ливров. Предполагалось, что рабы под руководством своих бывших хозяев и властей должны были освоить непростую науку жизни на свободе в течение шести лет. На деле же острая социальная напряженность вынудила законодателя поспешить с окончательным упразднением рабства в английских колониях, каковое было провозглашено раньше предполагаемого срока, 1 января 1838 г.

Новость об Abolition bill подтолкнула французских аболиционистов к основанию в августе 1834 г. Французского общества борьбы за отмену рабства. Ядром этого нового общества стал комитет за отмену работорговли, который являлся составной частью Общества христианской морали, основанного в декабре 1821 г. либералами, состоявшими в оппозиции к режиму Реставрации. Организованное по модели английского Antislavery Society, Французское общество развернуло активную деятельность, которая выражалась в регулярных обсуждениях положения рабов в колониях, в издании газеты, в выступлениях в Палате депутатов, в деятельности при Генеральных советах департаментов, в составлении проектов эмансипации невольников, в участии в аболиционистских конгрессах в Лондоне 1840 и 1843 гг., в составлении петиций, в создании аболиционистских комитетов и в сборе средств по всей Франции.

Важно подчеркнуть, что Общество борьбы за отмену рабства порвало с предшествующей традицией, в соответствии с которой французское аболиционистское движение представлялось как занятие элит, влиятельных во властных структурах нотаблей. Либералы, входившие в состав Общества, как В. де Бройль, А. де Токвиль, Ремюза, Ф. А. Изамбер делали все возможное для того, чтобы вынести вопросы аболиционизма на обсуждение широкой общественности.

Многие депутаты французского парламента состояли членами Общества борьбы за отмену рабства, как А. Ламартин, И. Пасси. Посредством выступлений в Палате депутатов и давлением на членов правительства аболиционисты пытались добиться разработки и скорейшего принятия закона о поэтапной отмене рабства. Однако король Луи-Филипп I не был сторонником этой меры, считая ее утопией и ратуя за поддержание порядка в заморских владениях, в соответствии с пожеланиями колониальных собраний.

Констатируя нежелание правительства приняться за подготовку аболиционистского декрета, на заседании Палаты депутатов 25 марта 1836 г. Альфонс Ламартин выразил свое возмущение с трибуны: «Все представлены здесь, кроме рабов...; черные не имеют ни бюджета, ни казны, ни адвокатов; у них нет других защитников, кроме нашей совести»²⁷.

В 1837 г., ввиду отсутствия правительственной инициативы, И. Пасси, вице-президент аболиционистского общества, предложил свой проект закона. Разработанный им проект эмансипации носил поэтапный характер, в соответствии с которым следовало ограничиться освобождением детей рабов, а также обеспечить возможность для каждого невольника выкупить свободу по фиксированному тарифу. Примерно такие же предложения содержались в упомянутой выше книге В. Шельшера «О рабстве черных и колониальном законодательстве». Депутатская комиссия, созданная для изучения проекта во главе с Ф. Гизо, рекомендовала массовое освобождение, поставив условием дожидаться 1840 г. для того, чтобы получить возможность судить о степени успешности английского опыта эмансипации²⁸. Новая комиссия, созданная для изучения проекта Пасси, заявила в июле 1839 г., что считает освобождение черных невольников

²⁷Цит. по: *Manceron G.* Marianne et les colonies. Une introduction à l'histoire coloniale de la France. Paris, 2003. P. 87.

²⁸*Jennings L. C.* La France et l'abolition de l'esclavage (1802–1848). Paris, 2010. P. 115.

политической необходимостью и также призвала к массовому освобождению рабов.

Отметим, что в среде аболиционистов отсутствовало согласие по целому ряду вопросов, но более всего споров вызывала тема возмещения убытка владельцам рабов. В мае 1840 г. новая комиссия под председательством В. де Бройля приступила к рассмотрению вопросов рабства во французских колониях. После трех лет консультаций, в ходе которых члены комиссии провели большое количество опросов относительно условий содержания рабов, в марте 1843 г. комиссия предложила правительству два проекта. В соответствии с первым из них рекомендовалось осуществить постепенное освобождение рабов, в течение 10-ти лет, посредством выплаты возмещения колонистам, общая сумма которого оценивалась в 150 миллионов франков. Рабы должны были получить возможность зарабатывать деньги на свое освобождение, чтобы накопить для своего выкупа определенную сумму, каковую предполагалось дополнить денежной помощью от государства. Второй проект предполагал всеобщую эмансипацию невольников по истечении 20-ти лет, в течение которых будет подготовлена замена рабочих рук на плантациях и осуществлено обучение свободе.

Примечательно, что несмотря на регулярную работу парламентских комиссий, правительство Июльской монархии так и не сочло возможным разработать проект закона об отмене рабства. Тем не менее, под нажимом депутатов-членов Общества борьбы за отмену рабства, министр морского флота и колоний Арман де Мако выступил с инициативой закона с целью улучшения участи рабов во французских колониях. Принятый 18 июля 1845 г., закон Мако накладывал на рабовладельцев определенные обязательства, его положения распространялись только на Гваделупу, Мартинику, Гвиану и остров Бурбон (Реюньон).

В соответствии с буквой закона, продолжительность рабочего дня на плантациях ограничивалась 9 ч. 30 мин., между 6 ч. утра и 18 ч. вечера, предусматривался дневной перерыв (ст. 3). Каждый раб или рабыня наделялись небольшим участком земли для удовлетворения своих потребностей (ст. 2). Декларировалось право невольников на обладание движимым и недвижимым имуществом, законно приобретенным или наследованным, за исключением кораблей и оружия, при этом в правовом поле они приравнивались к несовершеннолетним на попечении рабовладельца (ст. 4). Рабам позволялось выкупать свою свободу за денежное возмещение по договоренности с хозяином либо

по фиксированной цене (ст. 5). Часть положений вводила штрафы для рабовладельцев, неоправданные побои и увечья, нанесенные рабу, должны были караться тюремным заключением (ст. 9, 10). Колониальным мастерским придавалось особое значение. Всякий бродяга, не имеющий средств и возможности обеспечить себя, обязывался там работать.

Закон от 19 июля 1845 г. выделял министерству Морского флота и колоний сумму в 930 000 франков на ввоз европейских сельскохозяйственных рабочих в заморские владения, на организацию хозяйств на основе вольнонаемного и оплачиваемого труда, на выкуп рабов в случае, если колониальная администрация сочтет это необходимым, и т.п. Средства были рассчитаны на два года, отчет об употреблении выделенных средств должен был ежегодно предоставляться парламенту²⁹.

Однако во французских колониях никакое правительственное распоряжение не могло вступить в действие без согласия колониальных собраний, где плантаторы вершили закон. Неудивительно, что при такой ситуации, все благие посылы законы Мако остались без применения.

В 1846 г. Луи-Филипп издал ордонанс, в соответствии с которым коллективному и быстрому освобождению подлежали рабы королевских владений в колониях (так называемые «королевские негры»). Однако правительство Июльской монархии по-прежнему воздерживалось от полного и немедленного освобождения всех рабов в колониях, опасаясь, что такая мера повлечет за собой массовые убийства и потерю заморских владений. В итоге, Июльская монархия пошла только на частичные реформы рабовладения. Исключением стал остров Майотта, отошедший к Франции в 1841–1843 гг. по договоренности с местным султаном, где в соответствии с королевским ордонансом от 9 декабря 1846 г. была провозглашена отмена рабства. Новые порядки на Майотте, как и на близлежащих островах Нози-Беи и Сент-Мари в Индийском океане, были введены отчасти под нажимом Великобритании, опасавшейся конкуренции добытого рабским трудом и, следовательно, более дешевого сахара с Майотты.

Взгляды Шёльшера по вопросам отмены рабства претерпели значительную радикализацию в начале 1840-х гг. Причиной тому стала неудача английского проекта поэтапного освобождения рабов, а также второе путешествие на острова Карибского моря в 1840–1841 гг., в ходе которого журналист посетил Мартинику, Гваделупу, Кубу, Ямайку, Антигуа, Доминику. Постепенно в нем окрепла убежденность

²⁹Loi Mackau. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Lois_Mackau.

в необходимости немедленной отмены рабства, не дожидаясь пока чернокожие восстанут и потребуют независимости. Публицистические работы 1840-х гг. свидетельствуют об этой радикализации его взглядов: «Отмена рабства: критический анализ предубеждения против цвета кожи африканцев и полукровок» (1840), «О французских колониях. Немедленная отмена рабства» (1842), «Иностранные колонии и Гаити. Результаты английской эмансипации» (1843), «История рабства в течение двух последних лет» (1847)³⁰.

Первая из вышеперечисленных книг — «Отмена рабства...» была представлена на конкурс, организованный Обществом борьбы за отмену рабства, но не получила награду. Конкурс проводился для вручения премии в 1 000 франков, завещанной аббатом Грегуаром тому, кто сумеет изложить наилучшие способы для уничтожения предрассудка белых против черных и цветных. Она представляла собой в некотором роде дополнение к «О литературе негров» Грегуара и воспроизводила многие тезисы, изложенные уже Шёльшером в его предыдущих работах, среди них — интеллектуальное равенство черных и белых. Тем не менее, имелось одно принципиальное отличие. Оно заключалось в том, что в новой книге Шёльшер занял однозначную позицию в пользу немедленной и всеобщей эмансипации рабов.

Основной его тезис — только уничтожение рабства способно положить конец предрассудку в отношении цвета кожи, ибо в его основе — факт господства белого человека над черным. «Черные невежественны не потому, что они черные, но потому что они рабы»³¹. Точно так же русские и польские крепостные крестьяне имеют репутацию недалеких, хотя крепостное состояние менее безнадежно по сравнению с рабством, оставляя человеку больше возможности прибегать к своему разуму. «Рабство отупляет одинаково белых и черных, вот и вся правда»³².

В 1842 г. Шёльшер заявил о невозможности дальнейшего оттягивания решения вопроса невольничьего труда, как об этом свидетельствует

³⁰*Schoelcher V. Abolition de l'esclavage, examen critique du préjugé contre la couleur des Africains et des sang-mêlés. Paris, 1840; Idem. Des colonies françaises. Abolition immédiate de l'esclavage. Paris, 1842; Idem. Colonies étrangères et Haïti. Résultats de l'émancipation anglaise. En 2 t. Paris, 1843; Idem. Histoire de l'esclavage pendant les deux dernières années. En 2 vol. Paris, 1847.*

³¹*Schoelcher V. Abolition de l'esclavage, examen critique du préjugé contre la couleur des Africains et des sang-mêlé. Paris, 1840. P. 21.*

³²*Ibid. P. 22.*

название книги «Немедленная отмена рабства». Посвятив целую главу рассмотрению разных способов постепенного перехода от рабовладельческой системы к свободному труду, будь то последовательная добровольная эмансипация рабов их владельцами, эмансипация посредством выкупа детей рабов, посредством выкупа взрослых рабов, выкупа рабов государством, путем прикрепления к земле, Шёльшер приходил к выводу об их абсолютной недейственности. «Всякое частичное средство плохо потому, что оно частичное. Массовое освобождение единственно способно научить рабов обязанностям свободного человека... Массовое освобождение небезопасно, но из всех способов оно включает в себе менее всего опасностей»³³. Шёльшер считал, что только полное, бескомпромиссное и немедленное освобождение подневольного населения колоний способно превозмочь всякое сопротивление со стороны креолов и колониальной администрации, заинтересованных в сохранении рабовладения, положить конец неопределенности, постоянным беспорядкам и восстаниям рабов³⁴.

Книга была написана Шёльшером до принятия законов 1845 г., смягчивших участь рабов (только на бумаге), по личным впечатлениям от увиденного за время путешествия по Антильским островам. Автор констатировал живучесть предрассудка, определяющего ценность человеческой жизни по цвету кожи, противодействие белых распространению знаний чреди черного населения, произвол рабовладельцев, но также то, что отношения между рабом и его хозяином могут быть фамиллярными и даже семейными, без излишней аффектации подчинения и гоподства. Автора возмущал тот факт, что рабов в колониях судят по всей строгости уголовного кодекса, применимого к свободным гражданам в метрополии.

По мнению Шёльшера, эмансипировать рабов так же справедливо, как и выплатить возмещение рабовладельцам. «Возмещение необходимо, потому что, хотя владение рабами нелегитимно, оно не менее легально». Шёльшер считал справедливой выплату возмещения в 1 000 франков за голову раба. Хорошо известный аргумент плантаторов, в соответствии с которым колонии не выживут в экономическом плане без подневольного труда, категорически отменяется автором. Эмансипировать рабов можно без ущерба для процветания колоний, достаточно наладить туда

³³*Schoelcher V. Des colonies françaises. Abolition immédiate de l'esclavage. Paris, 1998. P. 366.*

³⁴Эти мысли Шёльшер развивал в главе XXIII своего труда.

иммиграцию европейских семей при поддержке государства, что обеспечит культуру сахарного тростника рабочими руками. Распространенное убеждение, что европейцы не приспособлены к сельскохозяйственным работам в тропических странах из-за непереносимости жаркого и влажного климата так же категорично отмечается автором. Аббат де Прадт, который утверждал, что «сахарные колонии Антильских островов были бы невозможны без негров»³⁵, не авторитет для Шёльшера в данном случае. «Это не вина Антильских островов, это ошибка суждения аббата де Прадта. Сахарный тростник не сложнее культивировать, нежели любое другое растение», напротив, европейцы могли бы привнести с собой технические усовершенствования, которые облегчили бы эту работу»³⁶.

Шёльшер обращался с призывом к французским рабочим сменить свое нищенское существование в метрополии на наемный труд в колониях с щедрой природой под безоблачными небесами. Оплачиваемый труд иммигрантов станет эффективной заменой труду невольников, что приведет к регенерации французских колоний, пребывающих в плачевном состоянии. Констатируя, что значение колоний для торгового флота и коммерции Франции чрезвычайно преувеличено, Шёльшер высказывался в пользу их сохранения из чувства национальной гордости, «потому что они французские» и, по сути, являются заморскими провинциями. От его внимания не ускользнула ненависть креолов по отношению к аболиционистам. «Слово филантроп стало ругательным среди них. Англия и производители сахарной свеклы для них это все равно что Питт и Кобург»³⁷. Для того, чтобы сохранить колонии, Шёльшер высказывался за уничтожение посадок сахарной свеклы с возмещением фабрикантам их потерь, поскольку «экзотический сахар является непременным условием существования для колоний»³⁸.

Собранные в «Истории рабства» (1847) сведения должны были продемонстрировать общественному мнению, что несмотря на законы и ордонансы, смягчающие участь рабов, отношение к ним колонистов осталось прежним, то есть презрительным и высокомерным, позволяющим чинить по отношению к ним самые

³⁵*Pradt, abbé de*. Des colonies et de la Révolution actuelle de l'Amérique. En 2 t. Paris, 1817. P. 198.

³⁶*Schoelcher V*. Des colonies françaises. Abolition immédiate de l'esclavage. Paris, 1998. P. XXV.

³⁷*Ibid*. P. 232.

³⁸*Ibid*. P. XLIII.

гнусные несправедливости. Вывод — необходимость срочной отмены рабства напрашивался сам собой. «Одно-единственное средство от бесчисленных проявлений зла, порождаемых рабством, это свобода. Невозможно привнести человечность в рабство. Существует всего один способ действительно улучшить судьбу негров, это провозгласить эмансипацию полную и немедленную»³⁹.

Парламентские дебаты 1840-х гг. свидетельствовали о том, что большинство депутатов выступало за освобождение рабов, однако все упиралось в отсутствие консенсуса относительно методов его осуществления. Рабство во французских колониях изжило себя в практическом и моральном планах, когда банкетная компания, проходившая под лозунгами отставки правительства Гизо и избирательной реформы, привела к Февральской революции 1848 г.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Akademicheskij slovar' teorii i istorii imperij [Academic dictionary of the theory and history of Empires]. Saint-Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2012. 728 p.

Академический словарь теории и истории империй. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2012. 728 с.

Goncharova T. N. *Istorija francuzskogo kolonializma: Aktual'nye problemy izuchenija. Chast' I: Istorija kolonial'nyh imperij Francii [History of French colonialism: Actual problems of study. Part 1: History of the colonial empires of France].* Saint-Petersburg: Istoricheskij fakul'tet SPbGU, 2013. 96 p.

Гончарова Т. Н. История французского колониализма: Актуальные проблемы изучения. Часть I: История колониальных империй Франции. СПб.: Исторический факультет СПбГУ, 2013. 96 с.

Benot Y. *La démente coloniale sous Napoléon. Préface inédite de Marcel Dorigny.* Paris: La Découverte, 2006. 408 p.

Daget S. *Répertoire des expéditions négrières françaises à la traite illégale (1814–1850).* Nantes: Centre de recherche sur l'histoire du monde atlantique. Université de Nantes et Comité nantais en sciences humaines, 1988. 605 p.

³⁹*Schoelcher V. Histoire de l'esclavage pendant les deux dernières années.* En 2 vol. Paris, 1847. Vol. 1. P. III–IV.

Gainot B. Bref aperçu concernant l'histoire du mouvement abolitionniste français (1770–1848) // *La Révolution française. Cahiers de l'Institut d'histoire de la Révolution française.* 2019. № 16. Эл. pecypc: openedition.org.

Grenouilleau O. La révolution abolitionniste. Paris: Gallimard, 2017. 512 p.

Jennings L. Abolitionnisme, jeu politique et réforme: France 1814–1848 // *Pétre-Grenouilleau O.* (dir.). *Abolir l'esclavage. Un réformisme à l'épreuve (France, Portugal, Suisse, XVIIIe–XIXe siècles).* Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2008. P. 169–184.

Jennings L. C. Le second mouvement pour l'abolition de l'esclavage colonial français // *Outre-mers.* 2002. T. 89. № 336–337: *Traites et esclavages: vieux problèmes, nouvelles perspectives?* P. 177–191.

Jennings L. C. La France et l'abolition de l'esclavage (1802–1848). Paris: André Versaille, 2010. 352 p.

Le Garrec E. Abolitionnisme et réforme sociale: les figures de l'esclave et du pauvre laborieux en France, 1814–1840 // *Pétre-Grenouilleau O.* (dir.). *Abolir l'esclavage. Un réformisme à l'épreuve (France, Portugal, Suisse, XVIIIe–XIXe siècles).* Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2008. P. 93–102.

Manceron G. Marianne et les colonies. Une introduction à l'histoire coloniale de la France. Paris: La Découverte, 2003. 318 p.

Motylewski P. La Société française pour l'abolition de l'esclavage, 1834–1850. Paris: L'Harmattan, 1998. 222 p.

Schmidt N. Victor Schoelcher. Paris: Fayard, 1999. 400 p.

Schmidt N. Abolitionnistes de l'esclavage et réformateurs des colonies, 1820–1851. Paris: Karthala, 2000. 1200 p.

Schmidt N. L'abolition de l'esclavage. Cinq siècles de combats XVIe–XXe siècle. Paris: Fayard, 2005. 418 p.

ИСТОРИЯ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ СТРАН ЗАПАДА

В. Н. Барышников

Барышников Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры Истории Нового и новейшего времени Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

E-mail: vbaryshnikov@mail.ru, v.baryshnikov@spbu.ru

ОТ ТЕГЕРАНА К ЯЛТЕ: ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЫБОРА ФИНЛЯДИИ В КОНЦЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

С момента начала коренного перелома в ходе Второй мировой войны роль США в мирном урегулировании с Финляндией усилилась. В Вашингтоне в этом виделась возможность укрепления своей позиции на финском направлении. Однако американские внешнеполитические инициативы в 1943 г. оказались неудачными. Это особенно проявилось на Тегеранской конференции. В результате с этого периода значимость СССР в процессе выхода Финляндии из Второй мировой войны стремительно укрепилась. Более того, далее в период, отделяющий Тегеранскую от Ялтинской конференции, СССР явно уже вообще в отношении Финляндии захватил стратегическую инициативу.

Таким образом, обозначенные на Тегеранской конференции тенденции в отношениях к Финляндии полностью совпали с тем как стали в политическом плане подходить Великие державы к этому государству и на Ялтинской конференции. В этом отношении по «финляндскому вопросу» наблюдался определенный консенсус. Хотя, очевидно, это все достигалось, прежде всего, вследствие того, что Западные союзники СССР реально не имели возможности на данном направлении изменить ситуацию.

Ключевые слова: История Второй мировой войны, советско-американские отношения, советско-финляндские отношения, Тегеранская конференция, Ялтинская (Крымская) конференция

V. Baryshnikov

Baryshnikov Vladimir Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Modern and Contemporary History, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg. Russian Federation.

E-mail: vbaryshnikov@mail.ru, v.baryshnikov@spbu.ru

**FROM TEHRAN TO YALTA:
THE PROBLEM OF FINLAND'S POLITICAL CHOICE
AT THE FINAL OF WORLD WAR II**

Since the beginning of the turning point during the Second World War, the US role in the peace settlement with Finland has increased. Washington saw this as an opportunity to strengthen its position in the Finnish direction. However, American foreign policy initiatives in 1943 were unsuccessful. This was especially evident at the Tehran conference. As a result, since this period, the significance of the USSR in the process of Finland's exit from the Second World War has rapidly strengthened. Moreover, later in the period separating the Tehran from the Yalta conference, the USSR clearly already seized the strategic initiative in relation to Finland.

Thus, the trends in relations with Finland outlined at the Tehran Conference fully coincided with how the Great Powers began to approach this state politically at the Yalta Conference. In this regard, there was a certain consensus on the «Finland question». Although, obviously, all this was achieved, first of all, due to the fact that the Western allies of the USSR really did not have the opportunity to change the situation in this direction.

Key words: History of World War II, Soviet-American relations, Soviet-Finnish relations, Tehran Conference, Yalta (Crimean) Conference.

На Тегеранской конференции впервые в очном формате руководители ведущих стран Антигитлеровской коалиции рассмотрели вопрос о возможности выхода Финляндии из войны на стороне нацистской Германии. Характерно, что эту дискуссию открыл президент США Ф. Д. Рузвельт, который прямо заявил: «Я и Черчилль хотели бы обсудить с маршалом Сталиным вопрос о Финляндии»¹.

Данное предложение являлась неслучайным. Вопрос о выходе Финляндии из войны уже достаточно долго обсуждалось. Первый раз Советским Союзом был поставлен этот вопрос перед финским руководством еще в августе 1941 г. Причем тогда это делалось именно через посреднические услуги Соединенных Штатов². Но первая попытка вывести Финляндию из войны не давала никаких реальных результатов.

Тем не менее с момента начала коренного перелома в ходе Второй мировой войны роль США в процессе попыток мирного урегулирования с Финляндией только усиливалась. В Вашингтон в этом виделась возможность укрепить своей позиции на финском направлении. К тому же Соединенные Штаты, в отличие от Великобритании не только не объявили войны Финляндии, как союзницы Третьего рейха, но даже не разорвали с ней дипломатических отношений.

Однако американские внешнеполитические инициативы в 1943 г. опять оказались неудачными. Несмотря на то, что в Финляндии были явно заинтересованы в том, чтобы, используя посреднические услуги Соединенных Штатов, выяснить возможность сохранить захваченные финской армией советские территории, инициатива США была сорвана. СССР 27 марта 1943 г. официально сообщил американцам, что для Москвы главным является восстановление мирного договора 1940 г.³ Это

¹Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т. II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). Сборник документов. М., 1978. С. 158.

²Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945. Т. I. 1941-1943. М., 1984. С. 98, 106.

³Foreign Relations of United States. Diplomatic Papers. 1943. Vol. III. Washington, 1963. P. 251-253; Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945. М., 1984. С. 298.

не могло устроить ни США, ни Финляндию⁴. В результате, после этого американскому посланнику в Хельсинки была дано указание, чтобы он «избегал любых действий или заявления, которые можно было бы расценить как поощрение мирных инициатив Финляндии»⁵. Таким образом, как считает известный финский историк, профессор Т. Полвинен, США в своих отношениях с Финляндией явно стали стремиться проводить очень осторожную политику, которая не должна была бросить тень на советско-американское сотрудничество, осуществлявшееся в рамках Антигитлеровской коалиции⁶.

Тем не менее идея США усилить свое влияние на Севере Европы сохранилась. Но теперь уже вопрос касался возможности использовать непосредственно американские войска, которые Соединенные Штаты смогли бы в этот регион направить. Перед дипломатами США этот вопрос начал затрагиваться с финской стороны еще в январе 1943 г.⁷ Однако, практическое его обсуждение началось лишь летом, в ходе тайных переговоров, проходивших на нейтральной территории в Португалии.

Переговоры с американской стороны вел Джордж Ф. Кеннан. Он, как известно, далее стал одним из главных архитекторов будущей «холодной войны». Именно Кеннан, который начал работать в американском представительстве в Лиссабоне с сентября 1942 г., должен был заняться решением определенных вопросов связанных «с управлением разведывательными и базовыми операциями» США в Европе⁸. В своих мемуарах Кеннан записал, что в Португалии «получил конфиденциальное, негласное поручение разобраться с той путаницей, которую создали наши сотрудники разведывательных служб во взаимоотношениях с англичанами и друг с другом, когда вмешались в сложную систему шпионажа и контршпионажа»⁹.

⁴Барышников Н.И., Барышников В.Н., Федоров В.Г. Финляндия во второй мировой войне. Л., 1989. С. 208; Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945. Т. I. С. 302-304, 306-310.

⁵Polvinen T. Barbarossasta Teheraniin. Suomi kansainvälisessä politiikassa. I: 1941–1943. Porvoo- Helsinki -Juva, 1979. S. 236.

⁶Ibidem.

⁷Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943. Vol. III. 1943. P. 214.

⁸См.: George F. Kennan || https://en.wikipedia.org/wiki/George_F_Kennan (дата обращения - 06.02.2022).

⁹Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М., 2002. С. 94.

Но наряду с наведением порядка в разведывательных задачах и решением вопросов связанных с перспективой создания американских военных баз в Атлантике Кеннан занялся также и решением т.н. «финляндского вопроса». Эб этом он в своих мемуарах не пишет. Однако Кеннан тогда действительно приступил еще и к строго секретным переговорам с финским посланником в Португалии Т. Похьянпало¹⁰.

Показательным являлось еще и то, что финская сторона ничуть не меньше американцев была также крайне заинтересована в соблюдении тайного характера переговоров. В Хельсинки в этом отношении, прежде всего, опасались действий немецких спецслужб. Там тогда явно боялись, что немецкая радиоразведка сможет перехватывать американскую переписку, шедшую из Финляндии, и таким образом у них не было, как считается, «никакой возможности сохранить это дело от немцев в секрете»¹¹. В целом в Хельсинки были уверены, что все обычные формы американской и финской тайной связи являлись «небезопасными»¹², а рейху сведения об этих переговорах финские дипломаты передавать никак не стремились. Поэтому Похьянпало инструкции на ведения переговоров с Кеннаном получил сугубо персонально, прямо в столице Финляндии.

В ходе же самих переговоров американский представитель пытался у финского дипломата выяснить конкретные условия возможного проведения США десантной операции на Севере Европы. Он также пытался понять истинное отношение к данной операции финского руководства. Таким образом Соединенные Штаты с помощью своих войск явно стремились как-то обозначить и зафиксировать свое влияние в Северной Европе. О том, что Вашингтон к переговорам в Португалии относился весьма серьезно, свидетельствовал так же и тот факт, что к перспективе разработки десантной операции на Севере Европы отчасти был тогда привлечен начальник личного штаба президента Ф. Рузвельта адмирал У. Д. Леги¹³.

¹⁰Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943. Vol. III. P. 293; *Linkomies E. Vaikaa aika. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–44.* Helsinki, 1970. S. 264.

¹¹*Aalto P. Ulkoministeri Ramsayn matka Berliiniin maaliskuussa 1943 // Historiallinen Aikakauskirja.* 1982, № 3. S. 264.

¹²*Polvinen T. Barbarossasta Teheraniin.* S. 341.

¹³См.: Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943. Vol. III. P. 293–294.

Что касается финляндского руководства, то оно в целом не возражала относительно возможности смены политической ориентации в ходе продолжающейся войны и перехода страны в зону американского влияния. В Хельсинки полагали, что нет смысла противодействовать высадке американских войск на финской территории¹⁴. Но при этом, конечно, в руководство страны стремились, довести до сведения США и собственные «опасения». Главным здесь являлось стремление с помощью американского десанта получить гарантию «против наступления русских»¹⁵. Именно это являлось главным, что хотели получить в Финляндии, соглашаясь на возможную оккупацию своей страны американскими войсками. Таким образом расчет делался на то, чтобы постараться с помощью США создать своеобразный барьер против СССР.

Это исходная финская установка вполне устраивала Дж. Ф. Кеннан. Он был вполне вдохновлен данной перспективой и прямо информировал госдепартамент, что финны «готовы к началу сентября прекратить какие-либо поставки немецким войскам на севере Финляндии». По его представления, это являлось весьма хорошим условием. Несомненно, финская позиция, в отношении появления американских войск на севере Финляндии, обеспечило бы армии США успех в проведении десантной операции. Это, как он указывал, могло привести немецкие части, находящиеся в зоне операции «к истощению и уничтожению». Более того, с финской стороны, Дж. Ф. Кеннану были даны еще и заверения, что финская армия вообще «не будет сражаться с американскими войсками, если они расширят свои военные операции на территорию Финляндии»¹⁶.

Однако, беря на себя такую непростую для выполнения задачу, руководство Финляндии все же проинформировало американцев, что ее войска не будут, тем не менее, мешать и немецким войскам, если они «мирно покинут Финляндию, вернувшись опять в Германию»¹⁷. Таким образом в Хельсинки продемонстрировали лишь свою готовность сменить внешнеполитическую ориентацию, но в открытую конфронтацию с Третьим рейхом идти все же опасался.

В США, конечно, понимали специфическую ситуацию, в которой окажутся на Севере Европы в результате боевых действий американские вой-

¹⁴*Linkomies E. Vaikea Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–44. S. 265.*

¹⁵*Tanner V. Suomen tie rauhaan 1943–1944. Helsinki, 1952. S. 87–88.*

¹⁶*Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943. Vol. III. P. 293–294.*

¹⁷*Ibidem.*

ска. Но, как полагали в госдепартаменте, это не должно помешать армии США начать готовить эту операцию. Госсекретарь К. Хэлл тогда указал, что «в ситуации, в которой находится финское правительство, оно может чувствовать, что лучшим для решения их нынешних политических трудностей была бы высадка в Финляндии американских или даже британских войск»¹⁸. Таким образом с точки зрения госдепа десантная операция для Америки являлась полезной. Там хорошо понимали, что это лишь усилит позиции США на Севере Европы и прежде всего в Финляндии.

Единственная проблема, которая тогда волновала госдепартамент, заключалась даже не в политическом аспекте решения «финляндского вопроса», а в военной готовности США к проведению такого характера операций. Поэтому 1 сентября 1943 г. госсекретарь К. Хэлл в письме адмиралу У. Д. Леги, объясняя позицию дипломатов, подчеркнул: «Мне кажется, что интерес союзников к этому предложению может в большей степени зависеть от военных аспектов. Соответственно, прежде чем углубляться в политические последствия этого предложения, я был бы Вам весьма признателен за указание на то, имеет ли это, в связи с продолжением войны, какой-либо существенный военный интерес»¹⁹.

Но, как известно, замысел с проведением десантной операции в Финляндию тогда не был реализован. Адмирал У. Д. Леги оказался категорически против. Он вполне справедливо указал на, что «задача применения англо-американских войск с двойной целью: оказания помощи в изгнании из Финляндии немецких войск и предоставление гарантий от невмешательства России, помимо других серьезных возражений, с военной точки зрения была бы невыполнима». Поясняя это заявление, он также подчеркнул, что в предлагаемой операции одни «только логистические факторы помешали бы ее выполнению»²⁰.

Этот ответ поставил окончательный крест на идее возможности проведения десантной операции в Северной Финляндии американских войск. Таким образом, далеко идущие по своим перспективам переговоры, проведенные Ф. Кеннаном в Португалии, оказались в практическом смысле мало результативными. Они лишь показали обоюдное желание политических кругов США и Финляндии укрепить свои связи.

В сложных условиях армия США оказалась на Севере Европы не в состоянии проводить в продолжении Второй мировой войны свои боевые

¹⁸Ibid. P. 294.

¹⁹Ibidem.

²⁰Ibid. P. 296.

операции. Поэтому Соединенные Штаты явно заняли позицию, предполагающую ограничение своих амбиций, направленных на возможность активного влияния на «финляндском плацдарме». В данном отношении, очевидно прав финский профессор Т. Полвинен, который отметил, что Финляндия «предпринимала все усилия, чтобы привлечь западные державы к распутыванию клубка», но далее историк вынужден был признать, что итоговые их «результаты оказались совсем не обнадеживающими»²¹.

Вот как раз на данном историческом рубеже на Тегеранской конференции и состоялся обмен мнениями ведущих держав Антигитлеровской коалиции по «финляндскому вопросу». Сталин, в ответ на вопрос Рузвельта, проинформировал союзников о готовности СССР начать с Финляндией мирные переговоры и выразил даже желание принять в Москве финскую правительственную делегацию. Более того, Сталин подчеркнул, что «у Советского правительства нет намерения превратить Финляндию в свою провинцию»²². Эта позиция лидера СССР в целом устраивала США.

Что же касается советских условий выхода Финляндии из войны, то они, однако, оставались прежними. Главным из них являлось «восстановление действия советско-финляндского договора 1940 года»²³. Тем не менее, Сталин отметил, что он еще не до конца убежден в желании Финляндии в действительности закончить войну, поскольку у него существует представление, что в Хельсинки все же не хотят «серьезных переговоров с Советским правительством» и что «они еще верят в победу Германии»²⁴. Эти наблюдения, естественно, Сталин сделал учитывая опыт предыдущих финско-советских контактов, которые были связаны с попытками вывода Финляндии из Второй мировой войны.

Показательной, тем не менее, стала позиция Ф. Д. Рузвельта. Он поддержал заявление Сталина, сказав при этом: «Я готов помочь делу выхода Финляндии из войны в духе того, о чем мы говорили сегодня, но я считаю, что самым лучшим было бы изменение состава финского

²¹Polvinen T. Barbarossasta Teheraniin. S. 240.

²²Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т. II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). С. 158.

²³Там же. С. 161.

²⁴Там же.

правительства»²⁵. Таким образом состоявшаяся в Тегеране дискуссия по финляндскому вопросу явно указывала на то, что США утрачивала интерес к Финляндии с точки зрения идеи закрепления на ее территории американского влияния.

В результате с этого периода процесс выхода Финляндии из Второй мировой войны на стороне нацистской Германии приобрел уже характер двухсторонних советско-финляндских переговоров. Этот процесс занял затем долгие десять месяцев, когда, преодолев полосу турбулентности, связанной со срывом стокгольмско-московских переговоров зимой-весной 1944 г. и последившим за этим мощным советским наступлением в июне-июле 1944 г., начался новый раунд Московских приговоров. Все, как известно, завершилось подписанием Финляндией в Москве 19 сентября с государствами Антигитлеровской коалиции, воевавшими с этой страной, соглашения о перемирии. Показательным при этом являлось то, что США тогда тоже отчасти пытались влиять на советское руководство по «финляндскому вопросу», но эти попытки становились уже малоубедительными²⁶.

Таким образом в этот отрезок времени позиции СССР в политической жизни Финляндии стали стремительно возрастать и начали играть значительно большую роль, чем это можно было наблюдать в ее отношениях с Соединенными Штатами. Фактически, в период, отделяющий Тегерантскую от Ялтинской конференции, СССР явно захватил в отношении Финляндии стратегическую инициативу, а США начали по финляндскому вопросу явно сдавать позиции. Вплоть до того, что в 30 июне 1944 г. Вашингтон пошел, наконец, на разрыв с Финляндией дипломатических отношений. Причем американский посланник в Хельсинки Э. Гуллион тогда не двусмысленно заявил: «Погасла последняя искорка надежды на свободу действий Финляндии»²⁷. Эта фраза касалась сохраняющихся еще финско-германских форм тесного сотрудничества.

Но слова, сказанные Э. Гуллионом, можно, конечно, истолковать и по-другому. Этим американский посланник хотел еще показать, что США просто отказываются от вмешательства в «финский вопрос» и уже не стремятся поддерживать Финляндию. Тем не менее на объявление

²⁵Там же. С. 160.

²⁶См.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945. Т. II. 1944-1945. М., 1984. С. 135, 148.

²⁷Цит. по: *Polvinen T. Teheranista Jaltaan. Suomi kansainvälisessä politiikassa. II: 1944. Porvoo- Helsinki -Juva, 1980. S. 79.*

войны Финляндии все же Соединенные Штаты так и не подошли. Таким образом от окончательного разрыва отношений с Финляндией и перехода с ней в состояние войны Америка все же воздержалась. Очевидно, что это указывало на то, что США продолжали стремиться как-то оказывать политическое влияние на финляндское руководство.

Тем не менее, в целом дипломатический разрыв США действительно ухудшал позиции финского правительства и серьезно ослабил основные рычаги воздействия американской дипломатии на Хельсинки. Но тогда это уже столь серьезного значения для Финляндии просто не имело. Окончательный итог войны для нее от позиции Соединенных Штатов уже ни как не зависел. Да и Америка стали все более и более открыто признавать, что она «в большей мере является слушателем, нежели участником этого дела»²⁸.

Таким образом кардинальные изменения в советско-финляндских отношениях произошли еще до Ялтинской конференции. Они были связаны с подписанием Финляндией соглашения о перемирии. Показательным при этом являлось то, что сам процесс нарастающей роли для Финляндии СССР происходил не вследствие того, что советские войска, скажем, заняли всю финскую территорию или, что в Финляндии пришли к власти коммунисты. Вовсе нет. Как известно, в годы Второй мировой войны только столицы трех Европейских государств небыли захвачены противником. Это – Лондон, Москва и Хельсинки. Коммунистическая партия Финляндии только в декабре 1944 г. была допущена в правительство. Президентом же страны оставался Маннергейм. Финляндия, таким образом, оказалась единственной страной на Западе где СССР отказался от изменения общественно-политического строя.

В итоге, главным для Финляндии на рубеже подготовки Ялтинской конференции стало то, что эта страна достаточно быстро сменила свою внешнеполитическую ориентацию. Она стала очевидно просоветской. Более того уже в январе 1945 г. Маннергейм вообще предложил советскому руководству то, что в Москве стремились от Финляндии добиться еще с 1930-х гг. — заключить договор о взаимопомощи. Более того в предлагаемом соглашении он даже взял за основу статьи договора подписанного руководством СССР с прокоммунистическим «правительством Куусинена» в декабре 1939 г. В целом, в стране стремительно набирали силу те политические силы, которые до этого назывались «мирная оппозиция».

²⁸Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945. Т. II. 1944-1945. С. 189.

Ее представители к концу войны явно отошли не только от прогерманской, но и от проамериканской ориентации. Один из ее лидеров будущий президент Финляндии У. К. Кекконен уже 7 декабря 1943 г. в открытой лекции, прочитанной в Стокгольме заявил, что «не в интересах Финляндии быть союзником какой-либо великой державы в качестве форпоста у советской границы»²⁹. Эта линия стал себе пробивать путь.

Находясь в безвыходном положении и понимая, что страна оказалась после летнего поражения 1944 г. на грани катастрофы, финское руководство вынуждено было принимать высказанные Кекконеном мысли. В целом сторонники взглядов У. К. Кекконена постепенно начали играть видную роль в руководстве страны. Эта политическая группировка, фактически, оказалась самой влиятельной политической силой. К тому же поскольку концептуально представители бывшей «мирной оппозиции» выступали за развитие сотрудничества с СССР, то это приводило к весьма лояльному отношению к данному политическому направлению и в Москве.

В результате, на Ялтинской конференции «финский вопрос» союзниками уже просто не обсуждали. Он также не являлся предметом споров касающихся уточнения послевоенных сфер влияния. Единственная тема, которая в Ливадийском дворце затрагивалась, была проблема репарационных платежей. Причем принцип, который был утвержден в отношении Финляндией, оказался одним из примеров того, как следует изымать репарации с других участников гитлеровской коалиции и, в частности, у Германии³⁰.

Данная линия по «финляндскому вопросу» затем закрепились и на Потсдамской конференции. Тогда США четко определяли Финляндию в общий лагерь восточно-европейских стран, которые были признаны советской зоной влияния. Что же касается Сталина, то он в это время уже твердо заявил, что «Финляндия... ведет себя хорошо, добросовест-

²⁹Кекконен У. К. Финляндия: Путь к миру и добрососедству. М., 1979. С.10.

³⁰Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4 – 11 февраля 1945 г.). Сборник документов. М., 1978. С. 205, 215.

но выполняет принятые на себя обязательства»³¹. И союзники отчасти вынуждены были с этим согласиться.

Таким образом, обозначенные на Тегеранской конференции тенденции в отношениях руководителей ведущих стран Антигитлеровской коалиции к Финляндии полностью совпали с тем как стали в политическом плане подходить к этому государству и на Ялтинской, а затем и Потсдамской конференциях. В этом отношении по «финляндскому вопросу» наблюдался определенный консенсус. Хотя, очевидно, это все достигалось, прежде всего, вследствие того, что Западные союзники СССР реально не имели возможности на данном направлении переломить ситуацию. Но советское руководство также по «финляндскому вопросу» проявила очевидную политическую гибкость. Что же касается конкретно США, то здесь можно согласиться с мыслью американского исследователя М. Берри, который утверждал, что «Соединенные Штаты выступали за финскую политику приспособления к интересам советской безопасности». Поясняя эту позицию историк заметил: «Вашингтон понимал, что не будет советско-американского сотрудничества., если Советский Союз останется обеспокоен за свою будущую безопасность в приграничных районах»³². Эти слова, как представляется, являются весьма актуальными до сих пор.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Baryshnikov V.N. *Mannergejm i Sovetskij Sojuz [Mannerheim and the Soviet Union]*. Moscow: Izdatel'stvo «Kuchkovo pole», 2021. 383 p.
- Барышников В.Н. Маннергейм и Советский Союз. М.: Издательство «Кучково поле», 2021. 383 с.
- Baryshnikov N.I., Baryshnikov V.N., Fedorov V.G. *Finlandija vo vtoroj mirovoj vojne [Finland in World War II]*. Leningrad: Lenizdat, 1989. 336 p.
- Барышников Н.И., Барышников В.Н., Федоров В.Г. Финляндия во второй мировой войне. Л. Лениздат, 1989. 336 с.

³¹Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т. VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). Сборник документов. М., 1984. С. 91.

³²Berry R. M. *American Foreign policy and the Finnish exception. Ideological Preference and Wartime Realities*. Helsinki, 1987. P. 435.

Kekkonen U. K. *Finljandija: Put' k miru i dobrososedstvu* [Finland. The path to peace and good neighborliness]. Moscow: Izdatel'stvo «Progress», 1979. 295 p.

Кекконен У. К. Финляндия: Путь к миру и добрососедству. М.: Издательство «Прогресс», 1979. 295 с.

Kennan Dzh. *Diplomatija Vtoroj mirovoj vojny glazami amerikanskogo posla v SSSR Dzhordzha Kennana* [Diplomacy of the Second World War through the eyes of the American Ambassador to the USSR George Kennan]. Moscow: Centrpoligraf, 2002. 473 p.

Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М.: Центрполиграф, 2002. 473 с.

Sovetskij Sojuz na mezhdunarodnyh konferencijah perioda Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg. T. II. Tegeranskaja konferencija rukovoditelej treh sojuznyh derzhav – SSSR, SShA i Velikobritanii (28 nojabrja – 1 dekabrja 1943 g.). Sbornik dokumentov [The Soviet Union at international conferences during the Great Patriotic War of 1941–1945. T. II. Tehran conference of the leaders of the three allied powers — USSR, USA and Great Britain (November 28–December 1, 1943). Collection of documents]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1978. 198 p.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т. II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). Сборник документов. М.: Издательство политической литературы, 1978. 198 стр.

Sovetskij Sojuz na mezhdunarodnyh konferencijah perioda Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg. T. IV. Krymskaja konferencija rukovoditelej treh sojuznyh derzhav – SSSR, SShA i Velikobritanii (4 – 11 fevralja 1945 g.). Sbornik dokumentov [The Soviet Union at international conferences during the Great Patriotic War of 1941–1945. T. IV. Crimean conference of the leaders of the three allied powers — USSR, USA and Great Britain (February 4–11). Collection of documents]. Moscow Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1978. 326 p.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4 – 11 февраля 1945 г.). Сборник документов. М. Издательство политической литературы, 1978. 326 с.

Sovetskij Sojuz na mezhdunarodnyh konferencijah perioda Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg. T. VI. Berlinskaja (Potsdamskaja) konferencija rukovoditelej sojuznyh derzhav – SSSR, SShA i Velikobritanii (17 ijulja – 2 avgusta 1945 g.). Sbornik dokumentov [The Soviet Union at international conferences during the Great Patriotic War of 1941–1945. T. VI. Berlin (Potsdam) conference of the leaders of the three allied powers — USSR, USA and Great Britain (July 17–August 2 1945). Collection of documents]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1984. 511 p

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т. VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). Сборник документов. М. Издательство политической литературы, 1984. 511 с.

Sovetsko-amerikanskije otnoshenija vo vremja Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 [Soviet-American relations during the Great Patriotic War 1941–1945]. Т. I. 1941-1943. Moscow: Politizdat, 1984. 510 p.

Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945. Т. I. 1941-1943. М.: Политиздат, 1984. 510 с.

Sovetsko-amerikanskije otnoshenija vo vremja Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 [Soviet-American relations during the Great Patriotic War 1941–1945]. Т. II. 1944-1945. Moscow: Politizdat, 1984. 510 p.

Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945. Т. II. 1944-1945. М.: Политиздат, 1984. 575 с.

Aalto P. Ulkoministeri Ramsayn matka Berliiniin maaliskuussa 1943 // Historiallinen Aikakauskirja. 1982, № 3. S. 264-265.

Berry R. M. American Foreign policy and the Finnish exception. Ideological Preference and Wartime Realities. Hels.: SHS, 1987. 492 P.

Foreign Relations of United States. Diplomatic Papers. 1943. Vol. III. Washington: United States Government Printing Office, 1963. 988 P.

Linkomies E. Vaikea aikea. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–44. Helsinki: OTAVA. 445 S.

Polvinen T. Barbarossasta Teheraniin. Suomi kansainvälisessä politiikassa. I: 1941–1943. Porvoo-Hels.-Juva: WSO, 1979. 369 S.

Polvinen T. Teheranista Jaltaan. Suomi kansainvälisessä politiikassa. II: 1944, Porvoo-Hels.-Juva: WSO, 1980. 234 S.

Tanner V. Suomen tie rauhaan 1943–1944. Helsinki: Tammi. 416 S.

Е. И. Брюханова

Брюханова Екатерина Игоревна, студент бакалавриата кафедры истории Нового и Новейшего времени, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: st069773@student.spbu.ru

ДИПЛОМАТ С. С. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ И СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНЦЕ 1920-Х ГГ.

Дипломат С. С. Александровский возглавлял советское полпредство в Финляндии с 6 июля 1927 г. по 16 мая 1929 г. Период его деятельности исторически совпал с процессом обострения двусторонних отношений СССР и Финляндии. Советско-британский конфликт поставил перед финляндским руководством задачу поиска новых внешнеполитических ориентиров, в связи с чем отношения с восточным соседом трансформировались в перманентную череду конфликтов, балансирующих на грани вооруженного противостояния. Несмотря на видимость сотрудничества и добрососедства, которую поддерживала финляндская сторона, прогресс в двусторонних отношениях был неочевиден, так как развивались они крайне медленно, и согласно точному определению самого полпреда, могли охарактеризоваться как «безнадежное топтание на одном месте», в связи с чем ключевые стратегические вопросы о торговом соглашении, гарантийном пакте и др. не продвинулись. Незначительные успехи по отдельным пунктам, а также урегулирование обостренной ситуации на западной границе в связи с незаконными проникновениями «враждебных СССР сил» с территории Финляндии явились главными достижениями полпредства того периода. Таким образом, деятельность Александровского была направлена на решение задач по формированию новых подходов в двусторонних отношениях с МИД Финляндии с учетом изменившейся международной обстановки и укрепления влияния самого СССР на мировой арене. Однако дипломатическая работа, которую осуществлял Александровский в Финляндии в конце 1920-х гг. не смогла коренным образом повлиять на сглаживание нарастающей напряженности советско-финляндских отношений, и его миссия не увенчалась ожидаемым успехом.

Ключевые слова: Финляндия, СССР, советско-финляндские отношения, С. С. Александровский, полномочный представитель.

Bryukhanova Ekaterina Igorevna, Undergraduate student of the Department of History of Modern and Contemporary Times, Institute of History, St-Petersburg State University.

E-mail: st069773@student.spbu.ru

DIPLOMAT S. S. ALEXANDROVSKY AND SOVIET-FINNISH RELATIONS IN THE LATE 1920S

The diplomat S. S. Alexandrovsky headed the Soviet plenipotentiary representative office in Finland from July 6, 1927 to May 16, 1929. The period of his activity historically coincided with the process of aggravation of relations between the USSR and Finland. The Soviet-British conflict set the Finnish leadership the issue to find new foreign policy priorities. As a result, relations with the eastern neighbor have transformed into a permanent series of conflicts balancing on the verge of armed confrontation. Despite the illusion of good neighborliness, which was supported by the Finnish side, the development of relations stagnated. According to the definition of the plenipotentiary himself, it could be characterized as “hopeless trampling in one place”. Consequently, the key strategic questions about the trade agreement, the guarantee contract, etc. had no progress. During this period, the plenipotentiary office was able to advance only in minor issues and resolve the conflict related to terrorist activity on the Soviet-Finnish border. In that way, Alexandrovsky’s activity was aimed at solving the of forming new approaches in bilateral relations with the Finnish Foreign Ministry, considering the changed international situation and strengthening the influence of the USSR on the world scene. However, the diplomatic work carried out by Alexandrovsky in Finland in the late 1920s was not able to influence the smoothing of the growing tension of Soviet-Finnish relations, and his mission was not extremely successful.

Keywords: Finland, USSR, soviet-finnish relations, S. S. Alexandrovsky, plenipotentiary.

Дипломат Сергей Сергеевич Александровский (1889–1945 гг.) был одной из ключевых фигур в истории советско-финляндских отношений середины второй половины 1920-х гг. Именно он возглавлял советское полномочное представительство в Финляндии в сложный период 1927 по 1929 гг.¹, когда дипломатические отношения двух стран снова были накалены после неудачно завершившихся переговоров о подписании гарантийного пакта и международного конфликта СССР с Великобританией. О раннем этапе биографии С. С. Александровского известно не так много: ярый большевик-революционер после освобождения из Моабитской тюрьмы, в которую он был заключен за участие в обороне редакции социал-демократической немецкой газеты «Vorwärts!», занимался вопросами освобождения русских военнопленных из Германии, а затем – из Вены. Дипломатическая служба начала развиваться с 1923 года с назначением на должность сотрудника центрального аппарата НКВД, и в 1925 года – на пост заведующего Отделом Стран Центральной Европы, а позднее - на службу в литовское полпредство².

Его назначение 6 июля 1927 года на должность полпреда также можно считать определенным показателем осложнений двусторонних отношений. В европейских кругах ходили слухи о причастности С. С. Александровского к перевороту таутиников в Каунасе в 1926 г. Более того, из коллекции документов Я. Прокопе (министра иностранных дел Финляндии с 17 декабря 1927 по 21 марта 1931 гг.), хранящихся в Национальном архиве Финляндии есть сведения о том, что Александровский контролировал разведку в странах Балтики, а также в Хельсинки, что не могло не насторожить финнов.³ В отличие от своих предшественников на посту полпреда⁴, Александровский уже обладал солидным опытом дипломати-

¹Посольство Российской Федерации в Финляндии: сайт. 1991. URL: <https://helsinki.mid.ru/istoria> (дата обращения: 03.05.2022).

²Дипломатический словарь под ред. А. А. Громыко, А. Г. Ковалёва, П. П. Севостьянова, С. Л. Тихвинского в 3-х томах, М., «Наука», 1985–1986. Т. 1, с. 23.

³Рупасов А. И. Советско-финляндские отношения: середина 1920-х—начало 30-х гг.: дис. ... д-ра. ист. наук. СПб., 2004. С. 100–111.

⁴Первыми полпредами СССР в Финляндии до С. С. Александровского были Я. А. Берзин, А. С. Черных, И. Л. Лоренц. (См.: Посольство Российской Федерации в Финляндии: сайт. 1991. URL: <https://helsinki.mid.ru/istoria> (дата обращения: 03.05.2022).

ческой службы: при его содействии в качестве полпреда в Литве, в 1926 г. был подписан советско-литовский договор «О взаимном ненападении и нейтралитете»⁵, ставший на тот момент венцом его карьеры. Впоследствии его опыт определил большую самостоятельность в принимаемых полпредством решениях во время его пребывания на службе в Финляндии.

Изменения на авансцене мировой дипломатии в первой половине 1927 г., связанные с обострением советско-английских отношений, заставили Финляндию снова обратить свой политический взор в сторону более тесного сотрудничества с западными странами. Незадолго до назначения С. С. Александровского 15 июня 1927 года В. Войонмаа, занимавший пост министра иностранных дел, от лица Финляндии отправил письмо в Секретариат Лиги Наций о том, чтобы в случае вооруженного конфликта с любыми державами Лига Наций, страна, не являвшаяся членом этой организации, должна была автоматически признана агрессором вне зависимости от того, кто в действительности является нападающей стороной. Это являлось очевидным намеком на СССР и не могло не вызвать обеспокоенности руководства советского внешнеполитического ведомства тем, что «Финляндия желает, чтобы в случае военных действий ее и других лимитрофов рассматривали априорно как жертвы нападений»⁶. Усугубилась ситуация с возобновлением попыток Финляндии стать членом совета Лиги Наций, что и произошло в сентябре 1927 г.

Тем не менее, в попытках проанализировать ситуацию и спрогнозировать возможные последствия, С. С. Александровский пришел к весьма интересному выводу: «Может быть, присутствие Финляндии в Совете поможет СССР приблизиться к Лиге наций»⁷, поэтому не стоит проявлять сильное сопротивление и участие в этом вопросе. Но для НКВД такое утешение не было убедительным.

⁵Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Литовской Республикой. 28 сентября 1926 г. // Документы внешней политики СССР. Том 9. 1 января — 31 декабря 1926 г. М., 1965. С. 446.

⁶Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Финляндии С. С. Александровскому. 16 августа 1927 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 10. 1 января — 31 декабря 1927 г. М., 1958. С. 362.

⁷Сообщение Полномочного Представителя СССР в Финляндии о беседах с Министром Иностранных Дел Финляндии Войонмаа и Президентом Финляндии Реландером. 8 октября 1927 г. // Там же. С. 451.

Еще более советское руководство было обеспокоено обострением террористической активности на границе, которая была связана с возможным «пособничеством английским провокаторам»⁸. В одном из писем С. С. Александровский по итогу приватного разговора с В. Войонмаа и президентом Л. Реландером от 8 октября 1927 года заверил, что, по словам министра иностранных дел: «Финляндия в своих собственных интересах не может и не допустит развития деятельности монархистов, почему СССР не должен ни минуты сомневаться в отношении Финляндии к этому вопросу, если он уже не хочет верить в дружеские чувства своего соседа»⁹.

Несмотря на заверения в дружбе, озабоченное возможным конфликтом с Великобританией, руководство НКВД всерьез рассматривало возможность военного столкновения с Англией и угрозу вторжения на территорию СССР через западную границу с Финляндией. В ЦК ВКП(б) на повестке дня стояли вопросы о военном планировании в случае нападения¹⁰. На этом фоне дело о террористах-эмигрантах в Финляндии и покровительство их деятельности со стороны официальных властей стали в глазах НКВД частью единого плана по подрыву советской власти. В этих условиях И. Ирье-Коскинен, будущий министр иностранных дел, считал лучшей политикой для Финляндии – сохранять отношения с СССР как можно более «спокойными» до тех пор, пока великие державы не достигнут какого-либо соглашения¹¹, чтобы не попасться «под горячую руку» одной из сторон. Однако, избранная тактика агрессивного нейтралитета не стала выигрышной для разрешения череды накопившихся противоречий, решение которых легло на плечи полпреда.

Таким образом, исходное положение дел, которое принял С. С. Александровский, ставило перед ним непростую задачу: в условиях нарастающей напряженности в международных отношениях, необходимо было сформировать новую стратегическую линию взаимодействия с Финлян-

⁸Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Временным Поверенным в Делах Финляндии в СССР Вестерlundом. 14 июля 1927 г. // Там же. С. 338.

⁹Сообщение Полномочного Представителя СССР в Финляндии о беседах с Министром Иностранных Дел Финляндии Войонмаа и Президентом Финляндии Реландером. 8 октября 1927 г. // Там же. С. 450.

¹⁰*Korhonen K.* Naapurit vastoin tahtoon I. Suomi neuvostodiplomatiassa Tartosta talvisotaan. Helsinki, 1966. S. 156.

¹¹*Ibid.* S. 165.

дий, предотвратить возможность ее присоединения к антисоветскому блоку и не допустить эскалации конфликта, поддерживая хрупкое равновесие между странами.

Период 1927–1928 гг. в советско-финляндских отношениях принято характеризовать как дипломатический «застой». Индикатором, определявшим степень напряженности, оставался вопрос о гарантийном пакте, о котором финское правительство старалось умалчивать. С. С. Александровский передавал своим «немецким друзьям», что переговоры о пакте о ненападении теперь стали вовсе невозможными¹². В самом деле, даже Москва летом 1927 г. также не предпринимала попыток возобновить дискуссию. В полпредстве и НКВД сошлись во мнении, что в условиях текущей международной ситуации официальные переговоры невозможны, и полпреду стоит бросить силы на анализ препятствующих факторов в возобновлении переговорного процесса¹³.

После смены правительства В. Таннера 17 декабря 1927 г. советское руководство было воодушевлено, так как старое правительство социал-демократов не оправдало их ожиданий¹⁴. С. С. Александровский не разделял такого же оптимизма, считая необходимым принятие твердого тона в отношении с финскими коллегами. Дипломат предлагал выдвинуть ряд требований, в частности о принятии мер против деятельности белоэмигрантов, а также дачи объяснений о речи министра внутренних дел А. Пуру, который ранее 1 декабря неосторожно высказался в адрес советского руководства. По его убеждению, в тех обстоятельствах, если и «поднимется вой по поводу нашей агрессивности», то на это не стоит обращать внимания, так как в противном случае, Я. Прокопе (новый министр иностранных дел) продолжит «свои интриги по фасону варшавского аккорда», а общественность Финляндии не будет знать об истинном состоянии отношений с СССР. Однако, чтобы не нарушить видимость «добрососедства», по мнению полпреда, можно было бы продвинуться в затянувшемся вопросе о деле об обмене архивами, а также приступить

¹²Ibid. S. 165.

¹³Сообщение Полномочного Представителя СССР в Финляндии о беседе с Министром Иностранных Дел Финляндии Войонмаа. 27 октября 1927 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 10. С. 475.

¹⁴*Korhonen K.* Naapurit vastoin tahtoan I. Suomi neuvostodiplomatiassa Tartosta talvisotaan. S. 165–170.

к переговорам об оленьей конвенции¹⁵. В НКИД позицию Александровского принимали, однако не соглашались в столь радикальной риторике. На утверждение более жесткой линии повлияла встреча президента Л. Реландера с бароном Б. В. Гревеницем (представлял российские эмигрантские круги), информация о содержании которой¹⁶ тут же просочилась в советскую прессу. 12 января после беседы с Я. Прокопе президент Л. Реландер сделал запись в своем дневнике, что русские организовали «всю эту загонную охоту», чтобы правительство Финляндии оказалось более сговорчивым в переговорах о гарантийном пакте¹⁷.

Вопреки ожиданиям, отношения с новым правительством Финляндии складывались напряженно. В разговоре с финским посланником в Москве П. Артти Г. В. Чичерин заявил, что «Финляндия сделалась плацдармом для наших врагов», сравнив ее с враждебной Польшей¹⁸. Лавина взаимных обвинений нарастала с каждым днем, а вопросы первой значимости замерли в ожидании лучших времен для их обсуждения; в конце февраля Александровский даже в шутку пожаловался Артти, что уже семь месяцев находится в Финляндии, так и не устроившись на постоянную работу¹⁹, намекая на то, что из-за ряда взаимных претензий ему так и не удалось продвинуться ни в одном из вопросов. Полпред категорично считал, что финны не готовы идти на сближение, а значит и советской дипломатии не стоит смягчать свои позиции, тем более что наиболее острые вопросы о безопасности границ временно ушли на второй план, однако все еще не давали Финляндии возможности присоединиться к скандинавскому либо прибалтийскому блоку стран²⁰. Становится очевидно, что

¹⁵Рупасов А. И. Советско-финляндские отношения: Середина 1920-х—начало 30-х гг.: дис. ... д-ра. ист. наук. С. 119.

¹⁶Копия письма барона Б. Н. Гревеница М. Н. Гирсу о высылке из Финляндии полковника А. Ф. Григорьева и поручика А. А. Швецова за пособничество террористическим актам в СССР. 5 декабря 1927 г. // ЦА СВР РФ. Арх. № 707. Л. 93–94. Копия. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/295403#mode/inspect/page/2/zoom/4> (дата обращения: 20.05.2022)

¹⁷Presidentin päiväkiriä. Osa II. L. K. Relanderin muistiinpanot vuosilta 1928–1931. S. 18.

¹⁸Рупасов А. И. Советско-финляндские отношения: Середина 1920-х—начало 30-х гг.: дис. ... д-ра. ист. наук. С. 123.

¹⁹Korhonen K. Naapurit vastoin tahtaan I. Suomi neuvostodiplomatiassa Tartosta talvisotaan. S. 174.

²⁰Катцова М. А. «Скандинавский блок» в Лиге наций и особенности сотрудничества стран Северной Европы на международной арене в 1920-е гг. //

уже в течение первых месяцев на службе Александровский формирует твердую позицию, которая по своей «принципиальности» даже превосходит официальную позицию НКВД.

Тем не менее, после «холодной войны» 1927 г. «необыкновенное упрямство» финнов²¹ все же было сломлено, в результате чего удалось добиться ряда компромиссных решений. Так, финские власти выслали из страны барона Гревеница, хотя и не признали, что на встрече его с президентом Л. Реландером было что-то оскорбительное для советского правительства. Но в разговоре с временным поверенным в делах СССР Я. Прокопе красноречиво заявил, что «Финляндия не будет портить своих отношений с СССР ради «прекрасных глаз Великобритании»²². Однако это не означало, что отношения в действительности улучшились, ведь вопреки расхожему мнению об относительном спокойствии в двусторонних отношениях в этот период, «застой» носил скорее враждебный характер, о чем неоднократно высказывался С. Александровский.

Затишье в отношениях после зимы 1927–1928 г. вновь посеяло почву для распространения слухов о военной угрозе. Финляндия начала проведение ряда мер по укреплению границы. Руководство НКВД было, безусловно, обеспокоено нарастанием напряженности. В МИД Финляндии было направлено несколько официальных запросов об извещении относительно ситуации на границе, ссылаясь на ст. 3 Соглашения между РСФСР и Финляндией от 1 июня 1922 г.²³ Если ранее член коллегии НКВД Б. С. Стомоняков в противовес жесткой позиции Александровского был противником тактики «булавочных уколов», то к концу лета 1928 г. он был вынужден согласиться с риторикой полпреда: «линия долготерпения и должного пацифизма является наименее целесообразной, ибо она не улучшает, а увеличивает число ущемлений»²⁴. Такие же решительные настроения царили и в финляндском руководстве. В своем дневнике от Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2010. № 4. С. 130.

²¹Рупасов А. И. Советско-финляндские отношения: Середина 1920-х—начало 30-х гг.: дис. ... д-ра. ист. наук. С. 128.

²²Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР в Финляндии с Министром Иностранных Дел Финляндия Прокопе. 30 июля 1928 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 10. С. 457–458.

²³Нота Полномочного Представительства СССР в Финляндии Министерству Иностранных Дел Финляндии. 8 ноября 1928 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 11. 1 января — 31 декабря 1928 г. М.: Политиздат, 1966. С. 562.

²⁴Цит. по: Рупасов А. И. Советско-финляндские отношения: Середина 1920-х—начало 30-х гг.: дис. ... д-ра. ист. наук. С. 135.

23 января президент Л. Реландер записал: «Я чувствую, что отношения между Россией и Финляндией в последнее время ухудшились»²⁵.

Неуступчивость Финляндии, а также ряд других объективных причин привели к тому, что с марта до конца 1928 года Финляндия оставалась на вторых ролях для Наркоминдела – в отчетах финского представительства в Москве было мало сведений, которые бы свидетельствовали о развитии отношений. «Раньше мы были холодными и правильными, а теперь холодными и немного неправильными» – сообщил С. С. Александровский Я. Прокопе в Хельсинки²⁶. Осенью полпред отметил, что «взаимоотношения с Финляндией можно характеризовать, по крайней мере, «как безнадежное топтание на месте»²⁷. Он с негодованием отмечал, что трения возникают даже по самым незначительным вопросам, а что касается вопросов более широких – они заранее обречены на неуспех.

Наиболее значимый период в деятельности Александровского связан с проведением в действие Московского протокола. По мере все большего включения СССР в международные процессы уже во второй половине 20-х годов стало ясно, что принципиально антизападный курс Г. В. Чичерина завел советскую дипломатию в тупик, в том числе и в отношениях со странами Балтии и Финляндией. В августе 1928 г. временно исполняющим обязанности наркома иностранных дел был назначен М. М. Литвинов²⁸, который развернул внешнеполитический курс СССР на международное сотрудничество в области безопасности. После того как Советский Союз присоединился к пакту Бриана-Келлога, М. М. Литвинов тут же настоял, чтобы полпредство Финляндии, не отклоняясь от общей линии, поддерживало его инициативу²⁹. Планы Литвинова имели двойной замысел: под предлогом ратификации Пакта Бриана-Келлога, нарком стремился обеспечить региональное соглашение по гарантиям безопасности с «лимитрофами», подписав с ними специальный Москов-

²⁵Presidentin paivakirja. Osa II. L. K. Relanderin muistiinpanot vuosilta 1928-1931. S. 24.

²⁶Цит. по: *Korhonen K.* Naapurit vastoin tahtoon I. Suomi neuvostodiplomatiassa Tartosta talvisotaan. S. 188.

²⁷Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Председателем Иностранной Комиссии Сейма Финляндии Шауманом. 22 ноября 1928 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 11. С. 579–580.

²⁸Иоффе А.Е. Внешняя политика Советского Союза. 1928–1932 гг. М.: Наука, 1968. С. 19.

²⁹*Рунцов А. И.* Советско-финляндские отношения: Середина 1920-х—начало 30-х гг.: дис. ... д-ра. ист. наук. С. 140–142.

ский протокол о досрочном его введении в силу, не дожидаясь его общей ратификации³⁰. В первую очередь, подобные предложения были сделаны Польше и Литве. Обсуждения же с финляндским правительством по данному вопросу были инициированы Варшавой, которая вновь выдвигала идею единого фронта стран Балтии и требовала присоединения к московскому пакту всех «лимитрофов».

После обсуждения вопроса на заседании комиссии по внешней политике президент Л. Реландер резюмировал в своем дневнике, что Финляндия отказывается от предложения, и будет далее проводить «независимую линию, несмотря на все попытки Польши ввести нас в свой фарватер, демонстрируя России нашу зависимость от голоса Польши»³¹. Судя по докладом, Александровский не особо верил в подобную демонстрацию внешнеполитической независимости Финляндии. Он, в согласии с руководством, считал, что нужно соблюдать осторожность и бдительность касательно присоединения прибалтов к пакту Бриана-Келлога, так как Варшава может обернуть действия СССР против него самого.³² В итоге Финляндия вежливо отказала в его рассмотрении – в беседе с полпредом Прокопе «выразил уверенность в скорой ратификации пакта Келлога вообще и одобрительно отозвался о наших усилиях укрепить мир»³³, намекая на то, что в преждевременной ратификации не видит надобности.

Ратификация пакта Бриана-Келлога в Финляндии прошла лишь 22 марта 1929 г., а незадолго до этого полпреду было поручено передать официальный текст Московского протокола в МИД Финляндии³⁴. Через несколько дней Л. Реландер писал в своем дневнике: «Только если вступление в силу пакта Келлога затянется, присоединение к литвиновскому протоколу, станет неизбежным»³⁵. Уже после того, как Александровский

³⁰Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции В. С. Довгалевскому. 29 декабря 1928 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 11. С. 646.

³¹Presidentin päiväkirja. Osa II. L. K. Relanderin muistiinpanot vuosilta 1928–1931.S. 206.

³²Рупасов А. И. Советско-финляндские отношения: середина 1920-х - начало 1930-х гг. С. 151–152

³³Там же. С. 31.

³⁴Рупасов А. И. Советско-финляндские отношения: Середина 1920-х—начало 30-х гг.: дис. ... д-ра. ист. наук. С. 157.

³⁵Presidentin päiväkirja. Osa II. L. K. Relanderin muistiinpanot vuosilta 1928–1931.S. 243.

покинул пост полномочного представителя Финляндии, 24 июля 1929 г. был произведен обмен ратификационными грамотами среди всех участников пакта Бриана-Келлога, что означало его неизбежное вступление в силу через месяц. Тогда Б. С. Стомонаков констатировал: «присоединение Финляндии к московскому протоколу отпадает»³⁶. Относительно общей ситуации конца 1928 – начала 1929 гг., полпред обращал внимание руководства, что «Финляндия все же идет еще в хвосте стран, втягиваемых в антисоветские коалиции»³⁷, однако его роль в решении этих вопросов уже подошла к концу.

Руководство НКВД возлагало на С. С. Александровского неудачи относительно неприсоединения Финляндии к литвиновскому протоколу, поэтому вопрос о его замене стал подниматься в феврале 1929 г. Политбюро приняло это решение уже 7 марта, назначив его на новую должность уполномоченным НКВД при СНК УССР³⁸. Кроме того, по свидетельству коллег, в частности посланника Финляндии в Чехословакии Яна Ходока, Александровский был в плохих отношениях с Я. Прокопем³⁹, возможно из-за резкости и неуступчивости самого полпреда, имевшего на все свою позицию и выражающего ее в прямой и бескомпромиссной манере. В этот период своего поста лишился не только Александровский, но и другие полпреды в странах Прибалтики – Латвии, Литве и Эстонии⁴⁰. В первую очередь, это было связано с наметившимся сближением Швеции и государств востока Балтики. Для Финляндии же в подобных условиях снова обострялся вопрос о выборе внешнеполитической ориентации: скандинавской или балтийской, а это значит, что политика ее «блестящей изоляции» подходила к концу.

Судьба дипломата С. С. Александровского имела трагичный финал, как и у всех его предшественников на этом посту. Вплоть до 1938 г. он справлял дипломатическую службу за границей. Во время войны служил в народном ополчении Москвы, а затем попал в печально известный нацистский концлагерь №6. В 1943 г., выбравшись плена, был арестован

³⁶Цит. по: *Рупасов А. И.* Советско-финляндские отношения: Середина 1920-х—начало 30-х гг.: дис. ... д-ра. ист. наук. С. 161.

³⁷Там же. С. 142–143.

³⁸*Рупасов А. И.* Советско-финляндские отношения: Середина 1920-х—начало 30-х гг.: дис. ... д-ра. ист. наук. С. 175.

³⁹Там же. С. 162.

⁴⁰Там же. С. 177.

в СССР по обвинения в шпионаже в пользу Германии. 17 августа 1945 г. расстрелян⁴¹.

Подводя итоги деятельности Александровского в Финляндии, стоит отметить его приверженность от начала и до конца службы методов «демонстрации силы». Для финского руководства «вопрос престижа и национального самолюбия», по мнению полпреда, оказался выше стремлений к взаимному сближению⁴². После прихода М. М. Литвинова у Александровского все чаще возникали разногласия с Накроминделом касательно проводимой линии в отношении Финляндии. В то же время, «на полях» писем Александровского все чаще появляются неодобрительные заметки Стомонякова⁴³. Что касается практических итогов деятельности полпреда, то важно отметить его роль в урегулировании острой ситуации 1927–1928 гг. Благодаря адекватной оценке и личной инициативности, полпредству удалось предотвратить обострение ряда конфликтов и вывести отношения в относительно спокойное русло.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Baryshnikov V. N. Ot prohladnogo mira k zimnej vojne. *Vostochnaja politika Finlandii v 1930-e gg.* [From the cool peace to the Winter War: Eastern Policy of Finland in the 1930s]. St. Petersburg: Izdatel'stvo SPbU Publ., 1997. 352 p.

Барышников В. Н. От прохладного мира к зимней войне. Восточная политика Финляндии в 1930-е гг. Санкт-Петербург: Издательство СПбУ, 1997. 352 с.

Diplomaticeskij slovar'. [Diplomatic dictionary]. Head editors A. A. Gromyko, A. G. Kovalev, P. P. Sevost'janov, S. L. Tihvinskij. Moscow: Nauka Publ., 1986. 752 p.

Дипломатический словарь. Главная редакция А. А. Громыко, А. Г. Ковалев, П. П. Севостьянов, С. Л. Тихвинский. Москва: Наука, 1986. 752 с.

Dokumenty vneshney politiki SSSR [Documents of the Foreign Policy of the USSR]. Vol. 10–15. Moscow: Politizdat Publ., 1958–1968.

Документы внешней политики СССР. Тома 10–15. Москва: Политиздат, 1958–1968.

⁴¹Жертвы политического террора. URL: <https://lists.memo.ru/d1/f334.htm#n16> (дата обращения: 20.04.2022).

⁴²Цит. по: *Пунасов А. И.* Советско-финляндские отношения: Середина 1920-х—начало 30-х гг.: дис. ... д-ра. ист. наук. С. 123.

⁴³Там же. С. 150, 176.

Zhertvy politicheskogo terrora [Victims of political terror]: informational portal. URL: <https://lists.memo.ru/> (date of application: 25.05.22).

Жертвы политического террора: [Электронный ресурс]: информационный портал. URL: <https://lists.memo.ru/> (дата обращения: 25.05.22).

Ioffe A. E. Vneshnjaja politika Sovetskogo Sojuza 1928–1932 gg. [Foreign policy of the Soviet Union 1928–1932s]. Moscow: Nauka Publ., 1968. 487 p.

Иоффе А. Е. Внешняя политика Советского Союза. 1928–1932 гг. Москва: Наука, 1968. 487 с.

Katcova M. A. «Skandinavskij blok» v Lige nacij i osobennosti sotrudnichestva stran Severnoj Evropy na mezhdunarodnoj arene v 1920-e gg. [The „Scandinavian Bloc“ in the League of Nations and the peculiarities of cooperation between the Nordic countries in the international arena in the 1920s.], in *Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni*. 2010. № 4. P. 109–159.

Катцова М. А. «Скандинавский блок» в Лиге наций и особенности сотрудничества стран Северной Европы на международной арене в 1920-е гг. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2010. № 4. С. 109–159.

Posol'stvo Rossijskoj Federacii v Finljandii [Embassy of the Russian Federation in Finland]: official website. 1991. URL: <https://helsinki.mid.ru/istoria> (date of application: 03.05.2022).

Посольство Российской Федерации в Финляндии [Электронный ресурс]: официальный сайт. 1991. URL: <https://helsinki.mid.ru/istoria> (дата обращения: 03.05.2022).

Rupasov A. I. Sovetsko-finljandskie otnoshenija: Seredina 1920-h—nachalo 130-h gg. [Soviet-Finnish relations: Mid-1920s—early 1930's]: Dr. hist. sci. diss. St. Petersburg. Evropejskij dom Publ., 2004. 490 p.

Рупасов А. И. Советско-финляндские отношения: Середина 1920-х—начало 1930-х гг.: диссертация доктора исторических наук. Санкт-Петербург. Европейский дом, 2004. 490 с.

Rupasov A. I., Chistikov A. N. Sovetsko-finljandskaja granica. 1918–1938 gg. Oчерki istorii. [The Soviet-Finnish border. 1918-1938. Sketches of history]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Avrora Publ., 2016. 240 p.

Рупасов А. И., Чистиков А. Н. Советско-финляндская граница. 1918–1938 гг. Очерки истории. Санкт-Петербург. Издательство Аврора, 2016. 240 с.

Central'nyj Arhiv sluzhby vneshnej razvedki Rossijskoj Federacii. [The Central Archive of the Foreign Intelligence Service of the Russian Federation]. Coll. № 707. P. 93–94. Copy. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/295403#mode/inspect/page/2/zoom/4> (date of application: 26.05.22).

Центральный Архив службы внешней разведки Российской Федерации. Архив № 707. Лист 93–94. Копия. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/295403#mode/inspect/page/2/zoom/4> (дата обращения: 26.05.22).

Korhonen K. Naapurit vastoin tahtoaan I. Suomi neuvostodiplomatiassa Tartosta talvi-sotaan. Helsinki: Tammi, 1966. 260 s.

Presidentin päiväkirja. Osa II. L. K. Relanderin muistiinpanot vuosilta 1928-1931. Helsinki: Weilin & Göös, 1968. 627 s.

Ю. Д. Балащенко

Балащенко Юрий Дмитриевич, сотрудник Музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты».

E-mail: yurabal@gmail.com

ТВОРЧЕСКАЯ ЭЛИТА ФИНЛЯНДИИ В ИЗОБРАЖЕНИИ И. Е. РЕПИНА

Творческая элита Финляндии 20-х годов XX века нашла свое отражение на одной из последних больших работ великого русского художника И. Е. Репина. После получения Финляндии независимости И. Е. Репин, оставаясь жить в своем имении «Пенаты», оказался в эмиграции. В начале 1920 г. художника наградили «Орденом Белой Розы», а в сентябре того же года в Хельсинки была открыта выставка работ Репина и состоялось его чествование. На банкете присутствовала практически вся творческая элита страны. По дороге домой, Репин решил написать картину, которая отразила бы собрание выдающихся людей. Большое полотно «Финские знаменитости» было им написано и выставлено в ноябре 1922 г. в Хельсинки. После возвращения картины в «Пенаты», И. Е. Репин ее переделывал вплоть до 1927 г., но полотно осталось незавершенным. Причем интересна трансформация образа барона К. Г. Маннергейма, запечатленного на этом полотне. На 1-ом варианте картины изображение К. Г. Маннергейма отсутствует на первом плане полотна, а во 2-м варианте картины барон занял место в самом ее центре.

Ключевые слова: Репин И. Е., история культуры, российско-финляндские связи.

Yu. Balatsenko

Balatsenko Yuriy Dmitrievich, Senior Researcher of the Museum-Manor of Ilya Repin “Penaty”.

E-mail: yurabal@gmail.com

THE CULTURAL ELITE OF FINLAND DEPICTED BY I. E. REPIN

Representatives of the cultural elite of Finland of the 1920’s were depicted in one of the last big paintings “The Great Men of Finland” by the famous Russian artist I. E. Repin. After Finland gained independence from Russia in 1918, I. E. Repin continued to live in his estate “Penates”, and thus found himself in exile. At the beginning of 1920, the artist was awarded the “Order of the White Rose”, and in September of the same year an exhibition of Repin’s works was opened in Helsinki and a celebration banquet held in his honor and attended by almost the entire creative elite of the country. On his way back home, Repin decided to paint a picture that would reflect a meeting of these prominent people. A large painting of Finnish celebrities was painted by him and exhibited in November 1922 in Helsinki. When the painting was returned to “Penates”, Repin kept working on it until 1927, but nevertheless the canvas remained unfinished. In particular, of interest is the transformation of the depicted image of Baron K. G. Mannerheim. In the 1st version of the painting, his image is absent in the foreground, while in the 2nd version, Baron was placed in the very center of the picture.

Keywords: Repin Ilya E., history of culture, Russian-Finnish relations.

После провозглашения Финляндией в декабре 1917 г. независимости государственная граница между ней и Советской Россией на Карельском перешейке прошла по реке Сестре. В результате поселок Куоккала (Репино), где в это время в своей усадьбе жил Илья Ефимович Репин (1844-1930), вошел в состав Финляндской Республики. Таким образом, великий русский живописец стал вынужденным эмигрантом, оказавшись всего в 6 километрах севернее границы с Советской Россией.

Естественно, в этих условиях И. Е. Репину следовало как-то выстраивать свои отношения с молодым независимым государством. Этим можно объяснить, что в условиях, когда уже стало ясно, что Гражданская война в России заканчивалась, Репин решил преподнести Финляндии очень дорогой подарок. В марте 1920 г. он подарил Финскому Художественному Обществу (Suomen Taideyhdistys) коллекцию картин русских живописцев из своего собрания. Она состояла из 30 полотен. Из них семь картин были написаны самим Репиным и двадцать три полотна других знаменитых русских художников. Сотрудник Финской национальной галереи Т. Хууско отмечал, что «ценность этого дара заключалась и в том, что ранее в собрании Художественного Общества было крайне мало произведений русских художников, несмотря на то, что Финляндия входила в состав Российской Империи»¹. В целом подарок пришелся «ко двору». В знак благодарности члены Финского Художественного Общества избрали Репина своим почетным членом.

31 мая 1920 г. первый президент Финляндии К. Ю. Столберг подписал Указ о награждении И. Е. Репина высшим знаком отличия молодой финской республики орденом «Белой Розы». Репин получил вторую степень ордена, так как первой награждались только главы государств. Необходимо отметить, что еще до получения высокой правительственной награды, Илья Ефимович, ценя хорошее к себе отношение финнов, писал писателю А. И. Куприну: «...со мной финны обращаются очень дружески...»². Репин, 31 мая 1920 г. т.е. в день подписания Указа о награждении, сооб-

¹Хууско Т. Произведения Ильи Репина в Художественном музее Атенеум // Каталог выставки «Репин» в Кадриоргском художественном музее. Таллинн. 2013. С. 74-75.

²Репин И. Е. Письмо к А. И. Куприну, январь 1920 г. // Журнал «Новый мир». № 9. 1969. С. 194.

шил своему другу и коллеге В. Ф. Леви, что «от финляндского Правительства ему пожертвовали Орден командора 2-й степени «Белой Розы»³.

Подаренные Репиным картины, были выставлены в столице Финляндии в мае 1920 года в музее Атенеум. Искусствовед Т. П. Бородина, изучавшая финские периодические издания того времени, констатировала, что «выставка получила широкую рекламу и имела резонанс в прессе. Все центральные финские газеты Хельсинки комментировали акт передачи картин...»⁴.

В сентябре того же года в Хельсинки была устроена выставка картин И. Е. Репина. Финское Художественное Общество, пригласив великого русского художника на ее открытие, решило отметить заслуги своего новоизбранного почетного члена торжественным ужином.

Приехав в Хельсинки, Илья Ефимович пробыл там с 14 по 21 сентября 1920 г. Торжественный ужин в честь И. Е. Репина прошел в «Доме благородного собрания» (Seurahuone) финской столицы. Как отмечал Т. Хууско, ссылаясь на финского исследователя О. Валконена, стол в банкетном зале «был накрыт на 35 человек и в процессе празднества к его участникам присоединился генерал Маннергейм, который в то время был, несомненно, самым уважаемым человеком среди финской интеллигенции»⁵.

За праздничным столом собралась практически вся творческая элита нового молодого государства. Среди приглашенных лиц, были художники, скульпторы, поэты, писатели, музыканты, композиторы и общественные деятели страны. На банкете с приветственными речами выступили вице председатель Финского Художественного Общества В. Бломштедт и известный скульптор В. Валлгрэн. Наиболее известный финский поэт того времени Эйно Лейно прочитал специально написанные к этому торжеству стихи, посвященные Илье Ефимовичу. В них поэт, сравнивая Репина с великой русской рекой Волгой, писал: «Репин – ты наша любовь, как для России - Волга»⁶. Несколько позже И. Е. Репин в переписке с бывшим российским золотопромышленником В. И. Базилевским

³Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 790. Оп. 1. Д. 2. Л. 21. 21 об.

⁴Бородина Т. П. И. Е. Репин в Финляндской прессе 1918-1930 // «В Пенатах было наше счастье». Лаппеенранта, 2009. С. 86.

⁵Хууско Т. Произведения Ильи Репина в Художественном музее Атенеум. С. 76.

⁶Цит. по: Соини Е. Илья Репин в Финляндии // «В Пенатах было наше счастье». С. 127.

охарактеризовал поэта следующим образом: «Какой симпатичный человек их поэт Эйно Лейно, глубокая душа и чистый поэт – алмаз»⁷.

Отвечая на приветственные речи участников банкета, Илья Ефимович отметив перемены, произошедшие в Финляндии с момента получения страной независимости, призвал присутствовавших на торжестве к сохранению памяти о том, что происходило в стране на их глазах. Вспоминая свою эмоциональную речь, Репин писал, что «обращаясь к друзьям художникам, я говорил, что на их обязанности лежит увековечить в картинах и портретах их теперешний великий момент национальной жизни»⁸.

Через много лет, вспоминая былые дни и банкет в Хельсинки, художник писал живописцу, и хранителю художественного отдела Русского музея П. И. Нерадовскому, что «он говорил с их разрешения по-русски»⁹. Широкий жест, присутствовавших на торжественном вечере, можно легко объяснить, так как все они всего несколько лет назад были подданными Российской Империи и многие из них, получив там образование, прекрасно владели русским языком.

Время, проведенное Репиным в столице Финляндии, было в полной мере использовано художником. 19 сентября Илья Ефимович всего за один сеанс написал блестящий портрет одного из самых знаменитых финских живописцев Акселя Галлен-Каллелы. Репин, вспоминая эту работу, писал К. И. Чуковскому 18 марта 1926 г.: «... Мы встретились на товарищеском ужине – друзьями. Я сейчас же адресовался писать его портрет. Он лицом – запорожец – да и характером. Он позировал, и мы прекрасно проводили время, и я написал портрет в один сеанс»¹⁰. Воспоминания Ильи Ефимовича о визите финского художника нашли отражение и в дневнике К. И. Чуковского, где сказано: «Галлен приходил ко мне [Репину] позировать с большим штофом коньяку в кармане»¹¹. Портрет А. Галлен-Каллелы был подарен Репиным центральному художественному музею финской столицы «Атенеум».

⁷ Илья Ефимович Репин, Виктор Иванович Базилевский. Переписка. 1918-1929 годы. СПб.-М., 2012. С. 52.

⁸ *Репин И.Е.* Избранные письма. 1867-1930. М., 1969. Т. 2. С. 331.

⁹ Письма к художникам и художественным деятелям. М. 1952. С. 268.

¹⁰ Илья Репин, Корней Чуковский. Переписка. М. 2006. С. 230.

¹¹ *Чуковский К. И.* Дневник 1922-1935. М., 2012. С. 205.

Спустя год И. Е. Репин, вспоминая торжество в Хельсинки, написал К. И. Чуковскому: «Финские художники отнеслись ко мне лучше, чем родные братья: в Гельсингфорсе мы так пировали!...»¹².

Когда И. Е. Репин возвращался на поезде из Хельсинки в Куоккала домой в Пенаты, у него созрело решение запечатлеть банкет, устроенный финской общественностью в его честь на холсте. В свое время Илья Ефимович написал самую большую свою картину «Торжественное заседание Государственного Совета» (1901-1903). Полотно, отразившее заседание прошедшее 9 мая 1901 г., имеет огромную ценность не только как живописное произведение великого мастера, но и как исторический документ, запечатлевший правящую элиту Российской Империи. Теперь он решил написать нечто подобное, изобразив творческую элиту Финляндии.

О своем решении отобразить на холсте торжественный ужин, прошедший в столице Финляндии, И. Е. Репин поделился в письмах к своим друзьям адвокату А. Ф. Кони и писателю К. И. Чуковскому. Так А. Ф. Кони 28 апреля 1921 г. Илья Ефимович сообщил: «...Я начал писать группу финляндских художников, стараясь скомпоновать что-нибудь вроде бывшего ужина в Гельсингфорсе, где и я сам был и даже какое-то крепкое вино пил, которое мне очень понравилось...»¹³. Спустя пару месяцев Репин в письме от 12 июля 1921 г. к тому же Кони более подробно описал свой замысел: «Возвращаясь в вагоне, я подумал, почему бы мне, ... не попытаться зафиксировать наше вчерашнее собрание финских художников. Да еще и не одних художников: был поэт Эйно Лейно (читал посвященные мне стихи), был Сибелиус, музыкант-композитор, был Маннергейм, генерал, герой-предводитель и пр. и пр. И выписав драгоценный холст из Стокгольма и красок на вес золота из Дюссельдорфа, я принялся...»¹⁴.

Интересная деталь: наиболее подробный текст июньского письма Репина к Кони приведен только в монографии И. Э. Грабаря, посвященной жизни и творчеству И. Е. Репина, которая была издана в 1933 г. всего через три года после кончины Ильи Ефимовича. В последующих многочисленных изданиях переписки И. Е. Репина, текст этого письма приводится с многочисленными купюрами.

В письме от 29 сентября 1921 г. Илья Ефимович описал в несколько шутливой манере К. И. Чуковскому не только рождение идеи написать картину, но и первые шаги, предпринятые им для осуществления замыс-

¹²Репин Илья, Чуковский Корней. Переписка 1906-1929. С. 134.

¹³Письма к художникам и художественным деятелям. С. 224.

¹⁴*Грабарь И.Э.* Репин. М. 1933. С. 237.

ла. «Еще уезжая, уже в вагоне, долго я был обуреваем живой карти[ной] нашего торжества. По приезде я сейчас же, через добрых друзей выписал из Стокгольма большой масл[яный] холст, и полетели мои письма в Гельсинки, а оттуда – 30.000 курьеров – повезли мне фотографии финских художников. Все имена, которые волновали меня еще в 70-х годах – Акс[ель] Гален, Галонен, Ярнфельд и многие другие»¹⁵.

Во время недельного пребывания в Хельсинки Илья Ефимович делал зарисовки участников банкета, по свидетельству очевидцев, Репин никогда не расставался с небольшим альбомом для зарисовок. Художник Ф. Ф. Бухгольц вспоминал, что «Илья Ефимович всегда носил с собой альбом и, ни одной минуты не теряя, делал наброски, зарисовки, даже во время путешествия в вагоне»¹⁶. О том же писал и близкий знакомый живописца известный скульптор И. Гинцбург. Репин «часто посещал театры, концерты, литературные вечера и собрания, всегда и везде зарисовывал в своем альбомчике, с которым он был неразлучен, характерные типы и целые сцены из жизни, и эти заметки, наброски иногда служили ему материалом для дальнейшей работы»¹⁷.

Но для задуманной картины его собственных материалов было явно не достаточно. Поэтому Репин обратился к финским друзьям с просьбой, чтобы они прислали ему фотографии участников торжественного ужина. На его обращение практически сразу же, а именно 18 октября 1920 г., откликнулся вице-председатель Финского Художественного Общества В. Бломштедт. Он, поблагодарив И. Е. Репина в письме за намерение написать картину «Финские знаменитости», обещал прислать фотографии всех бывших участников банкета¹⁸.

В письмах И. Е. Репина к А. Ф. Кони и К. И. Чуковскому необходимо обратить особое внимание на то, что Илья Ефимович написал о заказе для будущей картины холста из Стокгольма и красок из Дюссельдорфа. Дело в том, что многие последние полотна художника писались им на обратной стороне линолеума. Начинаящий художник Антон Михайлович Комашка, который жил у Репина в 1915 г. вспоминал, что Илья Ефи-

¹⁵Репин Илья, Чуковский Корней. Переписка 1906-1929. С. 134.

¹⁶Бухгольц Ф. Ф. Несколько слов об Илье Ефимовиче Репине // Репин. Художественное наследство. В 2-х томах. М.-Л., Т.2. 1949. С. 220.

¹⁷Гинцбург И. Я. Пенаты и мои последние свидания с Ильей Ефимовичем Репиным. С. 319-324 // Репин. Художественное наследство. М.-Л., Т. 2. 1949. С. 319.

¹⁸Научно-библиографический архив Академии художеств. Ф. 25. Оп. 2. Д. 99. Л.15.

мович «вместо холста начал применять линолеум и клеенку (их я закупал тут же в Куоккала в магазине при железнодорожной станции)»¹⁹. Вполне вероятно, что на территории Финляндии, в условиях войны и послевоенной разрухи, ни подходящего холста, ни красок для работы художника не было, что вынудило Репина начать применять необычный материал для своих работ. Примером живописи на линолеуме служит последний автопортрет мастера, написанный им в 1920 г. и находящийся ныне в экспозиции Музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты».

Новый грандиозный проект знаменитого живописца довольно быстро стал воплощаться в жизнь, и это при том, что Репин был уже далеко не молод. 29 июня 1921 г. Илья Ефимович поделился с А. Ф. Кони: «... картина настолько продвинута, что частенько и финны заглядываются у меня на своих знаменитых земляков. Особенно им нравятся Сааринен, знаменитый архитектор, премированный в Париже за проект вокзала в Гельсингфорсе. Маннергейм также имеет успех»²⁰. Далее Репин сообщил Кони, что на картине «...недостает только Стольберга, чтобы картина стала универсальной (извините за выражение). И тут же наш “лукавый мужеченко” нашелся: он повесил портрет Президента на стене. Если его не было, то он должен быть там»²¹.

На стене банкетного зала, изображенного И. Е. Репиным, действительно находится портрет, избранного осенью 1919 г., первого президента Финляндии К. Ю. Стольберга, кисти художника В. Топпелиуса, который также присутствовал на торжественном ужине.

Илья Ефимович в письме к А. Ф. Кони обыграл прозвище “лукавый мужеченко”, которое ему в свое время дал в своих статьях известный публицист, сотрудник газеты «Новое Время» В. П. Буренин, считавшийся в советское время одним из самых реакционных журналистов. О появлении этого своеобразного эпитета также упоминала бывшая ученица Ильи Ефимовича художница В. В. Веревкина. В своих воспоминаниях она писала: «Достаточно вспомнить газетную критику, - например, статьи Виктора Буренина, прозавшего Репина “лукавый мужеченко”»²².

¹⁹Комашка А. М. Три года с Репиным. С. 283-300 // Репин. Художественное наследство. М.-Л. Т. 2. 1949. С. 285.

²⁰Цит. по: *Грабарь И. Э.* Репин. М. 1933. С. 237.

²¹Там же.

²²Веревкина В. В. Памяти учителя // Репин. Художественное наследство. М.-Л., 1949. Т. 2. С. 188.

В конце 1922 г. И. Е. Репин, завершив работу над полотном «Финские знаменитости», выставил его в ноябре того же года в галерее «Льеорхаммер» финской столицы. На приеме, который был устроен в ознаменование открытия выставки в Хельсинки, Репин общался с президентом страны. Позднее Илья Ефимович об этом вспоминал в разговоре с К. И. Чуковским: «Когда я был с выставкой, я получил приглашение посетить Президента... Выглядим мы оба радушно – но ни слова не говорим. Он говорит только по-немецки. Но тут мне был представлен полковник, он был в русской службе. Очень обходительный. Показал мне весь дворец – столы большие из приемного зала. Множество угощений – кофе, чай, закуски – от 3-х до 4-х часов трапеза. Я там очень хорошо провел время...»²³.

Перечислять всех, присутствовавших на банкете лиц, которые впоследствии были изображены Репиным на полотне, пожалуй, не имеет большого смысла. Стоит назвать только наиболее значимых представителей творческой финской элиты, хотя, надо отдать должное, все, кого изобразил Репин, внесли весомый вклад в развитие своей страны, оставив заметный след в истории Финляндии. Из 35 человек, изображенных на полотне, финские исследователи опознали 23 фигуры.

Самыми значительными лицами, которых изобразил И. Е. Репина, были живописцы - А. Галлен-Каллела, П. Халлонен, В. Бломшtedт Э. Ярнефельт, В. Топпелиус и Антти Фавен; скульпторы – В. Валлгрэн и барон Э. Седеркройц; архитектор Э. Сааринен; поэты – Э. Лейно и барон Б. Грипенберг; композиторы - Я. Сибелиус и Р. Каянус; полководец и общественный деятель барон К. Маннергейм. При этом надо отметить, что многие, присутствовавшие на чествовании Репина, были связаны родственными узами.

Кроме того Чуковский в своих дневниковых записях, ссылаясь на разговор с Репиным, также указал, что после окончания выставки «Леви возил картину по Финляндии ... Потом [она] вернулась через 2 года ... я начал кое-какую переделку»²⁴.

Летом 1926 г. И. Е. Репина посетила делегация советских художников. Они приехали к Илье Ефимовичу с тем, чтобы попытаться уговорить живописца переехать в СССР. Во главе делегации был ученик И. Е. Репина И. И. Бродский, а также руководители Ассоциации художников революционной России (АХРР) - Е. А. Кацман, П. А. Радимов и А. В. Григорьев. Евгений Кацман видел картину «Финские знаменитости» в мастерской

²³Чуковский К. И. Дневник 1922-1935. С. 204.

²⁴Там же. С. 205.

художника, и, вспоминая время, проведенное в «Пенатах», привел слова Репина: «Картина была закончена, выставлял я ее на выставку, теперь переделываю. Я ведь не всегда делаю эскизы, komponую прямо картину и без конца переделываю»²⁵.

Илья Ефимович неоднократно обращался к картине вплоть до 1927 г., пытаясь довести ее до совершенства, причем он многое в ней изменил. Но, тем не менее, полотно, осталось незавершенным. Очень интересную оценку своему произведению дал сам И. Е. Репин в мае 1927 г. в письме к П. И. Нерадовскому. Художник написал Петру Ивановичу: «Картина все еще не окончена, и я над ней все еще работаю. Буду очень счастлив, если мне удастся довести картину до желанного конца. Картину можно видеть в моей мастерской по средам. Картина не имеет никакой идейной подкладки»²⁶. Следует обратить особое внимание на то, что «Финские знаменитости», как подчеркнул Репин в письме, свободны от какого-либо идеологического смысла.

Послание Ильи Ефимовича к хранителю художественного отдела Русского музея было написано незадолго до того, как это полотно было завещано Финляндии. Известный финский исследователь Т. Хууско указывал, что «в своем завещании, подписанном 20 августа 1927 г., художник отказал картину финскому правительству с условием, что оно позволит похоронить его дома, на территории “Пенатов” в Куоккала»²⁷.

В окончательном варианте картина «Финские знаменитости», отобразив, вероятно, кульминационный момент вечера, выглядит следующим образом. Поэт Э. Лейно стоя читает свои стихи, посвященные Репину, а сам художник, изображенный со спины, входит в зал, опираясь на трость. Фигура виновника торжества находится в центре полотна. Расположение фигур на нем подчеркивает исключительную скромность великого мастера. Изобразив себя стоящим спиной к зрителю, И. Е. Репин показал, что он не причислял себя к финской творческой элите и, что не он здесь главный персонаж. Справа от входящего Репина сидит К. Г. Маннергейм, будущий маршал Финляндии, он с восторгом смотрит на живописца. Всех изображенных на картине лиц, исследователи обычно делят на несколько групп, которые стоят и сидят вокруг праздничного стола.

²⁵Кацман Е. А. Поездка к Репину в 1926 году // Репин. Художественное наследство. М.-Л. 1949. Т. 2. С. 312.

²⁶Письма к художникам и художественным деятелям. С. 267.

²⁷Хууско Т. Произведения Ильи Репина в Художественном музее Атенеум. С. 76.

Следует обратить особое внимание на образ барона К. Г. Маннергейма, запечатленный на этом полотне. Как отмечал на декабрьской научной конференции 2021 г. Санкт-Петербургского Государственного университета профессор В. Н. Барышников, героизация К. Г. Маннергейма происходила в Финляндии постепенно. Свидетельством тому служит 1-й вариант картины «Финские знаменитости», который был выставлен в Хельсинки в 1922 г. Владимир Николаевич отметил то, что на этом варианте картины изображение К. Г. Маннергейма отсутствует на первом плане полотна. Как считает профессор В. Н. Барышников, это далеко не случайно. В начале 20-х годов XX века барон еще не стал тем безусловным героем гражданской войны в Финляндии, в кого он был превращен во второй половине 20-х годов. И. Е. Репин почувствовал произошедшие перемены в общественном сознании, в результате чего в окончательном варианте картины К. Г. Маннергейм занял место в первом ряду, изображенной им финской элиты. В своей обширной монографии, посвященной К. Г. Маннергейму, В. Н. Барышников отметил, что «... тенденция повышения значимости Маннергейма в победе в гражданской войне продолжала усиливаться. ... Главным “победителем” все в большей степени становился персонально Маннергейм»²⁸.

При создании «Финских знаменитостей» сказалась неординарность репинского таланта. Илья Ефимович, несмотря на почтенный возраст, смог почувствовать изменившееся отношение финской элиты к Маннергейму, получившему звание маршала в 1933 г., поместив его в самом центре картины.

Но следует признать, что полотно И. Е. Репина по разным причинам не было оценено по достоинству современниками как в Советской России, так и, что более удивительно в Финляндии. Замалчивание и неприятие «Финских знаменитостей» в СССР вполне оправдано. На картине изображены люди, которые внесли значительный вклад в художественное и интеллектуальное развитие молодого государства, участвовали, в той или иной степени, в гражданской войне на территории Финляндии. Отстаивая в боях свободу и независимость своей страны, они подпадали под определение – «белофинны», которым пользовались в литературе, изданной в СССР. Что же касается финских искусствоведов той поры, то их, вероятно, не устраивало то, что картина осталась незавершенной. И это притом, что все участники чествования Репина являлись частью

²⁸ Барышников В. Н. Маннергейм и Советский Союз. М., 2021. С. 99.

творческой элиты государства, представляя собой, целую эпоху в культурной и общественной жизни независимой Финляндии.

И только сейчас, когда с момента написания «Финских знаменитостей» прошло столетие, художественная и историческая ценность картины получила заслуженную высокую оценку зрителей и специалистов. Это произошло на фоне переоценки всего творчества И. Е. Репина после 1917 г. В последние годы в специальной литературе появилось вполне адекватное понимание значимости этого удивительного полотна, как для живописи, так и для истории. Современный исследователь Елена Сойни отметила, что «картина эта уникальна, только Репину пришло в голову написать всю элиту Финляндии за одним столом»²⁹.

В заключение необходимо отметить, что картина «Финские знаменитости», хотя и осталась незавершенной, тем не менее, дорога всем знающим и любящим творчество И. Е. Репина, как в России, так и в других странах. Это незаурядное плотно великого мастера, являясь определенной вехой в творческом наследии художника в последние годы его жизни, отразило прекрасные отношения между русским художником и творческой элитой молодого независимого государства, став значительным историческим документом эпохи.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Baryshnikov V. N. *Mannerheim I Sovetskiy Souz*. M.: Kulikovo pole, 2021. 384 p.

Барышников В. Н. Маннергейм и Советский Союз. Куликово поле. М.: Кучково поле. 2021. 384 с.

“V Penatah bilo nashe schastie”, in *Hudojstvenniy musey Ujnoj Karelii*. Lappeenranta: Saimenskiy Universitet prikladnih nauk, 2009. 158 p.

«В Пенатах было наше счастье» // Художественный музей Южной Карелии. Лаппеенранта: Сайменский Университет прикладных наук, 2009. 158 с.

Grabar I. E. *Repin*. Moscow: Jurnalno-gazetnoe obединenie. 1933. 264 p.

Грабарь И. Э. Репин. М.: Журнально-газетное объединение. 1933. 264 с.

Ilia Efimovich Repin, Viktor Ivanovich Bazilevskiy. Perepiska 1918-1929 godi. Saint-Petersburg-Moscow: Izd. Dom Mir. 2012. 384 p.

²⁹Сойни Е. Илья Репин в Финляндии. С. 127.

Илья Ефимович Репин, Виктор Иванович Базилевский. Переписка. 1918-1929 годы. СПб.-М: Изд. Дом Мирь. 2012. 384 с.

Katalog vistavki "Repin". Kadriorgskiy hudojestvenniy muzey. Tallinn. 2013. 216 p.

Каталог выставки «Репин». Кадриоргский художественный музей. Таллинн. Эстония. 2013. 216 с.

Pisma k hudojnikam I hudojestvennim deatelam. Iskusstvo. M. 1952. 408 p.

Письма к художникам и художественным деятелям. М.: Искусство. 1952. 408 с.

Repin I. E. *Izbrannie pisma. 1867-1930.* T. 2. Moscow: Iskusstvo. 1969. 464 p.

Репин И.Е. Избранные письма. 1867-1930 Т. 2.. М.: Искусство. 1969. 464 с.

Repin Iliia, Chukovskiy Korne. Perepiska 1906-1929. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 2006. 352 p.

Репин Илья, Чуковский Корней. Переписка 1906-1929. М.: Новое литературное обозрение. 2006. 352 с.

Repin. *Hudojestvennoe nasledstvo.* Moscow-Leningrad: Nauka, 1949. T. 2. 470 p.

Репин. Художественное наследство. Т. 2. М.-Л.: Наука, 1949. 470 с.

Chukovskiy K. I. *Dnevnik 1922-1935.* Moscow: PROZAIK. 2012. 434 p.

Чуковский К. И. Дневник 1922-1935. М.: ПРОЗАиК. 2012. 434 с.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Ю. Васильева

Васильева Анна Юрьевна, аспирантка кафедры истории Нового и новейшего времени, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: annivasilieva@gmail.com

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ТУРИЗМА ВИКТОРИАНСКОГО ПЕРИОДА В БРИТАНСКОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

История туризма долгое время не принималась историками в круг исследований и как поле исследования начала развиваться только в конце XX в. Изначально наибольший интерес в британской историографии вызвала история развития британских курортов. Круг затрагиваемых тем расширился за счет истории транспорта и его роли в становлении массового туризма, а также истории туристической инфраструктуры, в которую помимо транспорта входили туристические фирмы, отели и путеводители. Источники, которые возникли в результате развития туристической индустрии, используются для исследования установок, предрассудков, стереотипов, присущих определенной социальной группе или нации в целом, и для изучения механизмов формирования собственной идентичности. Викторианский период британской истории был временем активного расширения Британской империи, поэтому изучение развития европейской туристической индустрии в колониях связано с проблемами империализма. В отечественной историографии викторианский туризм практически не изучается. Исследователи чаще обращаются к проблемам восприятия образа другого и конструирования идентичности, опираясь при этом на русскоязычные источники. Британским путеводителям и травелогам отечественные исследователи уделяют меньшее внимание. Все это делает историю викторианского туризма перспективной для дальнейшего изучения.

Ключевые слова: история туризма, Великобритания, Британская империя, идентичность, имагология.

A. Vasilieva

Vasileva Anna Yuryevna, Post-graduate Student of the Department of Modern and Contemporary History, Institute of History, Saint-Petersburg State University.

E-mail: annivasilieva@gmail.com

STUDYING THE HISTORY OF VICTORIAN TOURISM IN BRITISH AND RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

For a long time, the history of tourism was not accepted in the range of studies by historians and began to develop only at the end of the 20th century. Initially, the history of the development of British resorts was of the greatest interest in the British historiography. The range of topics expanded due to the history of transport and its role in the formation of mass tourism, as well as the history of tourism infrastructure, which, in addition to transport, included travel companies, hotels and handbooks. Historical sources that arose as a result of the development of the tourism industry are used to study attitudes, prejudices, stereotypes inherent in a particular social group or nation, and to study the mechanisms of forming an identity. The Victorian era was a period of active expansion of the British Empire, therefore, the study of the development of the European tourism industry in the colonies is associated with the problems of imperialism. Victorian tourism is practically not studied in Russian historiography. PhD dissertations in general history on this topic are rare, doctoral dissertations are absent. Researchers turn to the problems of perceiving the image of another and constructing identity, relying on Russian-language sources. Russian researchers pay less attention to British guidebooks and travelogues. It makes the history of Victorian tourism perspective for further study.

Key words: tourism history, Great Britain, British Empire, identity, imagology.

Изучение туризма как новой формы предпринимательской деятельности началось еще в 1880-х гг. с австрийских и швейцарских работ, посвященных развитию этой отрасли в Альпийском регионе¹, но непосредственно история туризма долгое время игнорировалась исследователями и начала развиваться сравнительно недавно – в конце XX в.

Изначально к истории туризма обратались не историки. Так, в 1985 г. в социологическом журнале *Annals of Tourism Research*² вышел программный номер, в который вошли статьи, затрагивавшие исторический аспект развития индустрии туризма с XVIII в. до современности, и в качестве авторов выступили в основном географы.

Главными популяризаторами нового поля исследования в британской историографии стали Джон Таунер и Джон Киммонс Уолтон, которые в 1990-х гг. выпустили ряд статей, затрагивавших проблемы изучения истории туризма в целом. Дж. Таунер указывал на то, что исследованиям о туризме не хватало исторической глубины³, они также нуждались в использовании междисциплинарного подхода⁴. Дж. Уолтон отмечал, что туризм не принимался в круг тем, касавшихся европейской истории, и был лишен исследователями политического значения⁵. Рост количества работ в этой области наметился в 2000-х гг.⁶. В 2009 г. был основан журнал *Journal of tourism history*, поставивший своей целью, как писал Дж. Уолтон во вступительной статье, развивать и расширять исследования в данной сфере, а также утвердить историю туризма в междуна-

¹См. *Vukonic B.* An Outline of the History of Tourism Theory: Source Material (for Future Research) // *The Routledge Handbook of Tourism Research* / Ed. by C. H. C. Hsu, W. C. Gartner. Oxon, 2012. P. 7.

²*Annals of Tourism Research.* 1985. Vol. 12 (№ 3). Журнал был основан в 1973 г. и долгое время оставался лидером в области исследований туризма.

³*Towner J.* Approaches to Tourism History // *Annals of Tourism Research.* 1988. Vol. 15. P. 47–62.

⁴*Towner J.* What is Tourism's History? // *Tourism Management.* 1995. Vol. 16. № 5. P. 340–341.

⁵*Walton J. K.* Taking the History of Tourism Seriously // *European History Quarterly.* 1997. Vol. 27 (№ 4). P. 563–564.

⁶*Walton J. K.* Prospects in Tourism History: Evolution, State of Play and Future Developments // *Tourism Management.* 2009. Vol. 30. P. 784.

родной академической среде⁷. На данный момент Дж. Уолтон является одним из крупнейших историков туризма.

В британской историографии одной из популярных тем, касающихся истории викторианского туризма, является изучение английских курортов. Эти труды тесно связаны с урбанистикой и экономической историей. Работа, ставшая ориентиром в данной области, вышла из-под пера историка Дж. А. Р. Пимлота еще в 1947 г. Он проанализировал рост спа и курортов, обратился к истории гранд тура и путешествиям в Европу в XIX в., уделил внимание отдыху рабочего класса, а также развитию государственного законодательства в сфере отдыха⁸. Другая ключевая работа, вышедшая в 1983 г., принадлежит Дж. Уолтону. Он охватил период с середины XVIII в. до Первой мировой войны и рассмотрел демографию, социальную структуру, местное самоуправление и экономическое состояние ведущих британских курортов⁹. К более узкой проблеме в своей монографии, переведенной на русский язык, обратился Ф. Грей¹⁰. Он изучил, как прибрежные архитектурные комплексы формировали пространства отдыха и сыграли значимую роль в развитии культуры проведения «каникул у моря».

Часть исследований предпринимает попытки выделить основные элементы, определившие развитие туризма как индустрии. К ним относятся развитие транспорта и сети отелей, возникновение туристических агентств, а также широкое распространение путеводителей. Развитие индустрии туризма было невозможно без улучшения транспортной инфраструктуры. Изучением железных дорог и их роли в становлении туризма в Великобритании в XIX в. занимался Дж. Симмонс¹¹. С. Мейджер подробно изучила связанное с историей британских железных дорог экскурсионное движение¹², особое внимание уделив пассажирам третьего класса и малоизвестным агентам и компаниями, принимавшим уча-

⁷Walton J. K. Welcome to the Journal of Tourism History // Journal of Tourism History. Vol. 1 (№ 1). 2009. P. 1–6.

⁸Towner J., Wall G. History and Tourism // Annals of Tourism Research. 1991. Vol. 18. P. 74.

⁹Sandiford K. A. P. [Review] The English Seaside Resort: A Social History 1750–1914 by J. K. Walton // Journal of Social History. 1984. Vol. 18 (№ 1). P. 136–138.

¹⁰Грей Ф. История курортов: архитектура, общество, природа. М., 2009.

¹¹Simmons J. 1) Railways, Hotels and Tourism in Great Britain 1839–1914 // Journal of Contemporary History. 1984. Vol. 19. P. 201–222.; 2) The Victorian Railway. L., 1991.

¹²Major S. Early Victorian Railway Excursions. Barnsley, 2015.

ствие в развитии массовой мобильности. История пароходного сообщения в контексте истории туризма носит своего рода ревизионистский характер¹³, поскольку исследователи ключевую роль в развитии массового туризма отводят водному транспорту, а не железным дорогам. История отелей изучена гораздо слабее¹⁴.

Изучение становления и развития индустрии туризма невозможно без рассмотрения истории туристических фирм и биографий их основателей. В истории британского туризма главная роль отводится Томасу Куку, которого принято считать отцом современного массового туризма. Историография фирмы «Томас Кук и сын» относительно обширна¹⁵ и затмевает собой историю других британских туристических агентов. Однако эти работы носят описательный характер и не рассматривают историю фирмы в контексте проблем европейской истории.

Столкновение туристов с иной культурной, социальной и политической обстановкой раскрывает специфические черты их сознания, что можно использовать при изучении представлений определенной социальной группы или нации в целом. Классическая работа по истории путешествий и туризма, выполненная в рамках культурной истории вышла в 1987 г. Британский историк Дж. Пембл поставил своей целью выявить страхи, установки и предрассудки, как расовые, так и религиозные, лежавшие в основе мышления викторианцев, направлявшихся на юг Европы (в первую очередь в Италию и Францию) и в Левант. В качестве источников он использовал путеводители, путевые заметки, письма, дневники и художественную литературу, которые позволили реконструировать ценности высшего среднего класса того времени¹⁶.

Тексты путешественников и туристов также служат источником для исследований, касающихся вопросов национальной идентичности. Британский историк Я. Палмовский¹⁷ на примере соперничества между

¹³*Armstrong J., Williams D. M. The Steamboat and Popular Tourism // The Journal of Transport History. 2005. Vol. 26 (№ 1). P. 61–77.*

¹⁴*Bowie D. Innovation and 19th Century Hotel Industry Evolution // Tourism Management. 2018. Vol. 64. P. 314–323.*

¹⁵См. подробнее: *Васильева А. Ю. Роль фирмы «Томас Кук и сын» в системе коммуникаций Британской империи во второй половине XIX века в зарубежной историографии // Клио. № 8 (164). 2020. С. 32–36.*

¹⁶*Pemble J. The Mediterranean Passion. Victorians and Edwardians in the South. Oxford, NY, 1988.*

¹⁷*Palmowski J. Travel with Baedeker: The Guidebook and the Middle Classes in Victorian and Edwardian England // Histories of Leisure / Ed. by R. Koshar. Oxford,*

английским путеводителем Мюррея и немецким Бедкером рассмотрел, какое влияние содержание путеводителей оказывало на формирование национальной идентичности, а также на выбор и восприятие мест, посещаемых во время путешествия. Дж. Стюард исследовала поведение британских туристов в Италии в контекстах социальной и культурной идентичности¹⁸. Однако в 2000-х гг. этой темой занимались в основном не британские, а американские исследователи, которые выпустили работы, посвященные путешествиям британцев в Европу¹⁹, развитию туризма в Шотландии²⁰ и Ирландии²¹. В 2013 г. был издан британский сборник в двух томах, посвященный путешествиям британцев за границу. Целью сборника стало изучение того, как разные ценности и практики повлияли на международное взаимодействие и то, как эволюция от элитных путешествий к массовому туризму, а также опыт империи изменили мировоззрение британцев²².

В Викторианскую эпоху туризм развивался не только в Европе, но и в колониях. В данном случае история туризма рассматривается в ее связи с империализмом. Британский исследователь империализма Дж. М. Маккензи видит большой потенциал в изучении путеводителей. Рассматривая связи между развитием путеводителей и имперской идеологией, Дж. М. Маккензи настаивал на том, что это развитие было центральным процессом сбора данных о формальных и неформальных империях. На страницах путеводителей имперское пространство упорядочивалось и систематизировалось. Для Маккензи справочники и путеводители – важные объекты пропаганды и один из основных инструментов империализ-

N. Y., 2002. P. 105–130.

¹⁸*Steward J.* Performing Abroad: British Tourists in Italy and their Practices, 1840–1914 // *Architecture and Tourism: Perception, Performance and Place* / Ed. by D. M. Lasansky, B. McLaren. Oxford, NY, 2004. P. 53-72.

¹⁹*Morgan M.* National Identities and Travel in Victorian Britain. Basingstoke, N. Y., 2001.

²⁰*Grenier K. H.* Tourism and Identity in Scotland, 1770–1914: Creating Caledonia. Aldershot, Burlington, 2005. 249 p.

²¹*Williams H. A. W.* Creating Irish Tourism: The First Century, 1750-1850. L., NY, Delhi, 2010. 272 p.

²²*The British Abroad since the Eighteen Century. Vol. 1: Travellers and Tourists* / ed. by M. Farr, X. Guegan. Basingstoke, NY, 2013. P. 2.

ма, поэтому они являются ценными источниками информации об имперском сознании²³.

Связь между империализмом и туризмом касалась экономической и культурной интеграции территорий расширяющейся Британской империи, но к этим сюжетам чаще обращаются в Северной Америке, чем в Великобритании. Прежде всего изучается история викторианского туризма на Ближнем Востоке, в Египте и Палестине, в гораздо меньшей степени в Индии²⁴.

В отечественной историографии история зарубежного туризма представлена крайне слабо. Непосредственно по истории британского туризма XIX в. была защищена только одна кандидатская диссертация, посвященная традиционной для британской историографии теме истории курортов²⁵. В целом по всеобщей истории изучаемого нами периода были защищены еще две кандидатских диссертации. Одна обращается к русским туристам во Франции, в другой рассматривается досуговая культура Германии, и один из параграфов посвящен спорту и туризму²⁶. По отечественной истории была защищена кандидатская диссертация, в

²³Mackenzie J. M. 1) *Empires of Travel: British Guide Books and Cultural Imperialism in the 19th and 20th Centuries* // *Histories of Tourism: Representation, Identity and Conflict* / ed. by J. Walton. Clevedon etc, 2005. P. 19–38; 2) *Empire Travel Guides and the Imperial Mind-set from the Mid-Nineteenth to the Mid-Twentieth Centuries* // *The British Abroad since the Eighteenth Century*. Vol. 2: *Experiencing Imperialism* / ed. by M. Farr, X. Guegan. Basinstoke, NY, 2013. P. 116–133.

²⁴См. например: *Hunter F. R. Tourism and Empire: The Thomas Cook & Son Enterprise on the Nile, 1868–1914* // *Middle Eastern Studies*. 2004. Vol. 40 (№ 5). P. 28–54; *Anderson M. The Development of British Tourism in Egypt, 1815 to 1850* // *Journal of Tourism History*. 2012. Vol. 4 (№ 3). P. 259–279; *Low M. C. «The Infidel Piloting the True Believer»: Thomas Cook and the Business of the Colonial Hajj* // *The Hajj and Europe in the Age of Empire* / Ed. by U. Ryad. Leiden, Boston, 2016. P. 47–80; *Choi T. Y. Producing the Past: The Native Arts, Mass Tourism, and Souvenirs in Victorian India* // *Literature Interpretation Theory*. 2016. Vol. 27 (№ 1). P. 50–70.

²⁵Галкина Д. В. Британские морские курорты в эпоху формирования массового туризма (вторая половина XIX - начало XX вв.) : дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.03. Ставрополь, 2020.

²⁶Андреева Е. Б. Эволюция туристических практик русских во Франции: начало XIX – начало XXI вв.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.03. Саратов, 2006; Рязанцева Е. С. Досуговая культура Германской империи в последней трети XIX – начале XX веков: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.03. Ставрополь, 2010.

которой наряду с российскими столицами анализируются туристические практики в Париже²⁷. Докторские диссертации отсутствуют.

В сборнике ИВИ РАН «Homo viator: Путешествие как историко-культурный феномен»²⁸, вышедшем в 2010 г., указывалось, что «вероятно, именно туризм стоит рассматривать как наиболее типичную для нашего времени форму путешествия»²⁹ и необходимо исследовать индустрию путешествия, но исследований на этот счет мало³⁰. В основном проблематика исследований касается образа другого и рассуждений о собственной идентичности³¹.

Можно говорить о том, что исследования британского туризма в отечественной историографии носят отрывочный характер. В статье Т. В. Ишековой представлен взгляд русских путешественников второй половины XIX века на индустрию туризма в Англии³². К теме экскурсионных поездов и проблемам социального реформирования, связанного с железнодорожными перевозками в Англии, обращался А. Б. Соколов³³. В связи с имперской политикой Великобритании рассматривается деятельность фирмы «Томас Кук и сын» в статье Н. В. Дроновой. Автор пришла к выводу о признании современниками интегрированности британского бизнеса в обеспечение национальных интересов Великобритании, его активном участии в расширении Британской формальной и неформаль-

²⁷Захарова Е. А. Стратегии туризма в столичных городах в конце XIX – начале XX века: Санкт-Петербург, Москва, Париж: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. М., 2017.

²⁸Homo viator: Путешествие как историко-культурный феномен / Под ред. А. В. Толстикова и И.Г. Галковой. М, 2010. 373 с.

²⁹Там же. С. 7.

³⁰Там же. С. 9.

³¹Там же. С. 6.

³²Ишекова Т. В. Индустрия туризма Англии (глазами русских путешественников второй половины XIX века) // Туризм и культурное наследие. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2004. С. 63-80.

³³Соколов А. Б. Железнодорожный туризм в ранневикторианской Англии // От Елизаветы I до Елизаветы II. Проблемы британской истории в новое и новейшее время / Под ред. А. Б. Соколова. Сб. статей. Ярославль, 2008. С. 62–74.

ной империй³⁴. В статье Е. Н. Моисеевой отражено отношение французских путешественников к египетским турам Томаса Кука³⁵.

Также в отечественной историографии мало изучаются путеводители, при этом исследователи обращаются к русскоязычным материалам. Наиболее активно российские путеводители XIX в. изучала культуролог И. И. Руцинская³⁶. При изучении литературы путешествий отечественные историки также обращаются в первую очередь к русскоязычным источникам и исследуют восприятие русскими Англии и англичан³⁷, британские травелоги в качестве объекта исследования выступают гораздо реже³⁸.

Таким образом, история туризма является молодым и развивающимся полем исследования. В британской историографии изучается история курортов, туристическая инфраструктура и история туристического бизнеса, которая в основном представлена историей фирмы «Томас Кук и сын». Исследование туристического опыта выступает в качестве материала для изучения формирования стереотипов и предрассудков туристов, а также конструирования собственной идентичности, как в рамках определенной социальной группы, так и нации в целом. При этом связь между империализмом и развитием туристической индустрии за пределами Европы во второй половине XIX в. в большей степени изучается в американской историографии, чем в британской.

Можно говорить о том, что в отечественной историографии история британского туризма XIX в. практически не представлена. Между тем исследования в данной области позволяют дополнить наши представления о происходивших в Великобритании социальных и культурных

³⁴Дронова Н. В. В честь Томаса Кука и Джона Кука, строителей империи... Рах Britannica: история Британской империи и созданного ею мира. Сборник научных работ к 60-летию профессора В. В. Грудзинского // под ред. И. М. Нохрина. Челябинск, 2016. С. 61–79.

³⁵Моисеева Е. Н. Организованный туризм и самостоятельные путешествия в последней трети XIX в.: французы в Северной Африке // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2013. Т. 2. № 1 (70). С. 217–220.

³⁶Руцинская И. И. Путеводитель как феномен массовой культуры: образы российских регионов в провинциальных путеводителях второй половины XIX - начала XX века. М., 2014.

³⁷Ерофеев Н. А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских 1825–1853. М., 1982; Ишекова Т. В. Индустрия туризма Англии (глазами русских путешественников второй половины XIX века)...

³⁸Афанасьева А. Э. Наука, литература и империя: африканские травелоги британцев 1850-х–1870-х гг. // Диалог со временем. 2012. № 39. С. 106–123.

трансформациях, связанных с увеличением мобильности населения и преобразованиями в сфере досуга. Кроме этого, создававшиеся туристической индустрией репрезентации отдельных регионов с целью привлечения в них туристов формировали определенные представления об империи, что могло использоваться как в национальном строительстве внутри Соединенного Королевства, так и в укреплении связей между метрополией и колониями. Развитие частного туристического бизнеса усиливало экономическое присутствие Британской империи на определенных территориях, поэтому вставал вопрос о взаимодействии этого бизнеса с органами власти стран пребывания, а также с британским правительством и его отношением к развитию туризма в колониях. Наконец, туристические маршруты в колонии пролегали через территории третьих стран, что также усиливает политический и дипломатический аспекты данной проблемы. Таким образом, история туризма тесно связана с различными сферами европейской истории и нуждается в дальнейшем изучении.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Afanas'eva A. Je. Nauka, literatura i imperija: afrikanske travelogi britancev 1850-h – 1870-h gg. [Science, Literature and Empire: African British Travelogues of 1850s – 1870s.], in *Dialog so vremenem*. 2012. № 39. S. 106–123.

Афанасьева А. Э. Наука, литература и империя: африканские травелоги британцев 1850-х – 1870-х гг. // Диалог со временем. 2012. № 39. С. 106–123.

Anderson M. The Development of British Tourism in Egypt, 1815 to 1850, in *Journal of Tourism History*. 2012. Vol. 4 (№ 3). P. 259–279.

Andreeva E. B. *Jevoljucija turisticheskikh praktik ruskih vo Francii: nachalo XIX – nachalo XXI vv.* [The Evolution of the Russian Tourist Practices in France: early 19th – early 21st Centuries]: avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.03. Saratov, 2006. 27 s.

Андреева Е. Б. Эволюция туристических практик русских во Франции: начало XIX – начало XXI вв.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.03. Саратов, 2006. 27 с.

Annals of Tourism Research. 1985. Vol. 12 (№ 3).

Armstrong J., Williams D. M. The Steamboat and Popular Tourism, in *The Journal of Transport History*. 2005. Vol. 26 (№ 1). P. 61–77.

Bowie D. Innovation and 19th Century Hotel Industry Evolution, in *Tourism Management*. 2018. Vol. 64. P. 314–323.

Choi T. Y. Producing the Past: The Native Arts, Mass Tourism, and Souvenirs in Victorian India, in *Literature Interpretation Theory*. 2016. Vol. 27 (№ 1). P. 50–70.

Dronova N. V. V chest' Tomasa Kuka i Dzhona Kuka, stroitelej imperii... [In Honor of Thomas Cook and John Cook, the Builders of the Empire...], in *Pax Britannica: istorija Britanskoj imperii i sozdannogo eju mira. Sbornik nauchnyh rabot k 60-letiju professora V. V. Grudzinskogo / pod red. I. M. Nohrina*. Cheljabinsk: Jenciklopedija, 2016. S. 61–79.
Дронова Н. В. В честь Томаса Кука и Джона Кука, строителей империи... // Pax Britannica: история Британской империи и созданного ею мира. Сборник научных работ к 60-летию профессора В. В. Грудзинского / под ред. И. М. Нохрина. Челябинск: Энциклопедия, 2016. С. 61–79.

Erofeev N. A. *Tumannyj Al'bion. Anglija i anglichane glazami russkikh 1825–1853* [The Foggy Albion. England and the British Through the Eyes of the Russians 1825–1853]. M.: Nauka, 1982. 320 s.

Ерофеев Н. А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских 1825–1853. М.: Наука, 1982. 320 с.

Filimonov A. E. Vopros o nacional'noj identichnosti v materialah s#ezdov Amerikanskoj asociacii muzeev (nachalo XX v.), in *Infoomacija - Kommunikacii - Obshhestvo*. 2021. T. 1. P. 394–399.

Филимонов А. Е. Вопрос о национальной идентичности в материалах съездов Американской ассоциации музеев (начало XX в.) // Инфоомация - Коммуникации - Общество. 2021. Т. 1. С. 394–399.

Galkina D. V. *Britanskije morskie kurorty v jepohu formirovanija massovogo turizma (vtoraja polovina XIX – nachalo XX vv.)* [British Seaside Resorts in the Era of the Formation of Mass Tourism (Second Half of the 19th – early 20th Centuries)]: avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk : 07.00.03. Stavropol', 2020. 38 s.

Галкина Д. В. Британские морские курорты в эпоху формирования массового туризма (вторая половина XIX – начало XX вв.) : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.03. Ставрополь, 2020. 38 с.

Gray F. *Istorija kurortov: arhitektura, obshhestvo, priroda* [Designing the Seaside: Society and Nature]. M.: NLO, 2009. 424 s.

Грей Ф. История курортов: архитектура, общество, природа. М.: НЛО, 2009. 424 с.

Grenier K. H. *Tourism and Identity in Scotland, 1770–1914: Creating Caledonia*. Andlershot, Burlington, 2005. 249 p.

Homo viator: Puteshestvie kak istoriko-kul'turnyj fenomen [Homo viator: Travel as a Historical and Cultural Phenomenon] / Pod red. A. V. Tolstikova, I. G. Galkovoj. M.: IVI RAN, 2010. 373 s.

Номо viator: Путешествие как историко-культурный феномен / Под ред. А. В. Толстикова, И. Г. Галковой. М.: ИВИ РАН, 2010. 373 с.

Hunter F. R. Tourism and Empire: The Thomas Cook & Son Enterprise on the Nile, 1868–1914, in *Middle Eastern Studies*. 2004. Vol. 40 (№ 5). P. 28–54.

Ishekova T. V. Industrija turizma Anglii (glazami russkih puteshestvennikov vtoroj poloviny XIX veka) [Tourism Industry in England (Through the Eyes of Russian Travelers of the Second Half of the 19th Century)], in *Turizm i kul'turnoe nasledie. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov*. Saratov, 2004. S. 63-80.

Ишекова Т. В. Индустрия туризма Англии (глазами русских путешественников второй половины XIX века) // Туризм и культурное наследие. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2004. С. 63-80.

Low M. C. «The Infidel Piloting the True Believer»: Thomas Cook and the Business of the Colonial Hajj, in *The Hajj and Europe in the Age of Empire* / Ed. by U. Ryad. Leiden, Boston, 2016. P. 47–80.

Mackenzie J. M. Empires of Travel: British Guide Books and Cultural Imperialism in the 19th and 20th Centuries, in *Histories of Tourism: Representation, Identity and Conflict* / ed. by J. Walton. Clevedon etc, 2005. P. 19–38.

Mackenzie J. M. Empire Travel Guides and the Imperial Mind-set from the Mid-Nineteenth to the Mid-Twentieth Centuries, in *The British Abroad since the Eighteenth Century. Vol. 2: Experiencing Imperialism* / ed. by M. Farr, X. Guegan. Basingstoke, NY, 2013. P. 116–133.

Major S. *Early Victorian Railway Excursions*. Barnsley: Pen&Sword Transport, 2015. 195 p.

Moiseeva E. N. Organizovannyj turizm i samostojatel'nye puteshestviya v poslednej treti XIX v.: francuzy v Severnoj Afrike [Organized Tourism and Independent Travel in the Last Third of the 19th Century: the French in North Africa], in *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tehniceskogo universiteta*. 2013. T. 2. № 1 (70). S. 217–220.

Моисеева Е. Н. Организованный туризм и самостоятельные путешествия в последней трети XIX в.: французы в Северной Африке // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2013. Т. 2. № 1 (70). С. 217–220.

Morgan M. *National Identities and Travel in Victorian Britain*. Basingstoke, N. Y.: Palgrave, 2001. 271 p.

Palmowski J. Travel with Baedeker: The Guidebook and the Middle Classes in Victorian and Edwardian England, in *Histories of leisure* / ed. by R. Koshar. Oxford; N. Y., 2002. P. 105–130.

Pemble J. *The Mediterranean Passion. Victorians and Edwardians in the South*. Oxford, NY: Oxford University Press, 1988. 312 p.

Rjazanceva E. S. *Dosugovaja kul'tura Germanskoj imperii v poslednej treti XIX – nachale XX vekov* [Leisure Culture of the German Empire in the Last Third of the 19th – early 20th Centuries]: avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.03. Stavropol', 2010. 25 s.

Рязанцева Е. С. Досуговая культура Германской империи в последней трети XIX – начале XX веков: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.03. Ставрополь, 2010. 25 с.

Rucinskaja I. I. *Putevoditel' kak fenomen massovoj kul'tury: obrazy rossijskikh regionov v provincial'nyh putevoditel'jah vtoroj poloviny XIX - nachala XX veka* [Guidebooks as a Phenomenon of Mass Culture: Images of Russian Regions in Provincial Guidebooks of the Second Half of the 19th - early 20th Centuries]. M.: URSS, 2014. 285 s.

Руцинская И. И. Путеводитель как феномен массовой культуры: образы российских регионов в провинциальных путеводителях второй половины XIX - начала XX века. М.: URSS, 2014. 285 с.

Sandiford K. A. P. [Review] *The English Seaside Resort: A Social History 1750-1914* by J. K. Walton, in *Journal of Social History*. 1984. Vol. 18 (№ 1). P. 136–138.

Simmons J. *Railways, Hotels and Tourism in Great Britain 1839–1914*, in *Journal of Contemporary History*. 1984. Vol. 19. P. 218.

Simmons J. *The Victorian Railway*. L.: Thames & Hudson, 1991. 416 p.

Sokolov A. B. *Zheleznodorozhnyj turizm v ranneviktorianskoj Anglii* [Rail Tourism in Early Victorian England], in *Ot Elizavety I do Elizavety II. Problemy britanskoj istorii v novoe i novejshee vremja* / Pod red. A. B. Sokolova. Sb. statej. Jaroslavl': JaGPU, 2008. S. 62–74.

Соколов А. Б. Железнодорожный туризм в ранневикторианской Англии // От Елизаветы I до Елизаветы II. Проблемы британской истории в новое и новейшее время / Под ред. А. Б. Соколова. Сб. статей. Ярославль: ЯГПИУ, 2008. С. 62–74.

Steward J. *Performing Abroad: British Tourists in Italy and their Practices, 1840–1914*, in *Architecture and Tourism: Perception, Performance and Place* / Ed. by D. M. Lasansky, B. McLaren. Oxford, NY: Berg, 2004. P. 53-72.

The British Abroad since the Eighteenth Century. Vol. 1: Travellers and Tourists / ed. by M. Farr, X. Guegan. Basinstoke, N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013. 267 p.

Towner J. *Approaches to Tourism History*, in *Annals of Tourism Research*. 1988. Vol. 15. P. 47–62.

Towner J. *What is tourism's history?*, in *Tourism Management*. 1995. Vol. 16. № 5. P. 340–341.

Towner J., Wall G. History and tourism, in *Annals of Tourism Research*. 1991. Vol. 18. P. 74.

Vasil'eva A. Ju. Rol' firmy «Tomas Kuk i syn» v sisteme kommunikacij Britanskoj imperii vo vtoroj polovine XIX veka v zarubezhnoj istoriografii [The Role of Thomas Cook & Son in the Communications System of the British Empire in the Second Half of the 19th Century in Foreign Historiography], in *Klio*. № 8 (164). 2020. S. 32–36.

Васильева А. Ю. Роль фирмы «Томас Кук и сын» в системе коммуникаций Британской империи во второй половине XIX века в зарубежной историографии // *Клио*. № 8 (164). 2020. С. 32–36.

Vukonic B. An Outline of the History of Tourism Theory: Source Material (for Future Research), in *The Routledge Handbook of Tourism Research* / Ed. by C. H. C. Hsu, W. C. Gartner. Oxon, 2012. P. 3–27.

Walton J. K. Prospects in Tourism History: Evolution, State of Play and Future Developments, in *Tourism Management*. 2009. Vol. 30. P. 784.

Walton J. K. Taking the History of Tourism Seriously, in *European History Quarterly*. 1997. Vol. 27 (№ 4). P. 563–564.

Walton J. K. Welcome to the Journal of Tourism History, in *Journal of tourism history*. Vol. 1 (№ 1). 2009. P. 1–6.

Williams H. A. W. *Creating Irish Tourism: The First Century, 1750-1850*. L., NY, Delhi: Anthem Press. 2010. 272 p.

Zaharova E. A. *Strategii turizma v stolichnyh gorodah v konce XIX – nachale XX veka: Sankt-Peterburg, Moskva, Parizh* [Tourism Strategies in Capital Cities in the late 19th – early 20th Centuries: Saint-Petersburg, Moscow, Paris]: avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.02. M., 2017. 30 s.

Захарова Е. А. Стратегии туризма в столичных городах в конце XIX – начале XX века: Санкт-Петербург, Москва, Париж: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. М., 2017. 30 с.

М. А. Мартин, В. Н. Борисенко

Мартин Михаил Андреевич, студент III курса бакалавриата, кафедра истории Нового и новейшего времени, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет. Научный руководитель: В.Н. Борисенко.

E-mail: st077094@student.spbu.ru

Борисенко Виктор Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Нового и новейшего времени, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: v.borisenko@spbu.ru

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ АВСТРАЛИЙСКОГО СОЮЗА

В статье рассматривается современная российская историография, прямо или косвенно посвящённая объединению британских колоний на территории Австралии в федеративное государство. Рассматриваются выводы авторов и их применимость для дальнейшего исследования федерализации Австралии, а также источники, использованные учёными. В статье представлена критика существующей методологии изучения формирования Австралийского Союза и обозначены перспективы развития данной темы. Делается вывод о слабой изученности российскими учёными непосредственно австралийского федерализма и рассмотрении данного явления в качестве исторического контекста, а не объекта исследования. Подчёркивается необходимость прямого обращения к источникам, касающимся федерализации Австралии, с целью комплексного анализа «изнутри» такого многостороннего процесса, как становление национального государства.

Ключевые слова: федерализация Австралии, российская историография, современная историография, Австралийский Союз.

M. Martin, V. Borisenko

Martin Mikhail Andreevich, 3rd year undergraduate student, Department of Modern and Contemporary History, Institute of History, Saint Petersburg State University. Academic supervisor: V.N. Borisenko

E-mail: st077094@student.spbu.ru

Borisenko Viktor Nikolaevich, PhD in History, Associate Professor of the Department of Modern and Contemporary History, Institute of History, Saint Petersburg State University.

E-mail: v.borisenko@spbu.ru

THE CONTEMPORARY RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE FEDERATION OF AUSTRALIA

The article reviews the contemporary Russian historiography related, either directly or indirectly, to the unification of the British colonies in Australia into a federal state. The authors' conclusions, and hence the sources used by scholars, are examined, along with their applicability for further research on the Federation of Australia. The article provides a critique of existing approach for studying the genesis of the Commonwealth of Australia and outlines the topic's future prospects. The conclusion is reached regarding Russian scholars' limited study of the Australian federalism and their understanding of the phenomenon as a historical context rather than a research issue. The necessity of conducting direct references to sources on Australia's Federation is emphasised in order to comprehensively examine "from within" rather a complex process which is the formation of a nation-state.

Key words: the Federation of Australia, Russian Historiography, Contemporary Historiography, the Commonwealth of Australia.

История образования Австралийского Союза является современной и перспективной темой исследований. Процесс интересен как уникальный пример становления национального государства на территории, начало колонизации которой разнится с федерализацией лишь на век. Для анализа столь сложного и многостороннего процесса необходимо подробное рассмотрение существующей научной литературы, так или иначе затрагивающей федерализацию Австралии. Говоря об отечественной историографии образования Австралийского Союза, следует отметить, что в дореволюционной и советской традициях не ставилась цель комплексного изучения данной проблемы, а история Австралии в целом рассматривалась либо с утилитарной точки зрения (пример для переложения на собственный опыт)¹, либо с идеологической (создаваемый советской традицией образ капиталистических стран и поддержка мирового рабочего движения)². Тем не менее существующий пласт изучения истории Австралии сформировал ряд ключевых установок и образов, в той или иной степени повлиявших на сегодняшнее восприятие исследуемой страны российскими учёными. Преемственность подходов, включая отрицательные стороны этого явления, будет рассмотрена в настоящей статье. Поскольку на сегодняшний день не существует работ, где была бы отобрана и проанализирована современная научная литература, посвящённая федерализации Австралии, то настоящее исследование видится конкретным решением такой проблемы. На наш взгляд, публикация каких бы то ни было новых выводов о создании Австралийского Союза невозможна без анализа уже существующего и актуального списка литературы.

Объединение британских колоний на территории Австралии в единое федеративное государство трудно назвать популярной темой в современной российской историографии. С другой стороны, ряд учёных прямо или косвенно касается данного вопроса в своих работах. На наш взгляд,

¹Массов А.Я. Изучение истории Австралии в России: этапы и достижения // Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого). Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Томск, 2019. С. 405.

²Там же. С. 405–406.

анализ публикуемого сегодня историографического материала, выявление его сильных и слабых сторон, а также выведение на этой основе перспектив дальнейших исследований может внести положительный вклад в изучение федерализации Австралии. В настоящей статье последовательно рассмотрены отечественные работы 2000-х и 2010-х гг., в той или иной мере касающиеся экономических, социальных, политических и культурных вопросов создания Австралийского Союза, проанализирован подход российских авторов к данной проблеме.

Говоря об экономической истории Австралии, следует выделить диссертацию кандидата экономических наук Ольги Юзефовны Трунсковой «История становления и развития сельского хозяйства Австралии за 200 лет её существования (1788-1988)»³. Исходя из рассматриваемого нами вопроса, особый интерес представляет первая глава диссертации, посвящённая обзору основных тенденций становления и развития капитализма в сельском хозяйстве Австралии в XIX – первой половине XX в⁴. Выводы экономиста о ключевом характере овцеводства⁵ вкупе с ведущей ролью овечьей шерсти в международной торговле британских колоний в Австралии⁶ могут быть применены исследователями при анализе противостояния мелких и средних землевладельцев с богатыми сквоттерами, владевшими огромными территориями, обычно использовавшимися в качестве пастбищ. С нашей точки зрения, этот конфликт стал одним из существенных толчков к осознанию потребности в национальном правительстве, способном проводить единую аграрную политику. Подобное заключение подтверждается в том числе анализом О.Ю. Трунсковой аграрных отношений в Австралии XIX — начале XX в., где она приходит к выводу о преимущественном характере аренды земель у государства в противовес их непосредственному приобретению в частную собственность⁷. Важен также и источниковедческий опыт учёной. Автор прибегает к работе с законодательными актами Великобритании и Австралии XIX–XX вв. о землевладении и землепользовании, налогообложении и других аспектах аграрного сектора экономики, а также исследует соци-

³Трунсковая О.Ю. История становления и развития сельского хозяйства Австралии за 200 лет её существования (1788-1988): дис. ... канд. экон. наук. СПб, 2004. 223 с.

⁴Там же. С. 16–80.

⁵Там же. С. 44–48.

⁶Там же. С. 57–64.

⁷Там же. С. 64–80.

ально-экономическую статистику XIX–XX вв., особенно многочисленные издания австралийского бюро аграрной экономики, австралийские статистические ежегодники, квартальные статистические данные об эволюции аграрной экономики международных специализированных организаций⁸. Беря во внимание все преимущества работы, отметим, что она никоим образом не посвящена федерализации Австралии — для нас важны именно озвученные выше аналитические выводы О.Ю. Трунсковой, которые могут быть применены и к процессу объединения британских колоний на континенте. Цель и задачи самой диссертации носят непосредственно экономический характер и направлены на преимущественное решение хозяйственных вопросов.

Продолжая обращение к историографии экономической составляющей федерализации Австралии вкуче с социальным аспектом этого процесса, стоит отметить труды доктора исторических наук Людмилы Николаевны Семёновой, ныне работающей в Беларуси, однако окончившей аспирантуру Московского государственного университета. Выделим статью «Земельные эксперименты в Австралии в 90-х гг. XIX в.»⁹, на страницах которой исследуется аграрная политика колоний. Нам трудно согласиться с заключением автора о существовании «государственного социализма» в колониальной Австралии¹⁰, однако вывод об активном вмешательстве властей в экономику для поддержки некрупных землевладельцев в пику сквоттерам¹¹ может быть использован, как уже отмечалось выше, в исследовании процесса формирования национального государства на континенте. Статья, однако, опирается на достаточно узкий материал исключительно историографического характера — всего два автора плюс статья из энциклопедического словаря — и практически не привлекает источников¹², что, к сожалению, не позволяет говорить об источниковедческих преимуществах работы. Более того, при конструировании образа «рабочего рая» автор опирается на достаточно лестную и в малой степени критическую оценку из словаря Брокгауза и Ефрона,

⁸Трунсковая О.Ю. История становления... С. 166–182.

⁹Семёнова Л.Н. Земельные эксперименты в Австралии в 90-х гг. XIX в. // Вестник Могилёвского государственного университета имени А.А. Кулешова. 2009. №1 (32). С. 16–21.

¹⁰Там же. С. 16.

¹¹Там же. С. 17.

¹²Там же. С. 20–21.

данную ещё в самом начале XX в¹³. В той же степени достаточно осторожно стоит относиться к используемым Л.Н. Семёновой оценкам Павла Григорьевича Мижужева, красноречиво и с очевидной эмоциональной окраской назвавшего один из своих трудов «Счастливой Австралией» — именно на него и ссылается автор¹⁴.

Следующая статья учёной под названием «Государственный сектор в экономике британских доминионов в XIX-XX вв.: оценки и интерпретации»¹⁵ содержит весьма интересный для рассматриваемой проблемы вывод. Л.Н. Семёнова заключает, что единое австралийское государство для его населения есть не что иное, как всеобщее предприятие всего австралийского народа¹⁶. Собственно, такое восприятие австралийцами национального государства в достаточной мере вписывается в исследование его формирования и становления, а посему статья видится применимой для рассматриваемой проблемы. Переходя к недостаткам работы, вновь отметим, что в ней применительно к Австралии не содержится источниковедческого анализа и непосредственного обращения к материалу XIX в¹⁷. На наш взгляд, наличие такого обращения особенно важно при работе с экономической статистикой и выведении экономических генерализаций, которые характерны для трудов Л.Н. Семёновой: автор, например, вновь говорит о «государственном социализме», замечая при том, что он был «средним» по сравнению с «наименьшим» в Канаде и «максимальным» в Новой Зеландии¹⁸.

Наконец, ещё одной работой Л.Н. Семёновой, представляющей для нас интерес, является её диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук «Политика социального реформизма в британских доминионах в последней трети XIX – начале XX в.»¹⁹. Учёная выдвигает тезис о высокой степени институционализации австралий-

¹³Там же. С. 16.

¹⁴Там же. С. 17.

¹⁵Семёнова Л.Н. Государственный сектор в экономике британских доминионов в XIX-XX вв.: оценки и интерпретации // Учёные записки УО ВГУ имени П.М. Машерова. 2010. Т. 9. С. 114-118.

¹⁶Там же. С. 116–117.

¹⁷Там же. С. 118.

¹⁸Там же. С. 116.

¹⁹Семёнова Л.Н. Политика социального реформизма в британских доминионах в последней трети XIX – начале XX в.: автореф. ... дис. канд. ист. наук. Минск, 2012. 47 с.

ской экономики, начавшейся как раз в последней трети XIX в²⁰. Обратим внимание, что именно на указанный период приходится расцвет федералистского движения в Австралии, выступавшего за ту самую институционализацию различных сфер жизни австралийского общества в национальных масштабах. Отметим, что в данной работе тезис о «государственном социализме» модифицируется до «значительного государственного сектора»²¹, что видится нам положительным терминологическим сдвигом. Также Л.Н. Семёнова, подобно О.Ю. Трунковой, подчёркивает целенаправленную политику австралийских властей по борьбе с крупным землевладением посредством сдачи в аренду участков мелким и средним собственникам²² — важность этого вывода для изучения образования Австралийского Союза уже рассматривалась выше. Диссертация, в отличие от рассмотренных ранее статей автора, имеет как широкую историографическую базу, так и внушительный корпус источников²³, что, безусловно, можно считать её преимуществом. Тем не менее отечественная часть историографии представлена, как правило, работами времён Российской империи²⁴ и Советского Союза²⁵, для которых характерна свойственная прежним эпохам тенденциозность: личная симпатия имперских авторов к диковинной «Счастливой Австралии» или, напротив, идеологическая окраска марксистского толка, непременно прослеживаемая в советских трудах. Что касается источников, то здесь интересующиеся федерализацией Австралией найдут много важного материала. Автором были изучены многочисленные законодательные акты, принимаемые в рамках политики социального реформизма, указаны официальные публикации и в редких случаях сборники документов, а также отражён ход дебатов по тому или иному законопроекту²⁶. Более того, Л.Н. Семёнова приводит в качестве источника прессу и статистические данные²⁷ — таким образом, читателю представляется разносторонний и ценный материал, который может быть использован при изучении федерализации Австралии, например для оценки масштабов возмож-

²⁰Там же. С. 2.

²¹Там же. С. 4.

²²Там же. С. 5–6.

²³*Семёнова Л.Н.* Политика социального реформизма... С. 8–17.

²⁴Там же. С. 8.

²⁵Там же. С. 9–10.

²⁶Там же. С. 17–18.

²⁷Там же.

ностей и степени поддержки колониальных властей в конце XIX в., что было одним из очевидных факторов объединения колоний. Резюмируя работы Л.Н. Семёновой, можно отметить их точечную направленность на конкретную проблему социального реформизма, которая разработана автором достаточно подробно и обстоятельно, однако следует также учесть и некоторую степень идеологизированности работ в духе социал-демократии, подкрепляющуюся подбором отечественной литературы. Это, однако, нисколько не умаляет большого значения исследований Л.Н. Семёновой для рассматриваемой нами темы, поскольку тщательный анализ экономической политики в Австралии конца XIX в. — обязательное условие обстоятельного изучения процесса формирования австралийского национального государства.

От экономической составляющей перейдём к политической. Здесь следует выделить монографию кандидата исторических наук Натальи Сергеевны Скоробогатых «История Австралии. XX век»²⁸. В книге нам интересна её первая глава «Австралия накануне XX века»²⁹, которая как раз начинается с экономических аспектов и продолжается политическими. Автор подчёркивает ключевую роль золота и овечьей шерсти в экономике Австралии и не забывает упомянуть о колоссальном значении золотой лихорадки для австралийской государственности³⁰. На наш взгляд, такие выводы важны в том числе при изучении федерализации Австралии, поскольку именно золотая лихорадка вкупе с борьбой за пастбища стала катализатором крупных социальных изменений, приведших к рождению нации и появлению национального государства. Н.С. Скоробогатых также приходит к уже знакомому нам выводу об активном поощрении государством частной инициативы и, таким образом, поддержке населения³¹. Переходя к политической составляющей, автор отмечает, что золотая лихорадка и последовавшая за ней общественная трансформация привели к стремительному развитию демократических институтов в колониальной Австралии³². Надо учитывать, что именно этот первый демократический опыт открыл впоследствии дорогу на политическую арену федералистам, поэтому вывод крайне важен в рам-

²⁸Скоробогатых Н.С. История Австралии. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2015. 452 с.

²⁹Там же. С. 6–46.

³⁰Там же. С. 6.

³¹Скоробогатых Н.С. История Австралии... С. 10.

³²Там же. С. 12–13.

как исследуемой нами темы. Н.С. Скоробогатых отмечает колоссальную роль прессы в формировании политического ландшафта Австралии, упоминая при этом одного из лидеров федералистов Альфреда Дикина³³. Заметим, что именно в газетах своё первое пристанище находили сторонники объединения колоний, включая сэра Генри Паркса, чья активная политическая деятельность также упоминается автором³⁴. Более того, в главе рассказывается и о массовой синофобии³⁵ — неприязни к китайцам, которая, на наш взгляд, была одним из ключевых двигателей национализма и, соответственно, объединения Австралии. Завершается глава кратким изложением хода образования Австралийского Союза³⁶, однако информация, с нашей точки зрения, изложена слишком кратко и установочно. Тем не менее весьма важным видится компактное перечисление причин, подтолкнувших австралийцев, с точки зрения автора, к объединению: бурное экономическое развитие, необходимость защищать континент от внешней угрозы, зарождение национальной культуры и национальной элиты, её доминирование в средствах массовой информации, одобрение метрополией создания единой Австралии³⁷. Заметным и безусловным плюсом монографии является обширный источниковедческий и историографический анализ — в рассматриваемой нами главе сделано 149 сносок, содержащих российскую, английскую и австралийскую литературу, а также источники XIX в.³⁸ Работа Н.С. Скоробогатых, таким образом, содержит примечательные сведения о федерализации Австралии и, что особенно важно, имеет небольшой параграф, посвящённый исключительно этому процессу. С другой стороны, весь проанализированный нами фрагмент включен в монографию в качестве подводки к основному тексту, который концентрируется уже на XX в., поэтому книгу «История Австралии. XX век», к сожалению, нельзя назвать трудом по исследуемой нами теме.

На фоне всех озвученных работ выгодно выделяется современное во всех смыслах исследование Елизаветы Станиславовны Сауковой «Проблема создания Австралийской Федерации в интерпретации Альфреда

³³Там же. С. 16.

³⁴Там же. С. 27.

³⁵Там же. С. 30.

³⁶Там же. С. 37–46.

³⁷Там же. С. 37–46.

³⁸Там же. С. 381–387.

Дикина (1880-1900)»³⁹, ёмко оформленное в небольшую статью. На её страницах представлен анализ рефлексии федералистского опыта одного из лидеров в деле объединения колоний Альфреда Дикина. В сущности, автору удалось проанализировать исследуемую нами проблему в дискурсе самих австралийских федералистов, что является большим методологическим преимуществом работы. В статье прослеживается интерпретация чувственного восприятия А. Дикина⁴⁰, попытка понять ход его мыслей, логику⁴¹. Наконец, под занавес статьи даётся обзор терминологической базы политика⁴², что особенно ценно при исследовании федералистского дискурса «изнутри». Работа Е.С. Сауковой, опирающаяся как на современную историографию, так и на разнообразный спектр источников, включая воспоминания самого А. Дикина⁴³, является, с нашей точки зрения, редким примером обращения (и вполне удачного обращения) непосредственно к проблеме образования Австралийского Союза.

Также отметим ещё одну статью Е.С. Сауковой «Формирование политического концепта «Австралийская нация» в австралийской периодике середины XIX в.»⁴⁴. Она, на наш взгляд, является лучшей в отечественной историографии на данный момент. На страницах работы представлены графические изображения частоты упоминания фразы «австралийская нация» в колониальной периодике на протяжении XIX в.⁴⁵, что видится весьма талантливым сведением эмпирических данных для дальнейших умозаключений о национальном строительстве в Австралии, включая подтверждение тезиса Бенедикта Андерсона о формировании наций «печатным капитализмом»⁴⁶. В статье, помимо всего прочего, анализируется эволюция понятия «нация» в австралийском контексте, что отвечает современной методологии истории понятий и развития политических языков. Применение новых подходов в столь слабо разработанной теме

³⁹Саукова Е.С. Проблема создания Австралийской Федерации в интерпретации Альфреда Дикина (1880-1900) // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. №8 (337). С. 74–78.

⁴⁰Там же. С. 75.

⁴¹Там же. С. 76.

⁴²Там же. С. 77.

⁴³Там же. С. 77–78.

⁴⁴Саукова Е.С. Формирование политического концепта «Австралийская нация» в австралийской периодике середины XIX в. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2019. №1. С. 35–43.

⁴⁵Там же. С. 37.

⁴⁶Там же С. 35.

открывает возможность для формирования сильной отечественной школы изучения истории Австралии — вопрос упирается в кадры — количество исследователей, готовых применять качественно новые подходы к, казалось бы, старым или непопулярным проблемам. Досадным видится факт столь редкого применения озвученных выше методов к истории образования единого национального государства на территории Австралии, равно как и мизерное количество цитирований подобных трудов.

Продолжая рассмотрение положительных тенденций, обратимся к опыту источниковедческого анализа и критического подхода к историографии. Крупнейшим, на наш взгляд, отечественным специалистом по истории Австралии на сегодняшний день является доктор исторических наук Александр Яковлевич Массов. В статье «Документальные материалы по истории Австралии XIX – начала XX века в архивах и библиотеках Петербурга» исследователь приводит места хранения источников по истории Австралии⁴⁷, в том числе связанных с рассматриваемой нами темой. Так, например, в Российском государственном архиве военно-морского флота можно найти документальный материал о федерализации Австралии глазами русских моряков⁴⁸. В Российском государственном историческом архиве хранятся дипломатические источники, включая донесения российских консулов⁴⁹, особенно подробно исследованные учёным. Серьёзный анализ этого материала свидетельствует об успехах в отечественном источниковедении австралийской истории.

Для нашей проблемы крайне важна статья А.Я. Массова «Российские консулы в Мельбурне о развитии федералистского движения в Австралии и проблемах формирования Австралийского Союза (конец XIX – начало XX вв.)»⁵⁰. В ней учёный через призму восприятия российских консулов смотрит на изучаемый нами вопрос. А.Я. Массов подчёркивает, что процесс федерализации Австралии сопровождался серьёзными разногласиями, среди которых представителям Российской империи наи-

⁴⁷Массов А.Я. Документальные материалы по истории Австралии XIX – начала XX века в архивах и библиотеках Петербурга // Сборник научных статей, посвящённый 70-летию профессора Виктора Владимировича Сергеева. СПб., 2016. С. 82–92.

⁴⁸Там же. С. 85.

⁴⁹Там же. С. 88.

⁵⁰Массов А.Я. Российские консулы в Мельбурне о развитии федералистского движения в Австралии и проблемах формирования Австралийского Союза (конец XIX – начало XX вв.) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2014. №13. С. 99–112.

более ярко бросался в глаза конфликт интересов между Новым Южным Уэльсом и Викторией⁵¹. Также автор обращает наше внимание на образ внешней угрозы, в том числе российской, использовавшийся для более убедительного оправдания скорейшего объединения колоний — этим пользовался даже будущий первый премьер-министр Австралии Эдмунд Бартон⁵². Серьёзным преимуществом работы является опора на большое количество архивного материала вкупе с его интерпретацией на основе корпуса научной литературы. Донесения представителей, где дотошно зафиксировано наблюдаемое консулами положение дел, являются, безусловно, крайне важным источником⁵³. Следует, однако, отметить, что в статье рассматривается именно отношение российских консулов к происходящим событиям. Яркий тому пример — подробное описание их неверия в скорый успех объединения колоний⁵⁴. Работа, таким образом, предоставляет ценные материалы по образованию Австралийского Союза, однако сама её цель заключается, скорее, не в непосредственном анализе этого процесса, а в рассмотрении его восприятия определёнными лицами. Тем не менее всё то же описание консулами неверия федералистам содержит ссылку на положение дел в самой Австралии, например во фразе: «Австралийцы страстно дорожат своей местной автономией»⁵⁵. Это, в свою очередь, создаёт возможность для смены ракурса преимущественно на самих австралийцев и их отношение к объединению колоний и участие в нём.

Существующая проблема расстановки акцентов в исследованиях подводит нас к вопросу восприятия австралийской истории в России, которую весьма подробно и обстоятельно рассматривает А.Я. Массов. Здесь принципиальное значение имеет работа учёного «Изучение истории Австралии в России: этапы и достижения»⁵⁶. В ней историк справедливо замечает, что как в Российской империи⁵⁷, так и в Советском Союзе⁵⁸

⁵¹ Там же. С. 103.

⁵² Там же. С. 104.

⁵³ Там же. С. 110–112.

⁵⁴ Массов А.Я. Российские консулы... С. 105–107.

⁵⁵ Там же. С. 107.

⁵⁶ Массов А.Я. Изучение истории Австралии в России: этапы и достижения // Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого). Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Томск, 2019. С. 404–411.

⁵⁷ Там же. С. 405.

⁵⁸ Там же. С. 405–406.

складывался определённый стереотип изучения Австралии, продиктованный утилитарными интересами конкретной эпохи и культурной парадигмы. Дискурсивность и примат государственного интереса видны, на наш взгляд, и сейчас. В подтверждение к этому вновь обратимся к статье А.Я. Массова, где автор приводит популярные в наше время темы по истории Австралии, к которым относится концепция устойчивого развития в государстве, его внешняя торговля и опыт мультикультурализма на его территории⁵⁹. Конъюнктурность тематики, с нашей точки зрения, очевидна. В работе А.Я. Массова «К вопросу об изучении и преподавании истории Австралии»⁶⁰ также можно отметить, что Австралийский Союз представляет интерес как субъект международных отношений, в особенности экономических⁶¹. Более того, наиболее активное преподавание истории Австралии ведётся как раз на факультете международных отношений⁶², чего нельзя сказать об историческом факультете.

Подведём итоги. Современная российская историография образования Австралийского Союза представлена крайне малым числом авторов, которые, однако, весьма талантливо, хоть и преимущественно опосредованно, освещают некоторые аспекты процесса. Федерализация Австралии рассматривается либо как исторический контекст к другому изучаемому явлению (например, развитию социального законодательства), либо выступает средством, через которое можно исследовать связанный с ней объект или подвести к нему (например, становление Австралийского Союза уже после объединения колоний). Огромной проблемой видится сохранение конъюнктурной дискурсивности, нацеленной на рассмотрение Австралии в качестве диковинной южной страны, своего рода её отождествление исключительно с географическим объектом. В ином же случае Австралия рассматривается как «социальная лаборатория» для анализа практик, желаемых или не желаемых в своём государстве, а также как торговый партнёр/конкурент и субъект международных отношений. На наш взгляд, позитивным сдвигом в историографии было бы обращение к источникам по федерализации Австралии и их дальнейшая интерпретация в собственно австралийском дискурсе, рас-

⁵⁹Там же. С. 407.

⁶⁰Массов А.Я. К вопросу об изучении и преподавании истории Австралии // Вестник Ишимского государственного педагогического института имени П.П. Ершова. 2014. №2 (14). С. 96–102.

⁶¹Там же. С. 96.

⁶²Там же. С. 98.

смотрение проблемы объединения колоний «изнутри», а не «снаружи». Такое положительное изменение является, с нашей точки зрения, вопросом времени, поскольку всё более расширяющийся доступ к источникам, включая массу оцифрованного материала, недоступного ранее, открывает отечественной историографии перспективы, ограниченные естественными препятствиями прежде. Принимая во внимание критический анализ историографии и активное использование новых источников А.Я. Массовым, а также исследование непосредственно австралийского дискурса Е.С. Сауковой с опорой на современную методологию истории, уже сегодня можно говорить о серьёзных шагах в сторону положительного российского историографического сдвига.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Akademicheskij slovar' teorii i istorii imperij [Academic dictionary of the theory and history of Empires]. Saint-Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2012. 728 p.

Академический словарь теории и истории империй. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2012. 728 с.

Massov A. J. *Dokumental'nye materialy po istorii Avstralii XIX – nachala XX veka v arhivah i bibliotekah Peterburga [Documentary Materials on the History of Australia during the XIX – Early XX Century in the Archives and Libraries of Saint Petersburg]* in *Sbornik nauchnyh statej, posvjashhjonnyj 70-letiju professora Viktora Vladimirovicha Sergeeva.* Saint Petersburg, 2016. P. 82–92.

Массов А. Я. Документальные материалы по истории Австралии XIX – начала XX века в архивах и библиотеках Петербурга // Сборник научных статей, посвящённый 70-летию профессора Виктора Владимировича Сергеева. СПб., 2016. С. 82–92.

Massov A. J. *Izuchenie istorii Avstralii v Rossii: jetyapy i dostizhenija [Studying the History of Australia in Russia: Stages and Achievements]* in *Tvorcheskaja laboratorija istorika: gorizonty vozmozhnogo (k 90-letiju so dnja rozhdenija B.G. Mogil'nickogo). Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem.* Tomsk, 2019. P. 404–411.

Массов А. Я. Изучение истории Австралии в России: этапы и достижения // Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого). Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Томск, 2019. С. 404–411.

Massov A. J. *K voprosu ob izuchenii i prepodavanii istorii Avstralii [On the Issue of Study and Teaching of Australian History]* in *Vestnik Ishimskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni P.P. Ershova*. 2014. No. 2 (14). P. 96–102.

Масов А. Я. К вопросу об изучении и преподавании истории Австралии // Вестник Ишимского государственного педагогического института имени П.П. Ершова. 2014. №2 (14). С. 96–102.

Massov A. J. *Rossijskie konsuly v Mel'burne o razvitii federalistskogo dvizhenija v Avstralii i problemah formirovanija Avstralijskogo Sojuza (konec XIX – nachalo XX vv.) [Russian Consuls in Melbourne Concerning Development of Federalist Movement in Australia and Issues of Shaping of Australian Commonwealth (Late 19th – Early 20th Centuries)]*, in *Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni*. 2014. No. 13. P. 99–112.

Масов А. Я. Российские консулы в Мельбурне о развитии федералистского движения в Австралии и проблемах формирования Австралийского Союза (конец XIX – начало XX вв.) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2014. №13. С. 99–112.

Saukova E. S. *Problema sozdanija Avstralijskoj Federacii v interpretacii Al'freda Dikina (1880-1900) [The Problem of the Federation of Australia in the Interpretation of Alfred Deakin (1880-1900)]* in *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014. No. 8 (337). P. 74–78.

Саукова Е. С. Проблема создания Австралийской Федерации в интерпретации Альфреда Дикина (1880-1900) // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. №8 (337). С. 74–78.

Saukova E. S. *Formirovanie politicheskogo koncepta «Avstralijskaja nacija» v avstralijskoj periodike serediny XIX v. [Formation of the “Australian Nation” Political Concept In the Australian Periodicals of the Mid XIX Century]* in *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019. No. 1. P. 35–43.

Саукова Е. С. Формирование политического концепта «Австралийская нация» в австралийской периодике середины XIX в. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2019. №1. С. 35–43.

Semjonova L. N. *Gosudarstvennyj sektor v jekonomike britanskih dominionov v XIX–XX vv.: ocenki i interpretacii [The Public Sector in the Economy of the British Dominions in the 18th–19th Centuries: Assessments and Interpretations]* in *Uchjonye zapiski UO VGU imeni P.M. Masherova*. 2010. Vol. 9. P. 114–118.

Семёнова Л. Н. Государственный сектор в экономике британских доминионов в XIX–XX вв.: оценки и интерпретации // Учёные записки УО ВГУ имени П.М. Машерова. 2010. Т. 9. С. 114–118.

Semjonova L. N. *Zemel'nye jeksperimenty v Avstralii v 90-h gg. XIX v. [Land Experiments in Australia in the 1890s]* in *Vestnik Mogiljovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. A. Kuleshova*. 2009. No. 1 (32). P. 16–21.

Семёнова, Людмила Николаевна. Земельные эксперименты в Австралии в 90-х гг. XIX в. // *Вестник Могилёвского государственного университета имени А.А. Кулешова*. 2009. №1 (32). С. 16–21.

Semjonova L. N. *Politika social'nogo reformizma v britanskih dominionah v poslednej treti XIX – nachale XX v. [Policy of Social Reform in the British Dominions at the End of XIX – at the Beginning of XX c.]*: avtoref. ... dis. kand. ist. nauk. Minsk, 2012. 47 p.

Семёнова Л. Н. Политика социального реформизма в британских доминионах в последней трети XIX – начале XX в.: автореф. дис. канд. ист. наук. Минск, 2012. 47 с.

Skorobogatyh N. S. *Istorija Avstralii. XX vek [The History of Australia. The 20th century]*. M.: Institut vostokovedenija RAN, 2015. 452 p.

Скоробогатых Н. С. История Австралии. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2015. 452 с.

Trunskaja O. J. *Istorija stanovlenija i razvitija sel'skogo hozjajstva Avstralii za 200 let ejo sushhestvovanija (1788-1988) [The History of the Formation and Development of Agriculture in Australia for 200 Years of Its Existence (1788-1988)]*: dis. ... kand. jekon. nauk. Saint Petersburg, 2004. 223 p.

Трунская О. Ю. История становления и развития сельского хозяйства Австралии за 200 лет её существования (1788-1988): дис. ... канд. экон. наук. СПб, 2004. 223 с.

М. М. Черниговский

Черниговский Михаил Максимович, аспирант кафедры международных гуманитарных связей, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: tchernigovskiy@gmail.com

Л. М. СТАРИКОВА И ЕЕ ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ РУССКО-ЕВРОПЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 30-Е ГОДЫ XVIII ВЕКА

В статье рассматривается вклад в изучение истории русско-европейских отношений в 30-е годы XVIII века советского и российского историка театра, доктора искусствоведения, главного научного сотрудника сектора театра Государственного института искусствознания Людмилы Михайловны Стариковой. История театра рассматриваемого периода неразрывно связана с развитием межгосударственных отношений России и Европы. Принимая во внимание историческую мифологию, сложившуюся вокруг истории русского театра XVIII века, исследователь поставила перед собой задачу создать независимую исследовательскую концепцию, основанную на достаточном документальном и фактологическом фундаменте. В этой связи, исследователь, с одной стороны, воссоздает действительность становления русского театра этого времени, с другой – реконструирует многие стороны русско-европейских отношений XVIII века, в том числе периода правления Российской империей Анны Иоанновны.

Ключевые слова: Л.М. Старикова, история русско-европейских отношений, культурные связи, Российская империя, история русского театра.

M. Chernigovskiy

Chernigovskiy Mikhail Maksimovich, Postgraduate student of the Department of International Humanitarian Relations, School of International Relations, St. Petersburg State University.

E-mail: tchernigovskiy@gmail.com

L.M. STARIKOVA AND HER CONTRIBUTION TO THE STUDY OF THE HISTORY OF RUSSIAN AND EUROPEAN RELATIONS IN THE 30S OF THE XVIII CENTURY

The article discusses the contribution to the study of the history of Russian and European relations in the 30s of the 18th century by the Soviet and Russian theater historian Lyudmila Starikova. The history of the theater of this period is connected with interstate relations between Russia and Europe. Taking into account the historical mythology that developed around the history of the Russian theater in the 18th century, the researcher creates a research concept in relation to the history of the Russian theater of the 18th century, based on a documentary and factual foundation. The researcher recreates the history of the formation of the Russian theater of this time and reconstructs many aspects of Russian-European relations of the 18th century, including the period of the reign of Anna Ioannovna of the Russian Empire.

Keywords: L. Starikova, history of Russian and European relations, cultural ties, Russian empire, history of Russian theater.

История русско-европейских отношений в 30-е годы XVIII века является актуальной исследовательской проблематикой. Особо важной с исторической точки зрения и недоисследованной стороной русско-европейских отношений этого периода остается межгосударственное взаимодействие в области культуры. В отечественной историографии обнаруживаются недостоверные сведения и оценки о развитии русско-европейских связей периода правления Анны Иоанновны, что, в свою очередь, искажает историческую действительность всей исследуемой нами эпохи.

Предлагаемый к рассмотрению период представляется для исследования методологически сложным по многим причинам. Ставя перед собой задачу развеять мифы и легенды, имеющиеся в отечественной историографии по этому периоду, на основе фактологического фундамента, историкам необходимо определить источники достоверной информации, расшифровать, верифицировать, достоверно интерпретировать полученные сведения. В этой связи, ярким примером является исследовательская деятельность Людмилы Михайловны Стариковой в области истории русского театра XVIII века. Некоторые ее работы тесно связаны с историей русско-европейских отношений в сфере культуры и искусства на рубеже 30-х годов XVIII столетия.

Л.М. Старикова родилась в 1943 году. Советский и российский историк театра, доктор искусствоведения, главный научный сотрудник сектора театра Государственного института искусствознания.

В 1971 году исследователь окончила факультет театроведения Государственного института театрального искусства имени А.В. Луначарского (ГИТИС), в 1986 защитила кандидатскую диссертацию на тему «Проблема фактологического изучения жизни и творчества Ф.Г. Волкова и русского театра его времени», в 1996 – докторскую диссертацию на тему «Театр в России XVIII века. Опыт документального исследования». С 1973 по 1986 гг. являлась научным и старшим научным сотрудником Государственного центрального театрального музея имени А.А. Бахрушина. В 1986 году начала исследовательскую деятельность в стенах Государственного института искусствознания. Она входит в состав Ученого совета и является автором научно-исторической концепции экспозиции «Театр в России XVIII века» ГЦТМ имени А.А. Бахрушина. В разные

годы была отмечена премией Министерства культуры РФ, Международной премией Станиславского и другими наградами¹.

История русского театра 30-х годов XVIII века тесно связана с русско-европейскими отношениями этого периода. Театр в России развивался в контексте международного культурного диалога России и Европы. Исследования Л.М. Стариковой воссоздают, с одной стороны, действительность разнообразия культурно-театральной жизни России рассматриваемого периода, с другой – процесс развития межгосударственных связей России и Европы этого времени в области театра и культуры.

Как отмечает сама Л.М. Старикова, «Особенно притягателен и в то же время загадочен был русский театр XVIII века. Но огромная доля его истории состояла из легенд, которые ни доказать, ни опровергнуть, казалось, было нельзя (считалось, что предыдущие историки все возможное уже сделали). Однако природная тяга к точным наукам не давала мне покоя. Концепции, не основанные на достаточном фактическом материале (довольно распространенные по отношению к истории театра XVIII века), меня не убеждали, не давали профессионального удовлетворения. И в своей работе я постаралась отказать от созданных заранее концепций, любой вывод стараясь опереть на документальный фундамент»².

В результате, исследователем был опубликован ряд работ, связанных с историей театра 30-х гг. XVIII века. Среди них монография «Театральная жизнь в России в эпоху Анны Иоанновны. Документальная хроника 1730-1740», которая была опубликована в 1996 году в Москве.

В работе автор отмечает, что многие историки относились к эпохе императрицы Анны Иоанновны как к темному периоду, и история русского театра этого времени не является исключением. Исследователь поясняет, что такое отношение к данному периоду обусловлено двумя основными причинами:

В научном обороте были единичные факты и существовало мнение, что более достоверных сведений по данному периоду найти не удастся;

¹Сведения из открытых источников: Старикова Людмила Михайловна // Государственный институт искусствознания : [сайт]. – 2010-2022. – URL: <http://sias.ru/institute/persons/318.html> (дата обращения: 15.01.2022).

²*Старикова Л.М.* Театра в России XVIII века: Опыт документального исследования / Л.М. Старикова. – М. : Гос. ин-т. искусствознания, 1997. – 152 с.

Общая обстановка, царившая в данный период (имея ввиду, в том числе, известную «бироновщину»).

Данный труд ценен для изучения истории русско-европейских отношений на рубеже 30-х годов XVIII века: достоверно раскрывая многие стороны истории театра в России данного периода с помощью найденных исследователем документальных материалов, можно сделать вывод не только о том, что театральная жизнь в России (особенно в ее столицах) была насыщенной и разнообразной, но и о том, что сотрудничество между Россией и Европейскими странами в сфере культуры имело активный и стратегический для нашей страны характер. Л.М. Стариковой удается обнаружить сведения о спектаклях при дворе приезжих итальянских групп комедии дель'арте, первых оперных постановках, представлениях приезжих иностранных вольных комедийных труппах, кукольников, музыкантов и т.д. В книгу входят документы о деятельности западно-европейских, а именно итальянских и немецких, профессиональных театральных трупп при русском дворе; о русских любительских и полупрофессиональных театральных начинаниях; о частных иностранных постановках в России; о судьбе московского Комедиантского дома; о русской периодической печати о театре и драматургии; сведения «к портрету» Анны (о ее домашних развлечениях в придворном кругу); а также об известном Ледяном доме и «забавной свадьбе» князя Голицына и Бужениновой.

В 2018 году исследователем опубликована книга «Театр и зрелища российских столиц в XVIII веке. Историко-документированные очерки». Этот труд состоит из 5 историко-документированных «очерков», четыре из них посвящены театрально-зрелищной жизни российских столиц разных эпох в XVIII веке – от Петра I до Екатерины II; пятый очерк – биографиям деятелей искусств того времени. В каждом большом Очерке освещаются определенные явления и события театра и зрелищ. Второй очерк посвящен истории русского театра в 30-е годы XVIII века и имеет название «Театр и зрелища в эпоху Анны Иоанновны», в котором освещается и историко-документированный опыт исследователя при изучении данного периода; в том числе освещаются русско-европейские театральные связи периода.

В 2005 году был издан учебник «История русского драматического театра: От его истоков до конца XX века». Коллектив авторов, работающих над учебником, осветил в нем вопросы становления русского театра от его истоков до середины XX века. Цель учебника определена его авто-

рами как «создание целостной картины развития русского сценического творчества как процесса смены стилей и направлений в искусстве, рождения нового языка в культуре, определение основных тенденций формирования самобытного национального театрального искусства»³. Первый раздел учебника составлен Людмилой Михайловной, в нем рассматриваются события и явления из истории русского театра от его зарождения до конца XVIII века. Один из параграфов раздела посвящен истории театра в эпоху правления Анны Иоанновны. В нем освещаются основные вопросы и аспекты театра этого времени, роль некоторых зарубежных театральных деятелей в становлении русского театрального искусства.

Исследователем в разные годы были опубликованы статьи по рассматриваемому периоду. Среди них статья «Театрально-зрелищная жизнь Москвы в середине XVIII века», которая вышла в 1987 году в журнале Памятники культуры: новые открытия. Письменность, искусство, археология (ПКНО за 1986 год); статья «Новые документы об итальянской труппе в России в 30-е годы XVIII века и русском любительском театре этого времени», которая вышла в 1989 году в журнале ПКНО за 1988 год; статья «Театрально-зрелищная жизнь российских столиц в эпоху Анны Иоанновны», которая вышла в 2017 году в журнале «Вопросы театра» и другие.

Преследуя попытку сконструировать независимую и достоверную исследовательскую концепцию, связанную с историей театра XVIII столетия, Л.М. Старикова, помимо прочего, отражает в своих работах процесс протекания сотрудничества в области культуры России и Европы. Исходя из выводов, предлагаемых исследователем, представляется возможным констатировать, что русско-европейские культурные связи исследуемого периода играли важную роль как в процессе становления отечественной культуры и русского профессионального искусства, так и в выстраивании межгосударственных отношений в целом.

³История русского драматического театра: От его истоков до середины XX века : Учебник. 5-е изд., испр. – М.: Российский институт театрального искусства – ГИТИС, 2019. – 624 с.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Istorija ruskogo dramatičeskogo teatra: Ot ego istokov do serediny XX veka [History of the Russian Drama Theatre: From the Appearance to the Middle of the 20th Century]. Moscow: Rossijskij institut teatral'nogo iskusstva – GITIS, 2019. 624 p.

История русского драматического театра: От его истоков до середины XX века : Учебник. 5-е изд., испр. – М.: Российский институт театрального искусства – ГИТИС, 2019. – 624 с.

Starikova Ljudmila Mihajlovna, in Gosudarstvennyj institut iskusstvoznanija [State Institute of Art History (website)], 2010-2022. URL: <http://sias.ru/institute/persons/318.html>

Старикова Людмила Михайловна // Государственный институт искусствознания : [сайт]. – 2010-2022. – URL: <http://sias.ru/institute/persons/318.html> (дата обращения: 15.01.22).

Starikova L.M. Novye dokumenty o dejatel'nosti ital'janskoj truppy v Rossii v 30-e gody XVIII veka v rusском ljubitel'skom teatre jetogo vremeni [New documents on the activities of the Italian troupe in Russia in the 30s of the 18th century in the Russian amateur theater of that time], in Pamjatniki kul'tury. Novye otkrytija. 1988 god [Monuments of culture. New discoveries. 1988]. 1989. P. 67-95.

Старикова, Л.М. Новые документы о деятельности итальянской труппы в России в 30-е годы XVIII века в русском любительском театре этого времени / Л.М. Старикова // Памятники культуры. Новые открытия. 1988 год. – 1989. – С. 67–95.

Starikova L.M. Teatr v Rossii XVIII veka: Opyt dokumental'nogo issledovanija [Theater in Russia of the 18th century: The experience of documentary research]. Moscow: Gos. in-t iskusstvoznanija, 1997. 152 p.

Старикова Л.М. Театр в России XVIII века: Опыт документального исследования / Л.М. Старикова. – М. : Гос. ин-т искусствознания, 1997. – 152 с.

Starikova L.M. Teatral'naya zhizn' Rossii v epohu Anny Ioannovny. Dokumental'naya hronika 1730-1740 [Theatrical life in Russia in the era of Anna Ioannovna. Documentary chronicle 1730-1740]. Moscow: Radiks, 1995. 752 p.

Старикова Л.М. Театральная жизнь России в эпоху Анны Иоанновны. Документальная хроника 1730-1740. Вып. 1 / Сост. Л.М. Старикова. М.: Радикс, 1995. 752 с.

Starikova L.M. Teatral'no-zrelishhnaja zhizn' Moskvy v seredine XVIII veka [Theatrical and entertainment life of Moscow in the middle of the 18th century], in Pamjatniki kul'tury. Novye otkrytija. 1986 god [Monuments of culture. New discoveries. 1986]. 1987. P. 133-188.

Старикова Л.М. Театрально-зрелищная жизнь Москвы в середине XVIII века / Л.М. Старикова // Памятники культуры. Новые открытия. 1986 год. – 1987. – С. 133–188.

Starikova L.M. Teatral'no-zrelishhnaja zhizn' rossijskih stolic v jepohu Anny Ioannovny [Theatrical and entertainment life of Russian capitals in the era of Anna Ioannovna], in Voprosy Teatra [Theater questions], 2017. № 3-4. P. 177-221.

Старикова Л.М. Театрально-зрелищная жизнь российских столиц в эпоху Анны Иоанновны / Л.М. Старикова // Вопросы театра. – 2017. – № 3-4. – С. 177-221.

РЕЦЕНЗИИ

А. В. Смолин

Смолин Анатолий Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Нового и новейшего времени, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: a.smolin@spbu.ru

ОТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ К МИРУ

Сборник документов «Россия и независимость Финляндии 1899–1920 гг.» в трёх томах охватывает историю взаимоотношений двух стран в это непростое время. Третий том. «От противостояния к миру 1917–1920 гг.» посвящён взаимоотношениям между Россией и Финляндией в указанный период. В статье даётся археографическая и источниковедческая оценка третьего тома. Автор статьи обращает внимание на то, что часть архивных документов, составивших основу сборника, публикуется впервые. В распоряжение читателя предоставлена история разработки Временным правительством законов, изменивших статус Финляндии в 1917 г., а также предыстория заключения мирного договора между Финляндией и Советской Россией в 1920 г. Издание предназначено для широкого круга читателей, снабжено обширным научно-справочным аппаратом, приложениями и картами.

Ключевые слова: сборник документов, российско –финляндские отношения, архивные документы, независимость Финляндии, Советская Россия.

A. Smolin

Smolin Anatoly Vasilievich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Modern and Contemporary History, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation.

E-mail: a.smolin@spbu.ru

FROM CONFRONTATION TO PEACE

Collection of documents «Russia and the independence of Finland 1899–1920» in three volumes covers the history of relations between the two countries in this difficult time. The third volume «From Confrontation to Peace 1917–1920» is devoted to the relations between Russian and Finland during this period. The article gives an archaeological and source study assessment of the third volume. The author of the article draws attention to the fact that some of the archival documents that form the basis of the collection are published for the first time. The reader is provided with the history of the development by the Provisional Government of laws that changed the status of Finland in 1917, as well as the prehistory of the conclusion of a peace treaty between Finland and Soviet Russia in 1920. The publication is intended for a wide range of readers, equipped with an extensive scientific and reference apparatus, applications and maps.

Keywords: collection of documents, Russian-Finnish relations, archival documents, independence of Finland, Soviet Russia.

История российско-финляндских взаимоотношений состоит из различных периодов. На смену мирному сосуществованию, хотя и не без различного рода трений и недопониманий, приходили революции, военное противостояние, взаимная подозрительность. Отношениям взаимоуважения мешал и культивировавшийся в финляндском обществе национализм, переходивший в русофобию. Что привело к идее создания великой Финляндии за счёт территорий бывшей империи, которая охватила значительные слои общества. Чтобы разобраться во всех перипетиях исторического сожительства двух соседних народов, необходим профессиональный историографический подход, основанный на изучении отложившихся документов.

Большим подспорьем для историков, занимающихся историей русско-финляндских отношений, стало издание трёхтомного сборника документов «Россия и независимость Финляндии 1899–1920 гг.»¹. Первый том охватывает период с 1899 по 1908 г. и называется «От автономии к противостоянию». Второй том отсылает нас к периоду 1908–1917 гг., который определён как «Динамика противостояния» и наконец последний третий том «От противостояния к миру 1917–1920 гг.» раскрывает непростой поиск компромиссных соглашений, приведших к подписанию Тартусского мира.

Рассматриваемое издание явилось плодом коллективных усилий российских и финских историков. Каждый из томов содержит примерно по 1000 страниц, и охватить такой объём документов и комментариев и приложений в одной рецензии не представляется возможным. Поэтому я сосредоточусь на третьем томе этого издания². Тем более, что ему уже предшествовала публикация сборника документов «Россия и Финляндия: от противостояния к миру» и его объём составлял всего 502 страницы и в нём насчитывалось 277 документов³, и на который я уже опубли-

¹Россия и независимость Финляндии: 1899 – 1920 гг. : Сборник документов в 3т./ отв. сост. М.В.Зеленов. М.: РОССПЭН. 2021.

²Т. 3. От противостояния к миру: 1917 – 1920 гг. /составители М.В.Зеленов(отв. составитель), П.Хакала. М.: РОССПЭН. 2021 1055 с.

³Россия и Финляндия: от противостояния к миру. 1917 – 1920 : сб. док. / отв. сост. М. В. Зеленов; сост. Н. А. Лысенков и др. М: Научно-политическая книга; Политическая энциклопедия, 2017 502 с.

ковал рецензию⁴. Как может убедиться читатель, нынешняя публикация увеличилась вдвое. В неё вошло 830 документов, 283 из них увидели свет впервые.

Составители поставили перед собой цель в одной книге дать цельную картину событий, происходивших между Россией и Финляндией в рассматриваемое время. В связи с этим в сборник вошло достаточно много ранее опубликованных документов. Следует отметить, что многие из них взяты из отечественной, и финской периодической печати и сборников документов, которые не всегда доступны исследователям. Материалы и документы в настоящем издании разбиты на разделы, по хронологии, а те в свою очередь на части также следующие в хронологическом порядке.

I раздел март – октябрь 1917 г. Россия и Финляндия путь от монархии к республике.

Часть 1. Март 1917 – июль 1917 г. Часть 2. Июль – октябрь 1917 г.

Раздел II. Октябрь 1917 – январь 1918 г. Оформление независимости Финляндии.

Часть 3 октябрь 1917 – январь 1918 г.

Раздел III. Январь – май 1918 г. Россия и две Финляндии.

Часть 4. Январь 1918 г. Накануне Гражданской войны. Часть 5. Январь – февраль 1918 г. Часть 6. Февраль - март 1918 г. Разработка договора с Финляндским рабочим правительством. Часть 7. Март- май 1918 г. Реализация договора с Красной Финляндией и отказ от него.

Раздел IV. май – декабрь 1918 г. На пути к миру.

Часть 8 май – август 1918 г. На пути к мирным переговорам с Финляндией в Берлине. Часть 9. 3 – 27 августа 1918 г. Переговоры в Берлине. Часть 10 август октябрь 1918 г. После переговоров о мире. Аландский вопрос. Часть 11. Октябрь 1918 – январь 1919 г. Установление торговых отношений с Финляндией.

Раздел V. Январь 1919 - март 1920 Финляндия и две России.

Часть 12. Январь - сентябрь 1919 г. Проявление напряжения. Часть 13. Сентябрь 1919 г. предложение мира. Часть 14. Октябрь 1919 г. Отказ от мира и отказ от войны

Раздел VI. Март – декабрь 1920 г. Трудный переговорный процесс.

Часть 15. Март – апрель 1920 г. Подготовка переговоров о перемирии. Часть 16. 12 – 24 апреля 1920 г. Переговоры в Раййоки о перемирии. Часть

⁴Смолин А. В. Независимость, рождённая в противостоянии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени / сост. Т. Н. Гончарова. СПб., 2018 № 18(1). с. 219 – 227..

17. Апрель июль 1920 г. От переговоров о перемирии к переговорам о мире. Часть 18. 12 июля - 13 августа 1920 г. Работа мирной конференции и в Тарту. Часть 19. 14 августа – 31 декабря от перемирия к миру.

Итак, мы видим, что построение материала в сборнике с разбивкой на разделы и части позволяет читателю быстрее сориентироваться при работе с документами. Третий том снабжён кратким историческим и археографическим предисловием, в нём указаны архивисты, принимавшие участие в выявлении документов по соответствующим архивам и исследователи, участвовавшие в составлении комментариев, указателей и в переводе материалов на русский язык⁵. В сборнике имеется хроника событий, а также комментарии, которые, что очень важно, содержат сноски на источник сведений. Имеется в издании и список литературы. Логичнее было бы назвать его списком источников и литературы, поскольку в нём присутствуют сборники документов, периодика, воспоминания, а они, как известно не относятся к исследованиям. Отдельно дан список использованных архивных фондов. Хотя их следовало включить в общий список источников. В публикации имеется именной и географический указатели, списки фотодокументов и сокращений всё это облегчает работу исследователя с данной публикацией.

В сборнике имеется четыре приложения:

1. Перечень постановлений правительства и НКВД РСФСР. Список постановлений Временного правительства по Финляндии. Список постановлений СНК, МСНК, СТО, затрагивающих отношения с Финляндией (1917 – 1920).

2. Список нот НКВД РСФСР и МИД Финляндии 1919 – 1920 гг.

3. Биобиблиографический справочник. Генерал губернаторы и статс-секретарь . 1917 г.

4. Биобиблиографический справочник. Участники мирных переговоров 1918 – 1920 гг. После каждой биографии приводятся источники сведений, что повышает роль справочника. Правда, в нём, почему то пропущена фамилия контр-адмирал А.П.Зеленого прибывшего в качестве морского эксперта советской делегации в начале августа 1920 г.

Переходя к оценке материалов помещённых в сборнике можно отметить, что помимо уже известных материалов Юридического совещания мы находим весьма информативный секретный доклад начальника Контрразведывательного отделения я Свеаборгской крепости о немецком шпионаже в Финляндии и участии в нём финляндцев.(док.28)Вызыва-

⁵От противостояния к миру: 1917 – 1920 гг. С. 46.

ют интерес и документы свидетельствующие об ориентации Финляндии на Германию (док. 35) в том числе и ответ генерала Э. Людендорфа 13(26) ноября 1917 г. на просьбу активистов ввести германские войска в Финляндию (док. 95), а также статьи немецких публицистов П. Рорбаха и Г.П. Прокопе о геополитическом значении и Финляндии и Западного Мурмана для Германии. (док. 140, 352). Весьма информативными являются и рапорты сотрудника ВЧК А.Ф. Филиппова председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому и члену коллегии Наркомата по военным и морским делам К.А. Мехоношину. ос событиях в Финляндии (док. 175, 182) Досадная опечатка встречается в названии в док.83. Здесь военный министр А.И. Верховский назван морским министром, хотя в комментариях (с. 910) она устранена.

Если в исследовательской литературе основное внимание уделяется военной помощи Германии. а численность немецкие войска высадившихся в Финляндии определяются в 13003 человека⁶, то в донесении военного агента в Дании Даннелъбека, сообщается о посылке 6000 шведских добровольцев. (док 209), что вносит определённые коррективы в изучение иностранного вмешательства в Гражданскую войну в Финляндии⁷.

В гражданской войне в Финляндии присутствовал и империалистический момент, связанный с захватом территорий у ослабленной России. В данном случае весьма уместна публикация обращения К.Г. Маннергейма к карелам Финляндии и Беломорской Карелии и о планах финского руководства по захвату русских территорий (док.213, 275). Здесь следует заметить, что не только белофины претендовали на русскую территорию, но финские социал-демократы, которых поддерживал рабочий класс, заявляли претензии на территории на Западном Мурмане, что говорит о сильных националистических настроениях в различных слоях финского общества в том числе и рабочем классе (док 218, 232, 335).

После победы белых в Финляндии, началась массовая высылка русских из страны и захват государственного имущества России (док. 289, 306, 307, 325). В связи с этим представляет интерес доклад дипломатического представителя России в Финляндии К.Е. Кованько Г.В. Чичерину (док. 312, 366).

⁶Новикова И. Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002. С.227.

⁷Вассара-Возгерина В-Т. Шведские добровольцы в гражданской войне в Финляндии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т.65. Вып.1. С.245 – 260.

Значительный вклад в изучение темы вносят и документы связанные с советско-финскими переговорами в Берлине. Опубликованные в таком объёме стенограммы заседаний, отчёты главы делегации В.Воровского и другие документы дают достаточно полное представление о происшедших на них дискуссиях и выявляют причины их провала из-за несоответствующих требований Финляндии (док 354, 357, 360, 362 и др.).

Вместе с тем Советское правительство не теряло надежд на переговоры с Финляндией, не смотря на её отказ. В октябре 1919 г. финляндские правящие круги питали надежды на успешное наступление войск генерала Н.Н. Юденича на Петроград, о чём и заявляли совершенно прямо. (док.484). Несмотря на крайне сложную военно-политическую обстановку в которой находилась Советская Россия, по поручению председателя РВСР Л.Д. Троцкого, военный консультант, бывший полковник Ф.В. Костяев, 29 ноября 1919 г. подготовил докладную записку, на случай подготовки мира или перемирия с Финляндией, Эстляндией, Латвией и Литвой. В данном издании приводятся соображения Костяева по Финляндии, хотя если судить и поэтому фрагменту его взгляды по ведению переговоров с другими странами также представляют значительный интерес. Возможно в будущем, эту записку составители опубликуют полностью.

Соображения, связанные с проведением границы с Финляндией представляют значительный интерес, поскольку они показывают различие взглядов, которые существовали у военных специалистов и революционных политических деятелей. Если первые исходили из государственных, стратегических и экономических интересов, то вторые из революционной целесообразности (док. 504). Следует отметить, что соображения Ф.В. Костяева о значении для России Мурманского побережья и переноса туда базы флота совпадали с докладом, поданным в СНК 19 марта 1918 г. по поводу договор Советской России с рабочим правительством Финляндии (СНУ) и передаче ему Западной части Мурман (док. 246).

Весьма интересны материалы о подготовке материалов для советской делегации на переговорах о перемирии (552, 559, 564, 566, 567 и др.), а также публикация протоколов заседаний делегации Советской России и Финляндии в Раяйоках и других документов.

После неудачи переговоров в Раяйоках Советская сторона начинает подготовку к переговорам о мире. Помимо материалов, которые представило морское командование интерес вызывает интерес и требование ревкома Карельской трудовой коммуны о возмещении финским прави-

тельством убытков, которые нанесли финские отряды при вторжении в Карелию (док. 646).

Совершенно оправдано, значительная часть документов освещает переговоры в Тарту (док.647 – 830). Здесь среди источников выделяются стенограммы заседаний. Однако они публикуются не все и не полностью, как справедливо заметили составители, их публикация может составить отдельное издание, но и то что опубликовано даёт нам возможность увидеть обстановку на переговорах.

Материалы, опубликованные в этих разделах, показывают весь драматизм ситуации, сложившейся на конференции, связанной с территориальными уступками на Мурманском побережье. Документы, вводимые в научный оборот составителями, говорят не только о всей сложности переговорного процесса между странами, но и рассматривают ту борьбу, которая развернулась в советском руководстве между противниками и сторонниками уступок. Если с территориальными уступками области Печенги имеется более или менее определённая ясность, то с передачей Финляндии Айновских островов и о. Кий этого нет. В докладной записке секретаря советской делегации Г.В. Черных Г.В. Чичерину от 5 октября 1920 г. говорится: « В проекте имеется предложение, касающееся островов Айновского и Кия, о чём в финском проекте не упоминается». Если следовать её логике, то отдать острова предложила советская делегация. В таком случае встаёт вопрос, была ли это инициатива главы делегации Я.А. Берзина, или она обсуждалась с правительством и им санкционировалась и имеются ли какие либо документы по этому поводу. В самом договоре об островах говорится в примечании 1 к статье 2. То есть им не придаётся особого значения, хотя в стратегическом отношении - это ключ к Западному Мурману. Ничего не говорилось об этих островах в речи Я.А. Берзина на заседании 11-й чрезвычайной сессии ВЦИК о ратификации мирного договора с Финляндией (817) и в годовом отчёте НКВД (док. 829.) Как мы вид им этот вопрос старались всячески обойти, не заостряя на нём внимания.

Для лучшего понимания международной ситуации составители приводят выдержки из обзоров внешнеполитического положения Советской России, которые составлялись в НКВД, что даёт возможность рассматривать переговоры на фоне общей международной обстановки. (док. 729, 764, 773, 785, 790).

Публикация обзоров финляндской печати о мирных переговорах в Тарту, в которых представлены мнения газет разных направлений,

даёт возможность проследить формирование общественного мнения по этому вопросу. В связи с этим, на мой взгляд, представляет интерес интервью министра иностранных дел Финляндии Р. Холсти от 18 сентября 1920 г. буржуазной газете «Гельсинкин Саномат». В нём он обратил внимание на непоследовательность в поведении русской делегации, которая сначала твёрдо стояла на позиции неприкосновенности границ, а два месяца спустя уже признавала право Финляндии на Печенгу. Затем русская делегация предложила обмен территориями, но общественное мнение страны было против, и в результате не отдав ни одного километра своей территории Финляндия получила Печенгу (док. 778). Публикации финских газет дебаты в парламенте показывают, что от договора выиграла не столько Россия, а сколько Финляндия и возвращение СССР утерянного в войнах 1939 – 1940 гг. и 1941 – 1944 гг. подтверждает это.

Заканчивая свой обзор, могу сказать, что историки получили очень качественный сборник документов и можно надеяться, что составители и в дальнейшем будут развивать свою публикаторскую деятельность в этом направлении.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Novikova I. N. *«Finskaja karta» v nemeckom pas'janse: Germanija i problema nezavisimosti Finljandii v gody Pervoj mirovoj vojny* [Finnish card in German solitaire: Germany and the problem of Finnish independence during the First World War]. Saint-Petersburg: St. Petersburg University Press, 2002. 298 p.

Новикова И. Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002. 298 с.

Rossija i nezavisimost' Finljandii: 1899 – 1920 gg. : Sbornik dokumentov v 3 t. [Russian and Finnish independence: 1899–1920: Collection of documents] / Edited by M.V.Zelenov. Moscow: ROSSPjEN. 2021. T. 3. «Ot protivostojanija k miru: 1917 – 1920 gg» / sostaviteli M. V.Zelenov (otv. sostavitel'), P. Hakala. 1055 p.

Россия и независимость Финляндии: 1899 – 1920 гг. : Сборник документов в 3т./ отв. сост. М.В.Зеленов. М.: РОССПЭН. 2021. Т. 3 «От противостояния к миру: 1917 – 1920 гг» / составители М.В.Зеленов (отв. составитель), П. Хакала. 1055 с.

Smolin A. V. *Nezavisimost', rozhdjonnaja v protivostojanii* [Independence born in opposition], in *Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni* [Proceedings of the Department of Modern and Contemporary history]. 2018 № 18 (1). P. 219–227.

Смолин А. В. Независимость, рождённая в противостоянии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2018. № 18 (1). С. 219–227.

Vassara-Vozgrina V-T. Shvedskie dobrovol'cy v grazhdanskoj vojne v Finljandii [Swedish volunteers in the Finnish Civil War], in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija* [Bulletin of St. Petersburg University. History]. 2020. T. 65. Вып.1. P. 245 – 260.

Вассара-Возгрин В-Т. Шведские добровольцы в гражданской войне в Финляндии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып.1. С. 245 – 260.

ТРЕБОВАНИЯ К ПОДАЧЕ МАТЕРИАЛОВ В ЖУРНАЛ

Тексты научных статей, предлагаемые для публикации в журнале Труды кафедры истории Нового и новейшего времени, должны быть оригинальными, ранее не опубликованными произведениями по исторической тематике или смежным дисциплинам.

Рекомендуемый объем статьи – до 40 000 знаков (включая пробелы и сноски), для аспирантов – до 20 000 знаков.

Текст статьи представляется в электронном виде: Документ Word, шрифты группы Times New Roman, основной текст – выравнивание по ширине, 12 кегль, интервал полуторный, абзацный отступ 1,27. Сноски постраничные (внизу страницы), нумерация сквозная по всему тексту, выравнивание по ширине, шрифты группы Times New Roman, 10 кегль, интервал одинарный, отступ/выступ отсутствует.

Оформление сносок:

- фамилия автора выделяется курсивом;
- для обозначения промежутка между страницами используется НЕ ДЕФИС, а короткое тире: С. 33–58;
- в случае, когда в одной сноске указываются несколько работ одного автора, его фамилия указывается один раз, а работы перечисляются под номерами. Например:

Пленков О. Ю. 1) Мифы нации против мифов демократии. Немецкая политическая традиция и нацизм. СПб., 1997; 2) Третий Рейх. Социализм Гитлера. СПб., 2004; 3) Третий Рейх. Нацистское государство. СПб., 2004.

- в случае первой ссылки на работу приводятся ее полные данные, во второй и последующих – сокращенные. Использование обозначений Указ. соч., *Op. cit.* **применительно к монографиям и статьям НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.** При повторных ссылках употребляется сокращенное название, например:

¹*Пленков О. Ю.* Третий Рейх. Арийская культура. СПб., 2005. С. 25.

²*Пленков О. Ю.* Третий Рейх... С. 40.

Использование Там же, *Ibid.* возможно при нескольких ссылках подряд на один и тот же источник или литературу.

Указание редактора или составителя сборника в сносках является желательным.

- образцы оформления ссылок:

На монографию: *Пленков О. Ю.* Истоки современности (динамика и логика развития Запада в новейшее время). СПб., 2014. С. 55.

На статью в журнале: *Барышников В. Н.* О попытке создания в начале 1940 г. тройственного оборонительного союза северных стран // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2000. Вып. 2 (№ 9). С. 18–29.

На статью в издании: *Ушаков В. А.* К вопросу о социальном составе лоялистов (Массачусетс) // Американский ежегодник 1986. М., 1986. С. 202–220.

На статью в сборнике: *Возгрин В. Е.* Настоящее и будущее гренландских эскимосов // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная этнографическая наука / Под ред. Ю. В. Маретина и Б. Н. Путилова. Л., 1979. С. 177–184.

Ссылка на источник, документ: *Бобринский А. Г.* Дневник. 1779–1786 // Козлов С. А. Русский путешественник эпохи Просвещения / Отв. ред. Н. В. Кирюшенко. СПб., 2003. Т. 1. С. 356–447.

Ссылка на публикацию в Интернете: *Бовыкин Д. Ю.* Веронская декларация Людовика XVIII // Новая и новейшая история. 2013. № 3. С. 118–129. Режим доступа: annuaire-fr.narod.ru/Revolution.html (Дата обращения 25.05.14).

Статья подается в сопровождении информации, которая будет обработана и размещена в наукометрических базах данных для индекса цитирования и т.д. Она включает в себя:

- ссылку на грант, если работа выполнена по гранту или программе;
- индекс УДК (универсальной десятичной классификации) указывается рядом с фамилией автора слева, УДК должен отражать тематику статьи;
- Автор: фамилия, имя, отчество, ученая степень, место работы или учебы, должность, электронный адрес;
- заголовок статьи;
- резюме статьи на русском языке не менее 200 слов (200–250), рекомендуемый объем – от 0,3 до 0,5 стр.;
- ключевые слова (5–6 слов);

● литература, использованная в статье. Приводится перечень в алфавитном порядке ВСЕХ статей, монографий и др. произведений научной литературы, на которые в статье были ссылки или которые использовались при подготовке публикации. ПЕРЕЧЕНЬ НЕ НУМЕРУЕТСЯ.

Описание каждого издания делается следующим образом:

Фамилия автора, (ЗАПЯТАЯ) имя (для российских авторов имя + отчество) ПОЛНОСТЬЮ. ВСЕ ВЫДЕЛЯЕТСЯ КУРСИВОМ.

Заголовок работы.

Выходные данные: Место издания (ПОЛНОСТЬЮ, БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ): (двоеточие) ИЗДАТЕЛЬСТВО или ТИПОГРАФИЯ, (запятая) год издания.

ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО СТРАНИЦ или НОМЕРА СТРАНИЦ, на которых напечатана статья.

Образец списка:

Барышников, Владимир Николаевич. Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны. Санкт-Петербург: Издательство РХГА, 2012. 200 с.

Евдокимова, Нина Петровна. Просветы и тупики во франко-германских отношениях середины 1920-х годов: Туари. 17 сентября 1926 года // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 11. С. 106–123.

Соколов, Олег Валерьевич. Битва двух империй 1805–1812. Москва: Астрель; Санкт-Петербург: Астрель – СПб, 2012. 730 с.

Bouche, Denise. Quatorze millions de Français dans la Fédération de l'Afrique occidentale française? // *Revue française d'histoire d'outre-mer.* 1982. № 255. P. 97–113.

La fracture coloniale. La société française au prisme de l'héritage colonial / Sous la direction de Pascal Blanchard, Nicolas Bancel et Sandrine Lemaire. Paris: Editions La Découverte, 2006. 315 p.

Low, Donald Anthony. Eclipse of Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 375 p.

Статья подается также в сопровождении той же самой информации, но в переводе на английский язык.

● ссылка на грант на английском языке;

● индексы УДК на английский переводить НЕ НАДО, они есть только в русской версии;

● сведения об авторе, например, Author: **Petrova Ariadna Alexandrovna.** Ph.D. in History, Ass. Prof. of the Institute of History, Saint-Petersburg

State University, the Department of Modern and Contemporary history, Saint-Petersburg, Russian Federation, a.petrova@spbu.ru;

- перевод заголовка статьи на английский (Title);
- резюме статьи на английском (Abstract). Это должен быть перевод вышеприведенного русского резюме или его расширенный вариант;
- ключевые слова на английском (Key words);
- **References – список использованной литературы, транслитерированный на латиницу и сопровождаемый переводом названия публикации на английский язык (в случае, если оригинал названия – на кириллице), дается в квадратных скобках. Для транслитерации рекомендуем использовать сайт <http://translit.ru>.**

Например:

Baryshnikov, Vladimir Nikolaievich. *Finny na sluzhbe v vojskah SS v gody Vtoroj mirovoj vojny* [Finns in service in the Waffen SS during the Second World War]. Sankt-Petersburg: Izdatel'stvo RHGA Publ., 2012. 200 p.

Evdokimova, Nina Petrovna. Prosvety I tupiki vo franko-germanskih odnoshenijah sere diny 1920-h godov: Tuari. 17 sentjabrja 1926 goda [Clarifications and deadlocks in the French-German relations in the middle of 1920-s years], in *Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni*. 2013. № 11. P. 106–123.

Sokolov, Oleg Valer'evich. *Bitva dvuh imperij 1805–1812* [Battle of Two Empires]. Moscow: Astrel'; Saint-Petersburg: Astrel'-SPb, 2012. 730 p.

ОБРАЩАЕМ ВАШЕ ВНИМАНИЕ, ЧТО В ТРАНСЛИТЕРИРОВАННОЙ ВЕРСИИ ЗНАК // ЗАМЕНЯЕТСЯ НА: , IN.

7. Все выпуски журнала находятся в свободном доступе на Интернет-сайте кафедры истории Нового и новейшего времени: <http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>.

8. Авторы несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, имен собственных, географических названий и прочих сведений, гарантируют наличие разрешения на публикации архивных и прочих материалов.

9. Статьи, не соответствующие тематике журнала и не удовлетворяющие требованиям редколлегии, на рассмотрение не принимаются.

10. Все статьи проходят двойное рецензирование, осуществляемое членами Редакционного совета и независимыми специалистами. Редколлегия оставляет за собой право отбора материалов.

Научное издание

**ТРУДЫ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ НОВОГО
И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ**

22 (1)

Печатается без издательского редактирования

Оригинал-макет: *Т. Н. Гончарова*

Подписано в печать с готового оригинал-макета 30.09.22.

Формат 60x84/16.

Бумага офсетная. Заказ 21-09/21. Усл. печ. л. 9.

Тираж 300 экз.

Издательство РХГА

191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15,

Тел.: (812) 310-79-29, +7(981)699-65-95;

e-mail: rhgapublisher@gmail.com

URL: <http://irhga.ru>